

**СЕРГЕЙ АНДРЕЕВИЧ
МУРОМЦЕВ – ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
ПЕРВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ДУМЫ: ПОЛИТИК, УЧЕНЫЙ,
ПЕДАГОГ**

Орел 2010

**С 76 СЕРГЕЙ АНДРЕЕВИЧ МУРОМЦЕВ – ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
ПЕРВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ: ПОЛИТИК, УЧЕНЫЙ,
ПЕДАГОГ.** Сборник научных статей. Орел: ИД Орлик, 2010. 284 с.

В сборнике научных статей представлены работы, посвященные истории российского либерализма как сложного комплексного многофакторного явления российской политической жизни. Большое внимание уделяется истории либеральной общественно-политической мысли и парламентской деятельности рубежа XIX – XX вв.

Издание сборника приурочено к ста шестидесятилетию С.А. Муромцева и открытию в Орле памятника выдающемуся российскому либеральному политическому деятелю.

Сборник статей предназначен для всех, интересующихся актуальными проблемами отечественной истории.

ББК 63.3(2)

СОДЕРЖАНИЕ

В.В. Шелохаев

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ РУССКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

А.А. Кара-Мурза

**ДВОЙНОЙ ПОРТРЕТ РУССКОГО ЛИБЕРАЛА: ТИМОФЕЙ
ГРАНОВСКИЙ И СЕРГЕЙ МУРОМЦЕВ (к печальным годов-
щинам со дня кончины)**

Л.Г. Березовая

**С.А. МУРОМЦЕВ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
ЛИБЕРАЛИЗМА**

А.С. Туманова

**С.А. МУРОМЦЕВ – ВИДНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ ПРАВА ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ
XIX – НАЧАЛА XX ВВ. – О ЗАДАЧАХ ЮРИСПРУДЕНЦИИ**

Ю.В. Костин

**ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ПРАВА И НРАВСТВЕННОСТИ В
ВОЗЗРЕНИЯХ С.А. МУРОМЦЕВА**

К.А. Соловьев

**ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ В
ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

Д.В. Аронов

**ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ БОРЬБЕ ЗА ПРАВО ... К ЮБИЛЕЮ
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ СЕРГЕЯ
АНДРЕЕВИЧА МУРОМЦЕВА**

В.В. Вострикова

**ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В ТЕОРИИ НОВОГО
РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА (КОНЕЦ XIX- НАЧАЛО XX ВВ.)**

И.В. Желтикова

**МЕСТО ЛИБЕРАЛЬНОЙ ИДЕИ В ОБРАЗЕ БУДУЩЕГО
РОССИИ XIX ВЕКА**

С.С. Секиринский

**ЛИБЕРАЛИЗМ В ЗЕРКАЛЕ ОХРАНИТЕЛЬНОГО СОЗНАНИЯ:
РУССКИЕ «ЛИБРПАНСЁРЫ» И «ПОЛЬСКАЯ ИНТРИГА»**

Д.В. Тимофеев

**«ИСТОРИЯ ПОНЯТИЙ» И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕКОНСТРУКЦИИ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЙ В РОССИИ
ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА**

А.М. Зюзин

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИБЕРАЛЬНЫХ ВЗГЛЯДОВ
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I И КНЯЗЯ АДАМА
ЧАРТОРЫЙСКОГО ОТНОСИТЕЛЬНО ПОЛЬСКОГО ВОПРОСА
В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВВ.**

Т.Н. Гелла

**К ИСТОКАМ РУССКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА: АНГЛИЙСКАЯ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА В ОЦЕНКЕ РУССКОЙ
ПУБЛИЦИСТИКИ 60-70-х гг. XIX в.**

Н.Г. Карнишина

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ТЕОРИИ РОССИЙСКОГО
ЛИБЕРАЛИЗМА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX вв.**

О.А. Харусь

**ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК
СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЛИБЕРАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ
В РОССИИ НАЧАЛА XX в.**

Ф.А. Селезнёв

**ОТНОШЕНИЕ СТАРООБРЯДЦЕВ К ПРОГРАММАМ КАДЕТОВ
И ОКТЯБРИСТОВ**

А.В. Репников

**КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ НАЧАЛА
XX в. В ОЦЕНКАХ КОНСЕРВАТИВНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ**

Н.В. Антоненко

**ЛИБЕРАЛЬНАЯ ДОКТРИНА В ЭМИГРАЦИИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ
НА ИДЕЙНО-ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ПРОГРАММНО-
ТАКТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПАРТИИ КАДЕТОВ**

В.К. Кантор

**КОНСТАНТИН КАВЕЛИН – НЕВОСТРЕБОВАННЫЙ
ОБЩЕСТВОМ МЫСЛИТЕЛЬ**

О.А. Жукова

**ЛИБЕРАЛИЗМ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ПРОЕКТ:
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ П.Б. СТРУВЕ
В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ СОВРЕМЕННОСТИ**

А.Н. Егоров

**КАДЕТЫ И П.А. СТОЛЫПИН: ПРОБЛЕМЫ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ**

Н.Б. Хайлова

**«ДРУГ ПОРЯДКА, ОСНОВАННОГО НА СВОБОДЕ И ПРАВЕ»:
М.М. КОВАЛЕВСКИЙ ПРОТИВ П.А. СТОЛЫПИНА**

Р.А. Циунчук

**НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ФРАКЦИИ И ГРУППЫ
ПЕРВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ: ТИПОЛОГИЯ, СОСТАВ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Е.К. Золотухина

**БОРЬБА ЗА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА – КОНСТИТУЦИОННО-
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ И ПАРТИЯ
ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ РЕФОРМ В ПЕРВОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ**

Ф.А. Гайда

**КАДЕТЫ НА ПЕРЕЛОМЕ ТРЕТЬЕЙ ИЮНЬСКОЙ СИСТЕМЫ:
ОЦЕНКА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЕРСПЕКТИВ (1910-1911 гг.)**

О.Л. Протасова

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКАЯ
ПУБЛИЦИСТИКА А.В. ПЕШЕХОНОВА В ЛИБЕРАЛЬНО-
НАРОДНИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ (1907-1916 гг.)**

В.Ю. Карнишин

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ЛИБЕРАЛ В РЕАЛИЯХ ПЕРЕХОДНОГО

ПЕРИОДА РАЗВИТИЯ РОССИИ НАЧАЛА XX в.

О.В. Шевченко

**АГРАРНЫЙ ВОПРОС В ЛИБЕРАЛЬНОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ
МЫСЛИ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА
XX вв. (по публицистическим материалам Центрально-
Черноземных губерний)**

С.В. Пудовкин

ТАМБОВСКИЕ ЛИБЕРАЛЫ 1880-х гг. ГЛАЗАМИ ЖАНДАРМОВ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В.В. Шелохаев (Москва)

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ РУССКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

В отечественной и зарубежной историографии зафиксировано множество дефиниций либерализма: «старый», «новый», «дворянский», «земский», «интеллигентский», «самодержавный», «бюрократический», «правительственный», «консервативный», «демократический», «радикальный», «политический», «социальный», «национальный» и т.д. и т.п. С одной стороны, это свидетельствует о безусловно сложносоставном характере данного мировоззренческого, идейно-политического, социокультурного и институционального исторического явления. С другой же стороны – это отражение неопределенности исследовательской позиции, а, нередко, и желания продемонстрировать «оригинальность» авторского почерка.

Едва ли нужно специально доказывать, что любая наука, в том числе и историческая, должна придерживаться строгих определений, теоретических и методологических принципов, позволяющих вести продуктивную дискуссию о предмете и объекте исследования. Эта общая посылка всецело относится и к рассматриваемой проблеме. Либерализм – проблема мировоззренческая, мировоззренческая и мироощущенческая, имеющая собственный системообразующий стержень – Личность, условия комфортного существования которой являются определяющими. Все разделяющие подобную картину мира вполне могут быть причислены к либералам, независимо от их социального, национального, конфессионального и институционального статуса. В этой логике либерализм – внесловное, внеклассовое, вненациональное, внеконфессиональное историческое явление.

Как философская посылка, либерализм уходит своими корнями в глубокую древность. Некоторые экзальтированные философы относят истоки либерализма к периоду борьбы титанов, называя среди первых либералов Прометея. Не думаю, что титанов вообще волновали проблемы человека, ибо либерализм – производное от развития человеческой мысли и духа. Обращение к проблеме личности начинается лишь с момента осознания теоретически мыслящим интеллектуальным меньшинством ее ролевых функций в исто-

рическом процессе. При этом сконструированная либеральная картина мира, с момента своего возникновения, была антитезой не-свободе и деспотизму. Ее целевая установка состояла в том, чтобы гипотетически воссоздать иную историческую реальность, в которой личность имела бы все необходимые предпосылки и условия для собственного гармонического развития и реализации заложенных в ней творческих потенций. Однако, одно дело идеально сконструированная философами либеральная картина мира и совсем иное дело конкретная историческая реальность, сотканная и пронизанная множеством противостоящих друг другу тенденций, за которыми стоят разновекторно направленные политические и социальные силы, идеологические устремления и просто человеческие эмоции.

Либерализм как политически и социально осознанная проблема формируется в эпоху Просвещения. Примерно в это же время либерализм проявляет свои специфические региональные и национальные особенности. Речь идет о том, что сохраняя при всех исторических обстоятельствах собственное инвариантное ядро (права и свободы личности), либерально ориентированное интеллектуальное меньшинство предлагает те или иные методы реагирования на вызовы времени. В передовых западноевропейских странах либерализм из теории стал обычной повседневной практикой еще в Новое время. Иначе судьба либерализма складывалась в странах с запоздалым циклом исторического развития. В России старт генезиса и формирования либерализма оказался значительно более поздним, а путь его эволюции – отягощенным массой разного рода негативных объективных и субъективных обстоятельств. С одной стороны, русским либералам-интеллектуалам было проще, ибо они имели возможность не только заимствовать (разумеется, не механически) западноевропейские идеи либерализма, но и учитывать соответствующий опыт их практической реализации в зависимости от конкретных исторических условий той или иной страны. Если учесть вариативность путей становления и эволюции западноевропейского либерализма, то у русских либералов-интеллектуалов была уникальная возможность учета этого огромного и разнообразного исторического опыта, отбора из различных вариантов западноевропейского либерализма уже апробированных технологий, использование которых дало позитивный политический и социальный

результат. Такой редкой возможностью русские либералы-интеллектуалы, несомненно, активно пользовались. Вместе с тем, они прекрасно осознавали, что эффективным в конкретно-исторической обстановке может быть лишь собственный национальный конструкт либерализма. Именно в разработке такого национального конструкта и состояла заслуга русских либералов-интеллектуалов.

Возвращаясь к основной теме статьи, подчеркну, что русский либерализм, в силу совокупности исторических предпосылок и условий, на длительное время «застрял» на интеллектуальной стадии развития, по сути, так и не став повседневной политической и социальной практикой. Тот небольшой послефевральский опыт 1917 г. и локальные региональные опыты периода гражданской войны не дают в распоряжение исследователей убедительных фактов, позволяющих сделать вывод о его эффективности в данной исторической среде. Экстремальные условия революции и братоубийственной гражданской войны вообще не позволяют говорить о «чистоте» либерального опыта в России.

Незавидной оказалась и доля либералов 90-х гг. XX в., которые попытались в переходный период от коммунизма к демократии внедрить в сознание большинства либеральный вариант развития страны. Подчеркну, что либерализм и как общемировоззренческая система, и как практика мало пригоден и эффективен для переходных исторических эпох, требующих иных методов разрешения кризисных ситуаций.

В странах с запоздалым циклом развития либерализм не имел и прочной социальной привязки, ему не удавалось создать разветвленную коммуникативную и институциональную сеть, необходимую для трансляции своих идей и вербовки своих адептов. Несмотря на крайне неблагоприятные исторические условия, русские либералы-интеллектуалы сумели не только сохранить, не только воспроизводить либеральную традицию, которая, нередко казалось, вот-вот должна прерваться, но и внести свой собственный вклад в разработку теории либерализма, его программатики, стратегии и тактики. По сути, речь идет о том, что русским либералам-интеллектуалам удалось сконструировать либеральную картину мира для стран с запоздалым циклом исторического развития,

предложить обществу собственную модель вывода страны из отсталости в условиях мирового системного кризиса.

Русский либерализм как самостоятельное интеллектуальное течение общественной мысли стал формироваться в неблагоприятный период, когда прошел пик увлечения Екатериной II идеями Просвещения. Предоставив в 70-80-е гг. XVIII в. дозированные «вольности» дворянству, купечеству и городскому мещанству, открыв коммуникационные каналы для общественного мнения, Екатерина II в штыки встретила Французскую революцию, созревшую на идеях Просвещения, жестоко расправилась с восстанием Е. Пугачева, стала преследовать свободную мысль в собственной стране, отправляя ее представителей в казематы и сибирскую ссылку. Не случайно, первые проекты, подготовленные в среде русской интеллектуальной элиты, значительная часть представителей которой занимала высшие государственные посты, носили весьма робкий и половинчатый характер и их лишь с большой натяжкой можно классифицировать как либеральные. Действительно, они в той или иной мере отражали идеи Просвещения, прежде всего их гуманистическую составляющую, в той или иной степени были направлены на ограничение деспотизма, на создание более эффективной системы государственного и административного управления, на совершенствование налогообложения и формирование бездефицитного бюджета. Вместе с тем, эти проекты не содержали главного: отмены сословной системы, крепостного права (по сути, рабства большинства), предоставления прав и свобод. Авторы проектов, не желавших отказаться от своих дворянских привилегий, от монополии на земельную собственность и региональную административную власть, весьма трудно назвать либералами. По сути, это был не либерализм в подлинном смысле его значения, а паралиберализм. С этой точки зрения, трудно согласиться с общими оценками эмигрантского историка В.В. Леонтовича, решавшего в своем исследовании скорее политическую, чем научную задачу. Единственно, в чем он прав, это – что в России в этот период действительно были представители интеллектуального меньшинства, которые разделяли те или иные идеи Просвещения, пытались их использовать для конструирования модели исторического развития России. Однако все это имеет к либерализму весьма косвенное отношение. Потребовалось около века, прежде чем русский либе-

рализм стал приобретать соответствующие этому понятию и практике контуры.

Лишь в пореформенный период в России постепенно складывается вся совокупность необходимых предпосылок и условий для формирования либерализма. Под влиянием новых обстоятельств в среде русских либералов-интеллектуалов начинается дифференциация. В результате внутри русского либерализма как целого появляются свои собственные консерваторы, центристы и радикалы. В отечественной литературе эти течения в русском либерализме получили подробное освещение. Применительно к внутренней периодизации русского либерализма, их вполне можно классифицировать как типы, ибо при сохранении инвариантного ядра либерализма как целого, они имели собственные программы и собственные формы институциональной организации. Для достижения либеральных целей каждый из этих типов имел свои стратегические и тактические установки.

Исследовательский интерес представляет индивидуальная типологизация русских либералов, которая в значительной степени уже зависела от личных черт характера и психологического склада. В этом плане заслуживают внимания содержащиеся в литературе характеристики П.Б. Струве, Д.Н. Шипова, В.А. Маклакова, П.Н. Миллюкова, М.М. Ковалевского и других. Характерно, что первую попытку типологического анализа представителей либерализма предпринял Струве, сравнивший М.В. Челнокова и Шипова. Такой социологический сравнительный метод позволяет находить и мировоззренчески общее, и программно и тактически отличное.

В свое время английский исследователь Самуэль предпринял плодотворную попытку выделить основные стадии эволюции английского либерализма: интеллектуальную, экономическую, политическую, социальную и демократическую. На эту поэтапную эволюцию либерализма в Англии ушло несколько веков, что в принципе и обусловило его жизнеспособность. Российскому либерализму история таких сроков не предоставила, что породило, с одной стороны, «спрессованность» его формирования, а с другой – стадийные «перескоки». По сути, это была плата за российскую отсталость, за позднее появление в стране либерализма как доктрины и общественно-политического движения. Прекрасно зная историю генезиса, формирования и эволюции либерализма в западноевро-

пейских странах, русские либералы, тем не менее, вынуждены были радикализировать и собственную программу, и собственную тактику, ибо во что бы то ни стало хотели не просто удержаться в рамках освободительного движения, но и не оставляли надежд на то, чтобы его возглавить. Существовавшие в России, с одной стороны, абсолютизм, не желавший добровольно идти на уступки времени, а с другой – радикализм, предпочитавший действовать методами насилия, являлись мощными факторами, стимулировавшими эволюцию русского либерализма. В отличие от английского либерализма, давно ставшего практикой, корректировавшей, в свою очередь, его политическую и социальную программу, русский либерализм длительное время оставался сугубо интеллектуальным и имел весьма незначительный практический выход в политическую и социальную сферы деятельности, сравнительно небольшой опыт институционализации в качестве партийных структур и парламентских фракций. В результате он так и не стал образом мысли и действия для большинства. Примерно такая же судьба постигла современный российский либерализм.

В качестве частной иллюстрации к вышесказанному, может служить судьба русского либерала С.А. Муромцева – выдающегося юриста, общественного деятеля, первого председателя I Государственной думы. Выросший и воспитанный в условиях двух пореформенных десятилетий, получивший блестящее университетское образование, ставший профессором Московского университета, Муромцев, еще в детстве любивший играть «в конституцию», стал ярким представителем умеренного направления русского либерализма, стремившегося эволюционным путем сформировать в России гражданское общество и правовое государство. После убийства террористами Александра II и последовавшими вслед за этим попытками Александра III «подморозить» страну, свернуть реформаторский курс, сократив при этом и функции, и полномочия земских органов, позиция умеренных либералов типа Муромцева в общественном мнении уже не получала прежней поддержки. Нарастание традиционалистских и консервативных тенденций во властных структурах с логической неизбежностью сказалось и на позиции либералов: одни из них вынуждены были сократить свою общественную деятельность, оказавшись под прессингом административного произвола, другие же стали искать выхода из сложившейся ситуа-

ции во взаимодействии с более радикальными общественно-политическими течениями. Административный прессинг не обошел стороной лояльного профессора Муромцева, вынужденного радикализировать свои политические и социальные представления, что несколько позднее привело его в ряды кадетской партии. Разработанный под его руководством проект т.н. «муромцевской конституции» отразил диапазон подвижек в среде умеренных либералов. Чтобы не оказаться за пределами быстро радикализирующегося общественного движения, они были вынуждены сами леветь. К началу XX в. русский либерализм уже сублимировал все стадии английского либерализма, став и социальным, и демократическим. «Муромцевская конституция» отразила эту стремительную идейно-политическую и социальную «пробежку» русского либерализма. В результате Муромцев оказался на левом фланге русского либерализма, став членом ЦК кадетской партии, депутатом I Государственной думы, а затем рекомендованным кадетской фракцией на пост председателя первого народного представительства. В этой логике эволюции понятна позиция Муромцева и в период переговоров о создании думского министерства, и в период выработки и подписания Выборгского воззвания. В критические моменты русской истории Муромцев всегда оказывался на стороне передовой демократической общественности

Мой общий вывод сводится к следующему. Проблема типологизации либерализма является многоуровневой. Во-первых, важно определить параметры, которые позволяют вычленить тип русского либерализма из общей системы мирового либерализма. Во-вторых, провести классификацию типов внутри русского либерализма как целого. В-третьих, осуществить индивидуальную типологизацию либералов в зависимости от их личностных качеств.

А.А. Кара-Мурза (Москва)

**ДВОЙНОЙ ПОРТРЕТ РУССКОГО ЛИБЕРАЛА:
ТИМОФЕЙ ГРАНОВСКИЙ И СЕРГЕЙ МУРОМЦЕВ
(к печальным годовщинам со дня кончины)**

4-е октября по старому стилю – траурный день в истории русского либерализма. В этот день, с разницей в 55 лет, скончались от внезапных инфарктов два крупнейших русских либерала, олицетворявшие собой целые эпохи русской общественной жизни: Тимофей Николаевич Грановский (1813-1855) и Сергей Андреевич Муромцев (1850-1910). На третий день после кончины, 7-го октября, два выдающихся профессора Московского университета были отпеты в университетской церкви Св. Великомученицы Татьяны и похоронены: Грановский – на Пятницком (Крестовском) кладбище Москвы, Муромцев – на Донском.

Личные судьбы Грановского и Муромцева принадлежат к различным фазам общественного развития. Эпоха Грановского – это время «тихого просветительства», время ночных дружеских споров, университетских лекций, редких публичных чтений и еще более редких книг и статей в подцензурной печати. Эпоха Муромцева – это время зарождения открытой политики, время дискуссий в солидных научных обществах, в городских и земских собраниях, в нарождающихся партиях, наконец, во Всероссийском представительстве. И, тем не менее, сравнение двух ярких биографий двух выдающихся людей – Грановского и Муромцева – дает большую пищу для размышлений о судьбе либеральной идеи в России и о судьбе Отечества в целом.

В отличие от очень многих русских интеллектуалов разных идейных направлений – талантливых самоучек, а потом публицистов по преимуществу, Грановский и Муромцев были учеными-профессионалами. Их общим кредо были слова, сказанные как-то Муромцевым: «Дилетантизм не совмещается с истинным трудолюбием, без которого неосуществима в надлежащей полноте никакая деятельность».

Грановский и Муромцев прошли хорошую университетскую школу. Оба окончили главные юридические факультеты страны: Грановский – Санкт-Петербургского, а Муромцев – Московского университетов. Примечательно, что, обучаясь на юристов, оба долгое время предпочитали правоведению – историю, как наиболее универсальное, по их мнению, гуманитарное знание. Грановский со временем сделал историю своей основной профессией, но и Муромцев выбрал в конце концов право в русле его «социо-исторической школы».

Огромную роль в научном становлении обоих сыграли европейские, в первую очередь, немецкие университеты. И Грановский, и Муромцев могли бы сказать про себя словами любимого ими обоими И.С. Тургенева: «Стремление молодых людей за границу напоминало искание славянами начальников у заморских варягов. Каждый из нас точно так же чувствовал, что его земля – велика и обильна, а порядка в ней нет».

Обучаясь в Берлинском университете истории, философии и языкам, Грановский испытал определяющее влияние со стороны таких светил европейской науки, как историки и политологи Леопольд Ранке и Фридрих Раумер, географ Карл Риттер, юрист Фридрих Савиньи, философы Эдуард Ганс и Карл Вердер. Муромцев также совершенствовал свои профессиональные знания в Германии, занимаясь сначала в Лейпцигском университете у профессора римского права Иоганна-Эмиля Кунце, а затем в Геттингене – у такого корифея европейской науки, как Рудольф Иеринг. Возвратившись после учебы за границей в Россию, Грановский и Муромцев очень быстро (каждый в свое время, разумеется) стали лидерами «нового поколения» университетских профессоров. И тот и другой естественным образом оказались «западниками» – и по подготовке, и по умонастроению.

Смены общественного климата в России сильно влияли на личные траектории Тимофея Грановского и Сергея Муромцева. Смерть Николая I и воцарение Александра II, казалось, открыли новую страницу в жизни Грановского. Московская профессура избрала его деканом историко-филологического факультета. Грановскому было пожаловано звание «коллежского советника» (гражданский чин VI класса в «Табели о рангах», соответствующий воинскому званию полковника); он был награжден орденом св.Анны 2-й степени. Однако сердце сорокадвухлетнего историка было уже изношено – смертельный инфаркт настиг его в доме, что стоял когда-то в Малом Харитоньевском переулке около Чистых прудов, – сегодня на этом месте находится самый известный в Москве Дом бракосочетаний.

Развитие земского движения, становление открытой политической конкуренции, выборы в общероссийское представительство выдвинули ученого и интеллектуала Муромцева в число ведущих политиков страны. Казалось, именно такие, как Муромцев и его

коллеги по либеральному лагерю, способны взять на себя ответственность за Россию, провести ее между Сциллой реакции и Харибдой революции. Судьба, увы, сулила иное...

Сергей Муромцев, последние годы проживавший в известном в Москве доходном доме страхового общества «Россия» на Сретенском бульваре (в каких-нибудь трехстах метрах от того места, где жил и умер Грановский), в роковую ночь с 3 на 4 октября 1910 г. уступил свою комнату приехавшей семье дочери и уехал, как иногда делал, в гостиницу «Националь» рядом со старым университетом. Там, в гостиничном номере, он и скончался. Смерть шестидесятилетнего Муромцева стала полной неожиданностью для всех, хотя недавнее трехмесячное пребывание в Таганской тюрьме по делу о Выборгском воззвании сильно подорвало его здоровье, и друзья отмечали, как сильно он постарел.

После смерти Грановского его друзья собрались на его квартире, а затем перевезли гроб с телом в Университетскую церковь на Большой Никитской, где и провели остаток ночи перед похоронами. 7 октября утром, после отпевания, большая толпа людей двинулась вслед за гробом на Пятницкое (Крестовское) кладбище Москвы; здесь университет приобрел участок земли в 3-м, самом скромном разряде, где хоронили московскую бедноту. Друзья, ученики, студенты несли гроб на руках до самой могилы.

Похороны Муромцева 7 октября 1910 г. превратились в грандиозную общественную акцию, в которой участвовали, по скромным подсчетам, до 200 000 человек. Россия хоронила тогда не только своего выдающегося гражданина, но и свои конституционно-парламентские надежды на то, что развитие правового народного представительства уберезит Россию от лобового столкновения неправовой реакции и неправовой революции.

Грановский и Муромцев принадлежали к тому типу русских либералов (к сожалению, не столь часто встречаемому), который собственным авторитетом доказывал, что либерализм – это не просто набор постулатов, его нельзя просто декларировать – его надо предъявлять, в первую очередь, личным нравственным примером. В свое время Иван Тургенев, испытавший в ранней молодости огромное влияние Грановского, отметил, что от того «веяло чем-то возвышенно-чистым; ему было дано редкое и благодатное свойство не убеждениями, не доводами, а собственной душевной красо-

той возбуждать прекрасное в душе другого... К нему, как к роднику близ дороги, всякий подходил свободно и черпал живительную влагу».

Нечто очень похожее (с поправкой на изменившиеся обстоятельства) сказал Павел Милюков на похоронах Муромцева на Донском кладбище 7 октября 1910 г.: «Сергей Андреевич не только учил нас началам правового государства, но и предсказывал их осуществление, предсказывал не словами, нет, – но сам собою, своей личностью, всем существом своим. В те времена, когда самая мысль о народном представительстве в России казалась многим бредом, люди проницательные, видя его в московской городской думе, в московском земстве, могли предугадать, что представительный строй близится к нам».

Старая Москва, как и вся мыслящая Россия, любила Грановского и любила Муромцева. Отдаленные потомки, увы, оказались менее памятьливыми. Мемориальная доска на доме Грановского в Петроверигском переулке, где он жил в 1850-1851 гг., странным образом исчезла после очередного ремонта. Нет в Москве и мемориальной доски Муромцеву: ни на фасаде университета, ни на здании бывшей городской Думы (в недавнем прошлом – Исторического музея), ни на доме на Сретенском бульваре, где он прожил последние годы жизни.

Личные судьбы Тимофея Грановского и Сергея Муромцева убедительно доказывают: в России возможно плодотворное сочетание либерального мировоззрения и глубокого патриотического чувства. Более того, именно этот синтез только и может стать здесь продуктивным, если мы хотим соединить величие России с ее свободой.

Однако главный урок Грановского – «учиться историей» – остается пока неуслышанным... Как по-прежнему актуальным остается любимый диалог Муромцева, почерпнутый им из библейской истории: «Сторож, близок ли рассвет? – Еще темно, но утро близко!»...

Л.Г. Березовая (Москва)

С.А. МУРОМЦЕВ

В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЛИБЕРАЛИЗМА

В основе либеральной идеи лежит понятие «свобода», которое продуцирует целый букет концептуальных трактовок в правовой, культурной, социальной, экономической и политической областях. Каждая из них обладает собственной концептуальностью: политическая свобода, свобода предпринимательства, права личности и гражданские права, культурная толерантность и свобода совести и т.д. Вместе они образуют обширное поле либеральных ценностей. Критика либерализма часто опирается на единственный, но неотразимый аргумент исторической неудачи либеральной идеи в России. Но безусловная историческая «неуспешность» либерализма относится лишь к его политическим целям и экономическим проектам. В области культуры у либералов нет соперников среди политических партий и идеологий. Данная статья имеет целью обратиться к пониманию роли культуры в концептуальных построениях либералов и реальном отношении к российским культурным событиям конкретного человека – С.А. Муромцева, который был своего рода политическим идеалом либералов в роли председателя I Государственной думы в России.

Продвижение России к идеалам свободы оказалось невозможным из-за отсутствия деятельного пространства в виде гражданского общества, культуры и цивилизованности. Собственно либеральная идея гораздо шире лозунга борьбы за политические свободы. Либерализм побеждает не на баррикадах и не в парламенте и даже не в конституции. Он побеждает в повседневной жизни, в практиках и привычках людей к свободе. Либерализм как политическая идея неинтересен обыкновенным людям. Культурный, повседневный либерализм первичен. Обладал ли русский либерализм начала века пониманием и готовностью работать над созданием «культурного пространства свободы»?

Программные документы кадетской партии уделяют важное, но не первостепенное внимание лишь одной, хотя и решающей, стороне культуры – народному просвещению, которое «должно быть организовано на началах свободы, демократизации и децентрализации» и предусматривало «введение всеобщего, бесплатного и

обязательного обучения в начальной школе»¹. Свобода печати на основе отмены цензуры «безусловно и навсегда» заявлялась в думском проекте закона о печати, внесенном фракцией кадетов в начале июля 1906 г.

Личные же документы и публицистика либеральных деятелей поднимает другую сторону культурной свободы: общая цивилизованность населения, культурная толерантность и культурный смысл национальной идеи вообще. П.Б. Струве в московских событиях первой русской революции, помимо прочего, увидел двойную «некультурность»: стихийно возмущившейся массы народа и «безумия» самодержавной власти². О «некультурности» революции, несущей в себе «неправду отрицания и вражды к благородным ценностям» говорил и Н.А. Бердяев в статье «Революция и культура». Революция должна переносить в будущее все ценное и вечное, «должна сторожить александрийскую библиотеку, хотя бы считала ее ненужной и вредной», «под страхом духовной смерти»³. «Светлая сотня» культуры в России с ее жаждой свободы живет в «среде черного миллиона», поскольку «истинно всенародной культуры у нас еще нет». В этом состоит опасность революции в России и здесь же историческое «проклятье» либерализма: идея свободы как ценности приживается только на культурной почве и действует в культурном пространстве. Либеральная политическая свобода невозможна вне национального культурного пространства. «... Нужно огромное мужество и огромную энергию собрать, чтобы бороться против культурного и политического хулиганства... против этого неуважения к человеку во имя “человека”, поругания свободы во имя “свободы”». По мнению Бердяева, эти «абсолютные принципы» мы «должны ставить выше всякой тактики»⁴. «Абсолютные принципы» свободы не могут быть пунктом партийной программы, они являются капиталом каждой отдельной личности, которые формируют новую общность граждан. В своих лекциях по гражданскому праву профессор Муромцев писал: «Общество не есть только сумма входящих в его состав индивидов... общественное созна-

---

¹ Программа конституционно-демократической партии (партии народной свободы), утвержденная в январе 1906 г. // Российские либералы: кадеты и октябристы: Документы, воспоминания, публицистика. М., 1996. С. 57-58.

² Струве П.Б. Два забастовочных комитета // Там же. С.98

³ Бердяев Н.А. Революция и культура // Там же. С. 102-103.

⁴ Там же. С. 107.

ние не означает собой какой-либо простой итог индивидуальных сознаний»¹.

По этой причине в публицистике либеральных политиков так часто встречаются слова, далекие от прагматизма политической борьбы: честь, честность, духовность, открытость, правда. В 1910 г. обозреватель журнала «Русское богатство» А. Пешехонов, описывая «безобразия» думского депутата В.М. Пуришкевича, призывал: «Надо же дать хоть какой-нибудь отпор, – ведь это уже вопрос чести...» Любопытно, что это «непосредственное чувство чести» первым «прорвалось» у одного из самых расчетливых и хладнокровных политиков в III Государственной думе – у П.Н. Милюкова².

Сами либералы считали лояльность к власти, законность и юридическую чистоту своих поступков одним из основополагающих принципов политической деятельности. Муромцев, один из основоположников российского либерализма, в начале XX в. неукоснительно соблюдал это правило как на посту председателя Думы, так и в своей педагогической деятельности. Муромцев, который много размышлял о понятиях «общество», «личность» с правоведческой точки зрения, писал в 1908 г.: «Прогресс общественности есть то, что дает человеку новые средства в борьбе за существование, но не с ближними, а с окружающей природой; прогресс – то, что развивается внутри человека, как помеха для борьбы с ближними – симпатия, альтруизм, совесть, чувство справедливости...» и далее: «Социальное падение сопутствует социальному угнетению»³. Правоведческая идея Муромцева состояла как раз во введении в юриспруденцию социологических, «человеческих» факторов и понятий. Он впервые обратил внимание на фактическое расхождение между нормами жизни, зафиксированными в законах и фактическим правопорядком в повседневной жизни. Законы должны отражать глубинные нормы и ценности, выработанные национальной культурой, а не представления власти о «порядке». Сходная идея развивалась в работах юристов Г.Ф. Шершеневича, М.М. Ковалевского и других. Эта позиция несколько не стесняла стремление либералов к гражданственности и широкой общественной деятельности. Русские либералы в борьбе за политическую свободу оказыва-

---

¹ Муромцев С.А. Из лекций по гражданскому праву. СПб., 1899. С. 5.

² Русское богатство. 1910. № 3. С. 139.

³ Муромцев С.А. Болезненные процессы общественности. Ярославль, 1908. С. 7, 10.

лись участниками всех сколько-нибудь общенациональных культурных событий, не имевших, казалось бы, отношения к политике.

В культурной истории рубежа XIX–XX вв. можно выделить несколько знаковых событий, в которых русский либерализм имел возможность высказать и продемонстрировать свою позицию в вопросе культурной свободы. Некоторые имена в национальной культуре обладают силой культурного ядра нации. Пушкин, Гоголь, Толстой – знаковые имена в русском самосознании. Гении обладали не только сильнейшим культурным потенциалом, но и демонстрировали самодостаточность личности, высокий уровень духовной свободы. Все они много значили для формирования всего мировоззренческого пространства России. Либерализм формировал еще одну составную часть новой культурной модели – общественную мысль непривычного для России формата: на основе приоритета закона, прав личности.

Первым культурным испытанием философии «свободы» стал 100-летний юбилей Пушкина в 1899 г. Значительная роль властей в организации этого праздника, его предельная регламентации со стороны созданных властями Пушкинских комиссий, казалось, исключала всякую «самодеятельность» общественности. Но общественный, гражданский смысл пушкинского юбилея не мог не привлечь поборников свободы.

Официальная комиссия по празднованию 100-летнего юбилея со дня рождения Пушкина в 1899 г. в Москве работала с большим энтузиазмом, проведя 16 заседаний (в Петербурге их было только 5). Однако общественный резонанс праздника вышел за рамки официального регламента, что привело к формированию альтернативной общественной пушкинской комиссии. В программе ее работы в Москве значились: пропаганда пушкинского творчества, сбор автографического и иконографического материала, изучение текстов, обзор переводов и т.п. Эта комиссия, созданная ОЛРС (Общество любителей российской словесности), сыграла решающую роль в формировании отечественного пушкиноведения и становлении Пушкинского дома. Отблеск великолепного «пушкинского праздника» во время открытия памятника поэту в Москве в 1880 г., лирический налет «семейности» пушкинских мест в Москве и отчасти более домашняя атмосфера второй столицы сделали официальные торжества в старой столице «теплее» петербургских.

С утра 26 мая 1880 г. в Елохове, в приходе, где родился поэт, в церкви Богоявления совершилась митрополичья служба. В Манеже собралось около трех тысяч учащихся во главе с попечителем Московского учебного округа Н.П. Некрасовым. Все направились к памятнику Пушкину на Страстной площади. Там уже с утра толпился народ. Состоялось возложение венков с пением кантат и чтением стихов. В три часа дня в актовом зале Московского университета началось соединенное заседание ОЛРС, общества истории и древностей российских и университета. После исполнения официальной кантаты на слова «К.Р.» из дома Романовых¹ вступительное слово произнес ректор Д.Н. Зернов. Затем прозвучали речи профессоров Н.И. Стороженко, А.И. Кирпичникова и В.О. Ключевского. Ожидания публики от юбилея 1899 г. были заметно выше, чем в 1880 г., поскольку шла «перезагрузка» национального самосознания. По этой причине публика искала и нашла ситуации и речи, которые отличались от запланированных мероприятий и как-то выделялись на общем благопристойном фоне.

Литературовед Н.И. Стороженко произнес редкую по оптимизму речь, призывая верить в победу света над тьмою, «отрешиться раз навсегда от всякого фанатизма, как религиозного, так и политического, и помнить, что... интересы свободы, человечности и правды... выше всяких политических и национальных соображений»². Студенческий кружок профессора А.И. Кирпичникова представил цикл работ о Пушкине, позже опубликованных в виде сборника, что давало основание его руководителю говорить о значении Пушкина для воспитания юношества³. Речь историка Ключевского звучала довольно академически, хотя идея поставить Пушкина рядом с Петром I позже нашла поддержку у целого ряда исследователей, включая и наши дни. Он рассматривал Пушкина как историческое явление, как ответ России на вызов, сделанный ей преобразованиями Петра I. «Целый век нашей истории работал, чтобы сделать

---

¹ Поэтический псевдоним великого князя Константина Александровича Романова, который написал обширную оду к юбилею Пушкина. Официально она победила в конкурсе поэтов и стала основой официальных празднеств.

² Общество любителей российской словесности при Московском университете. Историческая записка и материалы за сто лет. СПб., 1911. С. 91.

³ Пушкинский сборник / Под ред. А.И. Кирпичникова. М., 1900.

русскую жизнь способной к такому проявлению русского художественного гения».¹

Но претендовать на какую-нибудь общественную значимость, вообще на сколько-нибудь «событийность» могло только выступление бессменного с 1880 г. председателя Юридического общества и члена ОЛРС с 1884 г. Муромцева, в будущем кадета и председателя первой в России Государственной думы. Сборник ОЛРС в 1911 г. привел полный текст «этого замечательного приветствия, ставшего драгоценным историческим документом»². Его речь упоминается среди наиболее спорных, «болевых» точек юбилейных торжеств. Она стала если не событием, то предметом обсуждения и в какой-то степени политическим поступком.

Главная идея оратора состояла в том, что Пушкин – «героический гимн, посвященный красоте и человеческому достоинству», проникнутый «мечтами о просвещенной свободе и законности, как лучших опорах государственного порядка»³. Его творчество – проявление «почувывшей свою силу русской личности» и его судьба – это борьба «личности за независимое и свободное развитие». Муромцев произнес заветную для либералов формулу государственного порядка: «просвещенная свобода и законность», что, безусловно, диссонировало с официальным воспеванием «народности» и царепослушания Пушкина⁴.

Но общественного обсуждения высказанных идей не получилось – реакция властей оказалась молниеносной. Уже на следующий день после произнесения речи московский оберполицмейстер Д.Ф. Трепов и исполняющий обязанности начальника охранного отделения ротмистр Сазонов обратились к московскому генерал-губернатору вел. кн. Сергею Александровичу с секретной запиской, к которой была приложена копия текста речи. В полицейской записке говорилось о «крайней тенденциозности» и резкости намеков оратора. Трепов писал, что «желая почтить юбилейный день “великого народного поэта” (язвительные кавычки принадлежат Трепову. – Л.Б.), Муромцев однако всю речь посвятил характеристике Пуш-

---

¹ Ключевский В.О. Памяти Пушкина // Ключевский В.О. Собр. Соч. в 9. Т. Т. IX. М., 1990. С. 104.

² Общество любителей российской словесности... С. 92.

³ Муромцев С.А. Статьи и речи. Вып. 1: Некрологи, приветствия, воспоминания. 1878-1910. М., 1910. С. 27-28.

⁴ Общество любителей российской словесности... С. 91

кина как гражданина...»¹. Репрессивный по сути характер имело и закрытие весной того же юбилейного 1899 г. Московского юридического общества после 36 лет его существования². 1 марта 1899 г. состоялось его последнее годовое собрание, на котором также прозвучала речь Муромцева³. Так либералы с самого начала заявили о культурной составляющей своей идеологии.

В ситуации наступившего после неудачи первой русской революции «безвременья» и потери влияния либералов в Государственной думе еще два культурных события имели общенациональное звучание и привлекли внимание либералов: 100-летие со дня рождения Н.В. Гоголя в 1909 г. и «толстовские дни» во время похорон Л.Н. Толстого в ноябре 1910 г.

Организацией «гоголевских» торжеств в Москве занималась комиссия, состоявшая из членов Общества любителей российской словесности, представителей Московского университета и Московской городской думы. В 1907-1908 гг. для организации торжеств и открытия памятника писателю были созданы комиссии: «гоголевская» при Обществе любителей российской словесности и «исполнительная» по разработке вопроса об участии в торжествах. Они существовали наряду с образованным ранее комитетом по сооружению памятника Гоголю. Гоголевская комиссия состояла из выдающихся деятелей науки и культуры: В.О. Ключевского, А.Н. Веселовского, М.Н. Розанова, В.Я. Брюсова и др. В исполнительную комиссию были избраны в основном гласные городской думы: А.А. Бахрушин, Л.Л. Катуар, И.С. Остроухов и др.⁴ Среди должностных лиц значились также московский городской голова Н.И. Гучков (брат известного думца-октябриста А.И. Гучкова), В.В. Каллаш, И.С. Остроухов, архитектор Ф.О. Шехтель, скульптор Н.А. Андреев, князь В.М. Голицын. Кроме того, были приглашены сыновья знаменитых русских поэтов: А.А. Пушкин, П.В. Жуковский, И.Ф. Тютчев. Комиссия подготовила программу торжеств к 100-летию со дня рождения писателя 20 марта и к открытию ему памятника 26 апреля 1909 г., конкурс на который был объявлен еще в 1901 г.⁵ Отношение московской публики к открытому в 1909 г. памятнику рабо-

¹ Ростов Н. Пушкинский юбилей и московская охранка // Огонек. 1936. № 30. С. 21.

² Русское богатство. 1899. № 5. С. 194.

³ Муромцев С.А. Статьи и речи. Вып. 2. М., 1910. С. 1-64.

⁴ Об этом подробнее см.: ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 21. Д. 794. Л. 163 - 164, 167, 169, 199-204.

⁵ ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 21. Д. 793. Л. 1-3. Копия.

ты скульптора Н. Андреева, который изображал великого писателя сгорбленным, смятенным, страдающим, было неоднозначным. Но спорность трактовки только усиливала интерес к юбилейным торжествам. Праздник оказался весьма многолюдным: в общественных местах проходили народные гуляния; в скверах и парках играли оркестры; повсеместно была развернута продажа сочинений писателя.

В первый день гоголевского праздника в актовом зале Московского университета открылось торжественное заседание Общества любителей российской словесности, на котором присутствовали русские ученые, а также представители Кембриджского, Софийского, Пражского, Белградского университетов. На следующий день заседание Общества переместилось в Большой зал Московской консерватории. Ждали, что с речью выступит патриарх русской исторической науки Ключевский, но, сославшись на нездоровье, он ни на одном заседании не присутствовал. Все же значительные речи были произнесены. Среди них выделялись выступления лидера символистов поэта Брюсова и выдающегося русского философа князя Е.Н. Трубецкого. Трубецкой обратился к популярному образу пространства и странничества в России: «нужно проездиться по России». По его суждению, только движение соединяет ее необъятные пространства в единое целое. В либеральной печати в 1909 г. появились статьи о творчестве Гоголя. Наибольшее политическое звучание имели статьи профессора-юриста и общественного деятеля Муромцева и М.М. Ковалевского, близко знакомого с И.С. Тургеневым, Л.Н. Толстым, А.П. Чеховым.

Статья Ковалевского называлась «Устарел ли Гоголь?» и была опубликована в «Вестнике Европы» (1909, Кн. 4. Т. II). Уже само название статьи вызывало интерес. Ковалевский не касался художественных достоинств творчества великого писателя. Как социолог и юрист Ковалевский сравнивал факты социально-нравственного падения российского общества, которые представлены Гоголем в его гражданских комедиях, и реалии общественно-политической жизни России начала XX в. По мнению Ковалевского, гоголевская сатира нисколько не устарела. Господствует то же самоуправство чиновников, не соблюдаются законы, процветает мздоимство (по принципу «бесчестное дело брать взятки сделалось необходимостью», «всякой услуге положена своя цена»). Сословия

в рамках общественно-политического идеала Гоголя не нашли себя. Нет формирования «свободного гражданина как сеятеля благосостояния и просвещения». Так культурное событие и культурная тема превращались в тему гражданскую и политическую.

Публикацию статьи предваряла речь Ковалевского, произнесенная им перед общественностью Москвы 19 марта 1909 г. с тем же названием «Устарел ли Гоголь?». В ней оратор задал вопрос, имеющий не литературное, а общественное значение: «Не лучше ли... спросить себя, насколько русское общество, им изображенное, перестало отвечать данному ему описанию. Что сделано нами для того, чтобы «невидимые слезы», пролитые Гоголем при «видимом смехе», могли бы считаться пролитыми не напрасно? В какой мере произошло то врачевание общественных недугов, в котором Гоголь видел высшую миссию писателя вообще и свою в частности»¹. Ковалевский заключил свою речь следующими словами: «Этого исправления мы продолжаем ждать и по настоящий день. Оно может быть достигнуто только переменой нравов, что в свою очередь тесно связано с исправлением общественных и политических порядков. Политически обновленная Россия, Россия, призванная к управлению собственными судьбами, на расстоянии одного-двух поколений создаст и новый тип, не чиновника и не просто обывателя, а свободного гражданина, сеятеля благосостояния и просвещения на необъятной русской ниве»².

Муромцев построил свою статью на сравнении значимости Пушкина и Гоголя в национальном сознании и понимании идей личности, общественности, свободы и права. Он писал: «Пушкин нес русскому обществу откровение сознавшей свое человеческое достоинство и на самое себя опирающейся личности», «созданные им поэтические образы навсегда остались путеводными светочами на пути развития личности». Напротив, «Гоголь в отдельных фигурах близкой ему жизни искал на первом плане свойств общественности». По мнению Муромцева, в произведениях Гоголя выведен «человек как носитель данного уклада, как участник данного события, как выразитель общественного настроения...». И далее: «Чество-

---

¹ Ковалевский М.М. Устарел ли Гоголь: речь, произнесенная в Публичном собрании 19 марта 1909 года / Санкт-Петербургский университет. 2009. 30 марта // URL: <http://journal.spbu.ru/2009/05/6.shtml>.

² Там же.

вание Гоголя есть чествование народной мощи»¹. Но всех либералов объединяло понимание неразрывной связи «прогресса личности» и «прогресса общества».

Толстовские 1910 г. и пушкинские «дни» 1899 г. разделяли чуть более десяти лет. Однако самосознание интеллигенции и либеральное мировоззрение за это десятилетие испытали чрезвычайные потрясения и претерпели радикальные перемены. В этом отношении показательны дискуссии о феномене толстовства и о личности самого Толстого.

Первое обращение к теме Толстого прозвучало уже в 1908 г., когда готовился юбилейный сборник статей к 80-летию писателя. Созданный юбилейный Комитет озаботился выпуском сборника, в авторы которого пригласили всех значительных общественных деятелей и литераторов, в т.ч. А.И. Гучкова, П.Н. Милюкова, В.Д. Набокова, Г.Е. Львова, П.Д. Долгорукова, Ф.Ф. Кокошкина². Первый Всероссийский съезд представителей печати, состоявшийся в июне 1908 г. в Петербурге, назвал себя «толстовским» и наметил обширную программу юбилейных мероприятий. Для выполнения постановлений съезда был учрежден Постоянный комитет, который возглавил М.М. Ковалевский. Товарищами председателя стали Милюков и М.М. Федоров, секретарями – В.В. Водовозов и М.А. Стахович; казначеем – С.А. Венгеров. Грандиозным планам не суждено было сбыться. Лишь некоторые из присланных статей были опубликованы в юбилейном сборнике. Но значительная их часть прозвучала на публичных лекциях или появилась в других изданиях. Сама подготовка к юбилею великого писателя актуализировала моральные и духовные проблемы национального сознания, заставила осмысливать феномен Толстого в духовной атмосфере начала XX в. В неизданной статье «Толстой и “мы”» поэт А. Белый пытался найти ключ к загадке Толстого: «Перед нами двое: художник и учитель жизни; оба отрицают друг друга... И однако: мы чувствуем, что вовсе это не так; что Толстой – один... нераскрытая сущность Толстого есть нераскрытая сущность России... *его тайна* и в нас...» И как у гоголевского Вия, «не поднимаются железные веки Толстого: и *тайна его* не смотрит нам в глаза; не исполнились еще сроки; не

---

¹ Муромцев С.А. Статьи и речи. Вып. 1. С. 38, 41.

² ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 238. Л. 1130, I.

узнали еще мы, *что такое* Толстой. Оттого он и давит нас своей громадной, своей нераскрытой силой»¹.

Свое суждение о Толстом высказал тогда и П.Б. Струве в нескольких своих статьях-размышлениях: «Смысл жизни» (1908 г.) «Смысл смерти» (1910 г.) и др., опубликованных в «Русской мысли» и «Русских ведомостях». Политик отметил удивительное несоответствие: огромный авторитет и популярность личности Толстого в образованном обществе и почти полное равнодушие к сути его учения². Встреча Струве с писателем лишь укрепила его в неприятии морализма «великого старца».

В писательских съездах 1908 и 1910 гг. так или иначе принимали участие Ковалевский, Милюков. Хотя, к примеру, Милюков был против проведения «сугубо профессионального» писательского съезда в 1910 г., считая его лишь «декорацией обновленного строя» в России, деятельность толстовского комитета под председательством Ковалевского (в который входил и сам Милюков), привлекла его внимание «неизбежностью политического звучания» борьбы против смертной казни и оценками роли Толстого в русском национальном самосознании³.

Трагический уход Толстого в 1910 г. и ограничительные полицейские меры в связи с похоронами великого писателя внесли в размышления общественности о «великом старце» драматическую ноту. Тревожные донесения полиции о волнениях студентов дополнялись свидетельствами современников: «...интеллигенция Москвы сходит с ума» (Л. Тихомиров)⁴. 9 ноября 1910 г. в Москве отменили представления театры Корша, Художественный и Солодовника; состоялись заседания Общества любителей российской словесности, Совета присяжных поверенных, Общества народных университетов, Общества распространения технических знаний, Пироговского общества врачей⁵ и других общественных организаций.

Что же заставило интеллигенцию «сходить с ума?». Почему статьями о Толстом «отметились» идеологи всех политических оттенков: от «пролеткультовца» П.И. Лебедева-Полянского, марксиста

---

¹ Белый А. Толстой и «мы» // Отечественные архивы. М., 1992. № 4. С. 85.

² Струве П.Б. Статьи о Толстом. София. 1921. С. 22.

³ О нынешних съездах вообще, о писательском – в особенности // Русское богатство. 1910. № 5. С. 190, 193, 205.

⁴ Красный архив. 1936. № 6. С. 180, 181.

⁵ Там же. 1935. № 6. С. 212, 213-214.

стов В.И. Ленина, Г.В. Плеханова и А.В. Луначарского до либерала Милюкова и беспартийного поэта А. Белого? При всем различии партийных позиций авторы разделились на тех, кто оценивал политический смысл морализма Толстого, его отношение к революции, и тех, для кого приоритетными были вопросы нравственности и духовной культуры.

В либеральных оценках великого писателя прослеживается линия сборника «Проблемы идеализма» (1902 г.) и сборника «Вехи» (1909 г.). В знаменитом суждении Струве о том, что ошибка заключалась «не в том, как делали революцию, а в том, что ее вообще *делали*» предлагалась принципиальная «работа над ошибками»: следовало сосредоточиться на «политическом воспитании и самовоспитании»¹, т.е. проблема была как раз в подготовке почвы, гражданского пространства для восприятия свободы как средства решения всех прочих проблем. Еще в конце 1905 г. Струве писал: «Создать нацию и пронести чрез тяжелый кризис русскую культуру... умножение и укрепление, – вот что должно быть теперь лозунгом всех русских граждан».² Почти то же самое он повторил спустя несколько лет: **«Культура и дисциплина»** – главный лозунг и программа «культурно-политического возрождения нации»³. Свою силу культура передает государству через национальное чувство и национальное самосознание его граждан. Антигосударственность российской интеллигенции виделась «веховцам» главным препятствием на пути культурного либерализма.

«Толстовские дни» имели своего рода «первую главу» в виде «дней Муромцева». Месяцем раньше ухода Толстого умер основатель социологической юридической школы в России, председатель первой Государственной думы, создавший своего рода политический идеал либерализма Муромцев. Его похороны 7 октября 1910 г. также превратились в грандиозную гражданскую манифестацию, подобной которой Москва не видела с 1905 г. Студенты, стоявшие с двух сторон цепью, порой с трудом сдерживали натиск многотысячной толпы, в которой смешались уважаемые господа, чиновники, учителя, торговцы, рабочие, учащиеся. В траурных мероприятиях участвовали А.А. Мануйлов, П.Д. Долгоруков, В.И. Вернадский,

---

¹ Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1990. С. 145.

² Струве П.Б. Скорее за дело! // Русские ведомости. 1905. 13 ноября.

³ Струве П.Б. Культура и дисциплина // Московский еженедельник. 1908. № 1.

П.И. Новгородцев, Ф.Ф. Кокошкин, Шершеневич, Н.М. Кишкин, М.М. Ковалевский, Ф.И. Родичев, П.Н. Милюков, Н.А. Гредескул, В.Д. Набоков, С.А. Котляревский, А.А. Кизеветтер, всего свыше 200 депутатий, множество студентов, толпа рабочих, депутаты Думы. Среди депутатий – около 70 были от студентов и профессуры, 13 от газет и журналов, 26 групп от партии кадетов¹. Среди надписей на венках и в речах ораторов часто встречались слова «свобода» и «гражданин». В своей речи Родичев назвал его «гражданином земли русской», который «служил правде и свободе». Милюков, редко употреблявший поэтические образы, сказал о Муромцеве: «Он видел солнце»².

Полиция тоже присутствовала, но вела себя незаметно, почти не вмешиваясь. Десятки колесниц везли венки с траурными лентами. В центре не работали магазины, учебные заведения. Тысячи москвичей провожали в последний путь благороднейшего человека, чье имя тогда знала вся просвещенная Россия, известного общественного деятеля, адвоката, профессора-юриста с мировым именем, председателя I Государственной думы Сергея Андреевича Муромцева. Среди выступавших на похоронах было несколько студентов и слушательниц высших женских курсов, речь которых была прервана полицией.

Газета «Речь» 7 октября 1910 г. опубликовала статьи Ковалевского, Набокова, Родичева и других либералов о Муромцеве. Практически все газеты поместили статьи о первом председателе Государственной думы; некрологи, статьи и портреты о нем появились в ведущих газетах мира. В городах проходили собрания и панихиды. Г.К. Градовский сравнивал его с «благородным рыцарем» и русским богатырем: «Наука потеряла выдающегося ученого, государство и общество лишились честнейшего, просвещенного деятеля...» Верный «идеальному либерализму», «как Илья Муромец, он шел всегда прямоезжею дорогой»³.

Коллеги ценили в Муромцеве мастерство правовых решений. Благодаря его проектам конституции, проектам уставов представительных учреждений, законотворческим проектам, вообще самому

---

¹ Венки на могилу Сергея Андреевича Муромцева. М., 1910. С. 62-66. Подсчет автора.

² Там же. С. 16, 21, 45, 51, 53 и др.

³ По поводу кончины С.А. Муромцева: Речь, произнесенная Г.К. Градовским 10 октября 1910 г. М., 1910. С. 1, 3.

активному участию в подготовке программных документов кадетской партии, ее фракция в Государственной думе не была застигнута врасплох реальным шансом нормотворческой государственной деятельности. Но общественность оценила не только новаторские научные труды Муромцева, не только статус его политической деятельности, но и безупречность нравственной позиции. Защита прав личности от государственного произвола стояла для него на первом плане в профессиональной и политической работе. Общественная его деятельность концентрировалась в области культуры и просвещения. Уже в достаточно солидном возрасте Муромцев вместе с В.А. Маклаковым принял самое активное участие в открытии общественного университета по завещанию А. Шанявского. Используя свой авторитет и влияние в Государственной думе, он ускорил принятие закона о нем и активно участвовал в выработке «Положения» об этом учебном заведении нового типа¹. В первую годовщину работы Народного университета 20 сентября 1909 г. он формулировал цель университета такого типа как «привлечение симпатий народа к науке и знанию»². Но стратегической либеральной целью просвещения оставалось «воспитание общественности», соединение «прогресса общественности с прогрессом индивидуальности»³. Естественно, Муромцев оказался и среди профессоров «первого призыва» в народном университете. Сама идея народных учебных заведений казалась ему весьма перспективной как раз с точки зрения расширения культурного и интеллектуального пространства для принципа свободы. Последним делом его интеллектуальных занятий стала разработка «Положения о народном просвещении»⁴.

На одном из экземпляров посмертного сборника «Венок на могилу Сергея Андреевича Муромцева» его владелец Як. Дробышев, позже подаривший книгу университету Шанявского, написал трогательное стихотворение собственного сочинения:

«Он говорил лишь то, что подсказала совесть
Он в речи избегал прикрас, излишних слов, –

---

¹ Речь. 1908. 5 марта; Положение об университете имени Шанявского // Русские ведомости. 1908. № 79; Речь. 1908. 4 июня.

² Муромцев С.А. Статьи и речи. Вып. 1. С. 59.

³ Там же. С. 63.

⁴ Муромцев С.А., Фальборк Г.А. Проект школьного закона // Школа и жизнь. 1910. 8 ноября.

Вся жизнь его – неконченная повесть
Одних высоких дел, одних волшебных снов»¹.

*А.С. Туманова*² (Москва)

С.А. МУРОМЦЕВ – ВИДНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ ПРАВА ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛА XX ВВ. – О ЗАДАЧАХ ЮРИСПРУДЕНЦИИ³

Социологическое направление в юриспруденции сформировалось в 1880-е гг. и стало популярным на рубеже XIX-XX вв. К нему принадлежала целая плеяда блестящих русских правоведов, в числе которых были Ю.С. Гамбаров, Н.А. Гредескул, М.М. Ковалевский, Н.М. Коркунов, С.А. Муромцев и др.

Социологическая юриспруденция опиралась в целом на позитивистскую методологию и теорию познания. И в этом смысле она была разновидностью позитивизма. Вместе с тем ее представители истолковывали право не формально-догматически, как систему нормативных предписаний государственной власти, а стремились постичь его содержание.

Социологический позитивизм был ориентирован на социологический подход к праву, на постановку правовых проблем в широкий социальный и исторический контекст. Опираясь на материалы исторических и социологических исследований, правоведы пытались выявить законы развития общественной жизни, открыть повторяемость правовых явлений и выяснить их причинную связь между собой. Они исследовали норму права не изолированно, а в системе общественных отношений и на каждом отдельном этапе развития общества. Право в данной трактовке представало социальной

---

¹ Венок на могилу Сергея Андреевича Муромцева. М., 1910. Юбилейное издание. (Библиотека Российского государственного университета. Библиотечный шифр экземпляра U381\180).

² Профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения, ведущий научный сотрудник Центра изучения гражданского общества и некоммерческого сектора Государственного университета – Высшей школы экономики

³ Статья подготовлена в рамках проекта фундаментальных научных исследований ГУ-ВШЭ в 2010 году «Партнерство гражданского общества и государства в решении социальных проблем»

структурой, которая не пребывала в статическом состоянии, а постоянно эволюционировала.

Российские теоретики социологического позитивизма уделяли существенное внимание обоснованию идейных и методологических позиций своего направления. Как указывал Муромцев, профессор римского права Московского университета, он и его единомышленники смотрели на задачи правоведения с позиций строго позитивного мировоззрения, однако видели сущность юридической науки не просто в отыскании системы норм, призванных руководить людьми, но в изучении законов, по которым развивалось право. Под правом Муромцевым понималась отдельная область социальных явлений, тесно связанная с социальной жизнью общества. «При отсутствии одного идеального правового состояния и при постоянной смене форм общественной и юридической жизни наука должна открыть законы, по которым происходит означенная смена..., – считал ученый. – Наука должна определить отношения, в которых состоят правовые явления между собой, к явлениям других групп и к прочим условиям и факторам общественного развития». «Вместо совокупности юридических норм под правом понимается совокупность юридических отношений (правовой порядок)», – резюмировал ученый.¹

«Правоведение должно стать отделом социологии, – писал Муромцев в другой своей работе, – как вообще законы социологии, так и законы правоведения были законами сосуществования (статика) и преемственности (динамика)»². Тем самым признавался междисциплинарный статус юридической науки, ее связь с социальными науками.

Будучи специалистом в области гражданского права, Муромцев определял задачи своей отрасли следующим образом: «Первый шаг науки – чисто-объективный, наблюдательный. Она определяет, что есть. Политика, в смысле теории искусства, исполняет второй шаг. Она определяет, что должно быть, к чему следует стремиться... Мы должны различать: общее гражданское правоведение и гражданско-правовую политику. Общее гражданское правоведение есть наука в строгом смысле. Не преследуя никакой практической цели, но руководясь исключительно требованиями любознательности, оно изучает законы развития гражданского права. Оно предполаगा-

---

¹ Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. М., 1879. С. 8, 10, 14, 48.

² Муромцев С.А. Что такое догма права? М., 1885. С. 24-25.

ет, как подготовительную стадию, описательное гражданское право, которое описывает в правильной системе факты гражданского права. Гражданско-правовая политика определяет цели и приемы, которыми должны руководиться гражданский законодатель и судья»¹.

Наряду с социологией, «близким другом» юриспруденции, по мнению Муромцева, являлась история. Он высоко оценивал немецкую историческую школу права, ее идеи постепенного развития, закономерного движения истории права, заимствования права одним народом у другого, участия в процессе правообразования объективных и субъективных факторов: экономических отношений, жизни общества (народа), социальной психологии, мыслительной деятельности общества в целом и юридического сообщества, в частности.

Признавая достижения исторической школы права, Муромцев, вслед за Р. Иерингом, в то же время критиковал ее за то, что она «упустила совершенно из виду деятельность общества, которой создается право»². Образование права, по мнению Муромцева, совершалось не самопроизвольно, а человеческой деятельностью. Причем в основе творческой работы, создающей право, лежал психический труд. Само по себе развитие права давалось, по признанию ученого, тяжелой и неустанной борьбой: «... люди борются из-за отношений, которые нуждаются в правовой защите или же имеют таковую; они борются также из-за норм, которые защищают отношения или только предназначаются для того»³.

Утверждая так, Муромцев пытался примирить позиции двух школ в современной ему юриспруденции – исторической школы и школы естественного права, обозначить общность их идей. От исторической школы Муромцев брал идею закономерности, от школы естественного права – идею творчества. Постигание закономерностей правового развития, а также творческий подход в ходе создания права являлись основой научной концепции Муромцева и его политическим кредо.⁴

---

¹ Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. С. 14.

² Там же. С. 27.

³ Муромцев С.А. Образование права по учениям немецкой юриспруденции // Немецкая историческая школа права. Челябинск, 2010. С. 257.

⁴ Шершеневич Г.Ф. С.А. Муромцев как ученый // Сергей Андреевич Муромцев. Сборник статей. М., 1911. С. 89.

Доказывая право на существование своего направления в условиях, когда российская правовая наука была далеко неоднородной, Муромцев и другие теоретики социологического позитивизма обосновывали свои позиции посредством критики воззрений оппонентов. Ученые социологической школы указывали на ограниченность юридического позитивизма. «Догматическое изучение права весьма важно и необходимо, но лишь для одной цели – для практического применения права в жизни. Оно есть изучение подчиненное, вся догматика возникла и существует... как служанка правосудия. Правосудие есть дело великой важности, но все же не самое важное в области права; в жизни права есть задача еще более важная, чем применение права, а именно его создание, и перед этой задачей догматика оставляет нас совершенно бессильными, ибо вопрос о том, каково должно быть право, для нее не существует»¹, – считал профессор гражданского права Харьковского университета Гредескул. «И если конечное назначение науки состоит не столько в теоретической истине, сколько в практическом добре, если найденная упорным трудом истина лучше всего окупает себя применением к улучшению человеческой жизни, – продолжал Гредескул, – то... социологическое изучение права – и лишь оно одно – обещает нам богатые плоды: оно даст нам возможность разумно созидать право... И если при господстве догматики права идеалом юриста... является пушкинский дьяк, в приказе поседелый, спокойно зрящий на правых и виновных, знаток текстов и тонкий диалектик, всегда готовый разрешить на основании существующего права самый запутанный юридический казус, – то при социологическом изучении права перед нами вырисовывается совершенно уже другой идеал юриста... Это юрист – третейский судья в борьбе общественных классов, юрист – творец права, юрист, консультирующий обществу о том, каковым должно быть право, и выполняющий эту задачу, как беспристрастный ученый, с полной независимостью сверху и снизу»².

Ковалевский подвергал критике догматическую юриспруденцию за признание ею беспредельности государственного суверенитета и недопущение существования у граждан других прав, кроме созданных государством. Это порождало, по словам ученого, пред-

---

¹ Гредескул Н.А. Современные вопросы права. Харьков, 1906. С. 6.

² Там же. С. 14-15.

ставление о необязательности для государства конституции как продукта его добровольного самоограничения и о вторичности обеспеченных данной конституцией прав личности¹. Взгляд позитивистов на право, по словам Ковалевского, «служил оправданием произвола правительства по отношению к подданным»².

Слабой стороной доктрины естественного права родоначальники социологической школы считали преуменьшение ею роли государства, представление об ограниченном его верховенстве по отношению к правам личности, убеждение, что поскольку государство было создано в интересах защиты прирожденных человеку прав свободы личности и собственности, оно не могло поднять на них руку, не было способно отменить эти права своим законом³. Метафизическим считали социологи права также представление школы естественного права о прирожденных человеку правах как о критерии для оценки действующего права⁴.

Профессор государственного права Петербургского университета Коркунов критиковал теорию естественного права за отдаваемый ею приоритет характеристике должного, но не сущего, реально существующего. «И пора, наконец, понять, – писал ученый, – что задача общественных наук не в том, чтобы быть судьей фактов, а в том, чтобы их объяснять... Надо брать факты как они есть. Надо отвлеченные понятия проверять их применимостью к реальным фактам. Не может иметь жизненного значения, не может руководить общественной жизнью теория, проглядевшая действительное направление современного государственного развития»⁵.

Отношение представителей социологического позитивизма к школе естественного права наиболее обстоятельно выразил Гамбаров, профессор гражданского права Высшей школы общественных наук и ряда российских университетов, а также близкий друг Ковалевского. Гамбаров отдал дань идейному потенциалу естественно-правовой теории, ее вкладу в развитие государственности европейских стран, в ликвидацию рудиментов средневекового строя и феодализма: уничтожение крепостничества, цехового устройства, пыток, уголовного преследования за религиозные пре-

---

¹ Ковалевский М.М. Учение о личных правах // Русская мысль. 1905. Кн. IV. С. 97.

² Там же. С. 98.

³ Там же.

⁴ Ковалевский М.М. Социология. Т. 1. СПб., 1910. С. 62.

⁵ Коркунов Н.М. Государство и свобода // Юридическая летопись. 1892. Т. 1. С. 5.

ступления и др. Гамбаров признал, что все следовавшее за естественно-правовой теорией развитие политических идей и государственных отношений осуществляло на практике указанный ею великий принцип ограничения государственного всемогущества не только индивидуальными правами, но и господством закона¹.

Вместе с тем Гамбаров считал роль естественно-правовой теории в исторических условиях XIX в. – века буржуазно-демократических революций и разрушения «старого порядка», сыгранной. По его убеждению, школа естественного права потеряла в XIX столетии, и, в особенности, во второй его половине, тот кредит доверия, которым она пользовалась ранее. Причины упадка естественного права ученый усматривал, во-первых, в появлении в XIX в. позитивизма – научного движения, осуждающего априоризм и утверждающего культ положительного закона; во-вторых, в изменении в XIX в. роли государства, которое из учреждения, пекущегося только о защите права (правовое государство), превращается в учреждение, озабоченное общим благом (социальное государство) и способное к вторжению в индивидуальную сферу и ограничению свободы некоторых для обеспечения свободы всех. Ослабление позиций естественно-правовой теории связывалось Гамбаровым также с появлением в XIX столетии обширного конституционного законодательства, которое, в свою очередь, явилось основанием для создания учения о государстве на почве сравнительно-исторического его изучения – учения социологического позитивизма.²

Родоначальники российской социологической школы права предлагали, таким образом, теорию права, свободную, по их мнению, от крайностей индивидуализма и коллективизма, которые воплощали теории естественного права и юридического позитивизма.

В воззрениях на свободу личности Муромцев был сторонником представления о свободе как о результате исторической эволюции общества. В этом отношении его взгляды были близки взглядам другого теоретика социологической школы права – Ковалевского, рассматривавшего права человека как результат эволюции государства и общества в определенное время и определенных условиях. Ковалевский указывал, что вероисповедная свобода ранее

---

¹ Гамбаров Ю.С. Свобода и ее гарантии. Популярные социально-юридические очерки // Антология мировой правовой мысли. Т. V. М., 1999. С. 311.

² Там же. С. 305, 309-311.

всего была провозглашена в Северной Америке. Движение в пользу терпимости и свободы церкви широко овладело сознанием граждан Французской республики. Между тем в современной ученому Российской империи до обеспечения свободы совести было, по его мнению, еще далеко. К числу поздно завоеванных вольностей Ковалевский относил свободы печати, собраний и союзов.¹

Мысли Ковалевского было созвучно наблюдение Муромцева: «Всему приходит свое время. Потребность в свободе собраний и союзов – потребность общечеловеческая, но степень необходимости ее на различных ступенях общественного положения различна. Кроме того, различны и препятствия, которые встречаются при удовлетворении сказанной потребности»².

Интерес представляет также умозаключение Муромцева о том, что потребность общества в гражданских свободах наиболее остро ощущалась в эпохи радикальных общественных преобразований, когда идеи личной свободы начинали отвергаться в результате посягательства на них. Именно в такие эпохи идеи неприкосновенности личности и жилища, права собственности распространялись особенно быстро и усваивались особенно сильно.³

Трактуя взаимоотношения личности и государства, Муромцев усматривал необходимость нахождения сдержек и противовесов государственного вмешательства в осуществление прав личности. Такими сдержками ученый признавал наделение граждан политическими правами. Муромцев считал, что «чем ближе поставлен каждый гражданин к политической деятельности, чем чаще выступает он активным исполнителем государственного порядка, а не слепым его орудием, тем более... он заинтересовывается им и влагает в него свою душу, тем более сторон человеческого существования охватывает государство, тем сильнее оно по качественным пределам своего господства и могущественнее по степени своего культурного влияния»⁴.

В марте 1880 г. в «Записке о внутреннем состоянии России», адресованной министру внутренних дел графу М.Т. Лорис-

---

¹ Ковалевский М.М. Русская Конституция. 1. Свободы // Антология мировой правовой мысли. Т. V. М., 1999. С. 293-297.

² Муромцев С.А. Статьи и речи. Вып. 3. Некрологи, приветствия, воспоминания (1878-1910). М., 1910. С. 54.

³ Муромцев С.А. Статьи и речи. Вып. 5. М., 1910. С. 5.

⁴ Муромцев С.А. Статьи и речи. Вып. 1. М., 1910. С. 64.

Меликову, Муромцев констатировал наличие в русском обществе остро осознаваемой потребности в политической свободе, которая, по словам ученого, «питалась и развивались умственным движением прошлого и в особенности настоящего столетия», а в результате либеральных реформ Александра II стала практической задачей. «Идеи неприкосновенности прав личности, свободы мысли и слова, государственного устройства, обеспечивающего эти права, легли в основание идеала, – писал Муромцев, – ... стремление общества к участию в государственной жизни, его потребность общественной деятельности сделалась фактом упроченным, с которым должна считаться правительственная власть... Если правительственный механизм в его современном виде исключает... право на непосредственное участие в государственной жизни, самое желание войти в его состав, то механизм этот подлежит преобразованию»¹.

Таким образом, Муромцев и его коллеги – теоретики социологической школы права явились создателями прогрессивного юридического учения, ориентированного на междисциплинарный подход к задачам и значению правоведения, а также на борьбу за право на творчество во имя осуществления прав личности. Приоритетными правами личности применительно к современной им России теоретики социологической школы права считали политические права, которые корреспондировались с обязанностью населения участвовать в управлении государством. Они признавали также, что и политические, и личные права могли быть обеспечены лишь государством, правовым по своей природе. При этом следует заметить, что такие выдающиеся представители социологической школы права, как Муромцев и Гредескул были не только борцами за право и субъективные права в теории, но и на практике, в Государственной думе, являясь, соответственно, председателем и заместителем председателя первого российского парламента.

Ю.В. Костин (Орел)

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ПРАВА И НРАВСТВЕННОСТИ В ВОЗЗРЕНИЯХ С.А. МУРОМЦЕВА

---

¹ Муромцев С.А. Статьи и речи. Вып. 5. С. 21-22.

Проблема соотношения права и нравственности является одной из традиционных в истории философской и политико-правовой мысли, начиная с Платона и Аристотеля и заканчивая современными теориями и концепциями. Наиболее значимая роль в ее осмыслении принадлежит классикам немецкой философии, особенно И. Канту, И. Фихте и Г. Гегелю, на теоретические выводы которых опирались представители русской философии права¹, внесшие значительный вклад в разработку традиционно важной для русской правовой культуры и национального правосознания темы соотношения права и нравственности.

Тема соотношения права и нравственности была особенно актуальной для отечественной либеральной политико-правовой мысли второй половины XIX – начала XX вв. Вопрос об отношении права и нравственности имел в русской философско-правовой мысли этого периода, по образному выражению Б.А. Кистяковского, «не только теоретическое, но и глубоко практическое, жизненное значение. И именно при решении его ученые и мыслители приходят к наиболее противоположным взглядам»². Обсуждая вопрос об отношении права и нравственности, русская философская и юридическая мысль решала проблему истоков национального права и даже шире – национального бытия³.

Во второй половине XIX в. либеральное направление отечественной политико-правовой мысли становится одним из ведущих в многоцветной палитре идейно-теоретических построений этого периода развития российского общества.

Анализируя идеи соотношения права и нравственности в либеральных политико-правовых учениях дореволюционной России, необходимо отметить, что в процессе своего становления и развития идеология либерализма содержала значительную духовно-нравственную составляющую, которая выражалась в идеях свободы, прав человека, законности и справедливости, ставших духовно-нравственным фундаментом либеральных теоретических политико-правовых построений.

---

¹ См.: Альбов А.П. Проблемы права и нравственности в классической немецкой и русской философии права конца XIX – начала XX вв. СПб., 1999.

² Кистяковский Б.А. Методологическая природа науки о праве. М., 1915. С. 7.

³ Альбов А.П., Масленников Д.В., Сальников В.П. Русская философия права – философия веры и нравственности. СПб., 1999. С. 17.

Не случайно в современной литературе либерализм трактуется как «интеллектуальная и нравственная установка на такую организацию общественной жизни, которая построена на признании политических и экономических прав индивида в пределах, ограниченных действием законов, понимаемых как обобщение естественных потребностей цивилизованных людей»¹.

Государственно-правовая доктрина русского либерализма второй половины XIX в., а также различные аспекты соотношения права и нравственности особенно ярко проявились в научных трудах Б.Н. Чичерина, П.И. Новгородцева, С.А. Муромцева, Г.Ф. Шершеневича, Н.М. Коркунова и других представителей отечественной либеральной политико-правовой мысли этого периода.

Во многом именно благодаря российскому либерализму второй половины XIX-начала XX вв. становится возможным формирование отечественного конституционализма с его требованиями господства права в социально-политических отношениях, юридического оформления полномочий и деятельности государственного аппарата, представительного правления, соблюдения законности, предоставления населению гражданских и политических прав и свобод. Постепенно в трудах представителей либерального направления отечественной политико-правовой мысли складывается идеал русского правового государства, где институт монархии сохранялся, но ориентировался на служение не только дворянству, но и буржуазии, а, в конечном счете, всему народу.

Российские либеральные государствоведы теоретически обосновывали создание в стране конституционной монархии, необходимость широких правовых реформ, формирование правового государства, юридического закрепления прав личности. Либеральный идеал правового государства, основанный на принципе верховенства права, был несовместим с радикально-революционными действиями.

Необходимо отметить, что представители либерального направления отечественной политико-правовой мысли второй половины XIX-начала XX вв. сыграли значительную роль в формировании российского парламентаризма и многопартийности, принимали непосредственное участие в деятельности Государственной

---

¹ Политология. Энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост.: Ю.И. Аверьянов. М., 1993. С.154.

Думы и создании либеральных политических партий в дореволюционной России.

Одним из ярких русских мыслителей, внесших значительный вклад в разработку проблем соотношения права и нравственности, был видный идеолог русского либерализма второй половины XIX-начала XX вв., известный ученый-юрист, общественный и политический деятель Сергей Андреевич Муромцев (1850-1910), которому принадлежит историческая заслуга в деле обоснования социологического подхода к изучению права в России.

Муромцев (1850 -1910) родился в Петербурге, в старинной дворянской семье. Учился на юридическом факультете Московского университета, который окончил в мае 1871 г. После окончания университета Муромцев продолжил свое образование в Германии. В 1875 г. в Московском университете он защитил магистерскую диссертацию «О консерватизме римской юриспруденции», а в 1877 г. – докторскую диссертацию по общей теории гражданского права. В 1875-1884 гг. Муромцев являлся профессором Московского университета; в 1880-1881 гг. – проректором. С 1879 по 1892 гг. Муромцев редактировал «Юридический вестник».

Весной 1880 г. Муромцев представил в правительство Записку о политическом состоянии России, написанную с либеральных позиций. Ее предполагалось опубликовать в «Вестнике Европы», однако публикация была запрещена. Либеральная политическая позиция Муромцева послужила причиной его отставки с должности проректора Московского университета, а в 1874 г. и с должности профессора за «политическую неблагонадежность». В 1890-е гг. Муромцев занимался адвокатской практикой. В начале XX столетия Муромцев снова активно включился в политическую деятельность. Был избран председателем I Государственной думы. С июля 1906 г. возобновил преподавательскую деятельность в должности профессора Московского университета.

В юриспруденции Муромцев выступил с концепцией права как живого правопорядка, создаваемого правотворческой деятельностью судей и администраторов, практической жизнью и потребностями самого общества часто в противовес и вопреки «мертвой» норме, выраженной в законе. В своей основной работе «Определение и основное разделение права» Муромцев писал, что юридические нормы подкрепляются авторитетом власти, ее силой. Но сила

эта, будучи всегда более или менее значительной, никогда не бывает абсолютной. Она действует рядом и совместно с другими силами, которые также влияют на образование правового порядка и могут расходиться с нею в своем направлении.

В данном случае Муромцев констатирует связанность права с другими социальными явлениями, которые не только преобразуются правом, но оказывают на него заметное воздействие¹.

Ученый полагал, что во все времена, кроме всего прочего, право ограничивается, дополняется и меняется под влиянием нравственных воззрений и чувства справедливости тех лиц, которые право применяют. Таким образом, право Муромцев понимал довольно широко, включая в него не только нормы положительного закона, но и судебную практику.

С именем Муромцева связана заметная попытка внести в теорию правоприменения так называемые незаконные критерии – судебную практику, мнение судьи, общественное правосознание, справедливость и т. д.²

Муромцев считает, что судья, кроме толкования, критики и развития положительного права, уполномочен и к творческому преобразованию права на самостоятельной почве. «Только историко-философский анализ закона способен вложить в него содержание. Дух закона есть его историческое отношение к интересам прошедшего, настоящего и будущего; понимать закон – значит понимать его как момент исторического развития; применять его – значит знать историческое соотношение принципов, преобразующих его содержание, и содействовать реализации прогрессивных начал, удерживая излишнее проявление начал отживающих»³.

«Закон, обычай, наука, общественные воззрения на справедливость и нравственность – все это авторитеты, которые неминуемо руководят судьей, но которым он не подчиняется пассивно. ...И закон, и обычай, и наука регулируют гражданскую жизнь, но регулируют через судью, который один есть непосредственный творец гражданско-правового порядка»⁴.

---

¹ См.: Муромцев С.А. Из лекции по русскому гражданскому праву. СПб., 1899. С. 3-4.

² См.: Муромцев С.А. Очерки общей теории гражданского права. М., 1877. Т.1. С. 197.

³ См.: Муромцев С.А. Суд и закон в гражданском праве // Юридический вестник. 1880. № 11-12. С. 392.

⁴ Там же. С. 392-393.

В противоположность господствующим правовым реалиям России Муромцев призывает при разрешении юридических дел опираться не только на закон, обычай, правовую доктрину, но и вообще выходить за пределы юридической сферы. В этой связи он пишет: «Целесообразность решения, подсказываемого творчеством, определяется критерием, который опирается не только на факты права, но в равной степени на факты экономики, нравственности, религии и так далее, чтобы оценить эту целесообразность судья призывает на помощь всю совокупность своих познаний о человеке и обществе, руководствуясь всей житейской практикой. Чем менее юрист приурочивает свое творчество к специально-юридической сфере, тем более оно оригинально и плодотворно»¹.

Новизна социологического подхода Муромцева к правопониманию состояла в том, что в его концепции под правом понималась не совокупность юридических норм, а совокупность юридических отношений (правовой порядок), нормы же представлялись как некий атрибут порядка. Эта новая позиция в российском правоведении способствовала усвоению и распространению взгляда на право, который не отождествлял его с велением носителя верховной власти в государстве, а рассматривал право в тесном взаимодействии с духовно-нравственными ценностями общества, с общественными воззрениями на справедливость.

Думается, что при всей неоднозначности воззрений Муромцева на сущность правоприменительного процесса, он внес заметный вклад в развитие отечественной юридической науки самой постановкой ряда актуальных и сегодня проблем, что содействовало более глубокому пониманию специфики права, его сущности и роли в жизни общества.

Обобщая опыт философско-правовой интерпретации соотношения права и нравственности в воззрениях Муромцева, важно сказать, что главным в решении этой проблемы являлось признание органической взаимосвязи нравственной и правовой сущности человека и общества.

В своих воззрениях на проблемы соотношения права и нравственности Муромцев основывался на признании существования разносторонних взаимосвязей этих важнейших явлений общественной жизни. Причем, рассматривая характер взаимного влияния пра-

---

¹ Муромцев С.А. Что такое догма права? М., 1885. С. 31-32.

ва и нравственности, Муромцев исходил из приоритета правовых и нравственных факторов реформирования российского общества и государства как основного условия развития государственно-правовых институтов в России по пути построения правового государства. По существу, Муромцев стремился с позиций государственно-правовой теории и нравственных принципов обосновать возможность цивилизованного перехода России к правовой государственности.

Вместе с тем, вполне очевидно, что сам российский либерализм представлял собой далекое от народных чаяний интеллектуальное течение, не имеющее прочных корней в различных слоях российского общества. Либералы создали проект переустройства России, который, безусловно, отражал мировые тенденции прогресса, но не всегда учитывал национальную специфику России. Они конструировали свою модель, исходя из желаемого, и, в гораздо меньшей степени, принимали во внимание жесткую реальность, которую намеревались преобразовать по уже апробированным западноевропейским образцам. Думается, что либералы недооценивали особую роль государства и монархической власти в прошлом и настоящем Российской империи, восприятие отечественных государственно-правовых реалий в общественном сознании россиян.

Как справедливо отмечает профессор А.С. Туманова: «Духовная история Российской империи являлась в первую очередь историей российской государственности, демонстрацией мощи авторитарной власти. Государственное начало доминировало в российской жизни: государство регулировало социальное и культурное развитие страны, определяло направление экономического роста, превалировало в иерархии ценностей россиян. На протяжении долгого времени олицетворявший государство монарх являлся для российского общества верховным арбитром, единственным источником и гарантом прав и обязанностей»¹.

Пропась между желаемым и действительным в Российской империи конца XIX-XX вв. была так велика, что созданные либеральными мыслителями программы переустройства России не могли адекватно восприниматься исторической средой. Идеологи ли-

---

¹ Туманова А.С. Государственно-правовое регулирование деятельности общественных организаций России в начале XX века: историко-юридическое исследование. Дис. ... д.ю.н. М., 2004. С. 28.

берализма выступали против разного рода насильственных способов переустройства России, которые оценивались ими в качестве аномальных проявлений, отклонений от нормального пути исторического развития. Русские либералы желали вести страну исключительно по пути мирной трансформации российского самодержавия в правовое государство.

Вплоть до 1917 г. цель либералов была одна – получение реформ из рук монарха и их поддержка. Способ достижения данной цели либералы видели в формировании в стране такой духовно-нравственной атмосферы, такого общественного мнения, которое, по их убеждению, смогло бы вынудить правительство встать на путь реформ.

Однако в условиях нарастания революционного кризиса в России, роста радикально-революционных настроений в обществе политико-правовая идеология либерализма все более и более теряла свою привлекательность и не пользовалась поддержкой большинства народа. Называя это «самым большим парадоксом в судьбе России» и анализируя духовные основы русской революции, Н.А. Бердяев писал, «что либеральные идеи права, как и идеи социального реформизма, оказались утопичными и наименее соответствующими ситуации сложившейся в России в 1917 году»¹.

Развитие государственно-правовых идей русского либерализма было прервано в 1917 г., когда победа Октябрьской революции и последующие события советского периода российской истории на многие десятилетия сделали марксизм господствующей идеологией и вынесли идеи либерализма на периферию отечественной политико-правовой мысли.

Вместе с тем, рассмотрение проблем соотношения права и нравственности в трудах Муромцева и других русских либеральных ученых- юристов второй половины XIX-начала XX вв. явилось одной из центральных тем, определивших теоретическую основу русского дореволюционного правоведения, учитывало особенности российской политической культуры и обеспечивало их органичное включение в понятия и язык современной им юридической науки.

Русская либеральная политико-правовая мысль второй половины XIX– начала XX вв. оставила значительный след в истории

---

¹ Бердяев Н.А. Духовные основы русской революции. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 2006. С. 357.

России, внесла большой вклад в разработку проблем соотношения права и нравственности.

Либеральная мысль этого периода отличалась глубиной теоретических исследований, стремлением к объективному научному анализу политических и государственно-правовых явлений, высокими культурными, нравственными и правовыми идеалами.

В этой связи возрождение традиций отечественной юридической науки, изучение воззрений наиболее видных представителей либерального направления российской политико-правовой мысли должно стать важной предпосылкой целенаправленного формирования правовой культуры современного российского общества.

Особенностью развития правовой культуры современного российского общества является четко определившаяся необходимость переосмысления сложившейся системы государственно-правовых ценностей, нравственно-правовых идеалов. Преобразования, происходящие в России, порождают потребности в новых типах нравственно-правовых ориентаций, которые бы не только обеспечивали адекватную передачу историко-правового опыта последующим поколениям, но и переход к новым, более совершенным формам государственно-правового бытия.

Исторический опыт развития отечественного государства и права показывает, что «право и мораль представляют собой определенную меру свободы индивида. Взаимосвязь их при этом выражается в том, что право как мера свободы нуждается в моральном самоограничении личности, а мораль – в ряде юридических ограничений во имя общественной нравственности»¹.

Поэтому исследование этих фундаментальных категорий в указанном аспекте с учетом богатого опыта осмысления проблем соотношения права и нравственности в истории политико-правовой мысли дореволюционной России представляется не только одним из наиболее перспективных направлений развития российского правоведения, но и имеет важное практическое значение в процессе реформирования современного российского общества, государства и права.

---

¹ Луковская Д.И. Право и мораль: взаимосвязь и автономия // Государство и право. 1998. № 8. С. 117.

К.А. Соловьев (Москва)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Для С.А. Муромцева в работе председателя Думы не было мелочей. И внешний вид, и слова, и тем более поступки первого лица нижней палаты должны были соответствовать ее высокому авторитету. Депутат I Государственной думы В.А. Оболенский вспоминал: «Нигде, ни при каких условиях он не забывал своего высокого положения. Выработал себе манеры, жесты такие, какие, согласно его артистической интуиции, должна была иметь его председательская особа. Мне казалось, что он даже ел и спал не так, как все, а “по-председательски”. И, несмотря на то, что во всем этом искусственно созданном им облике было много наигранного и напускного, всем казалось, что такой он и есть – торжественный, величавый и властный. Члены Думы не только уважали его, но и боялись»¹.

Мысль об особом «призвании» председателя Думы будоражила умы и преемников Муромцева. В ноябре 1912 г. Я.В. Глинка разрабатывал вопрос о придании особого значения председательской должности. В частности, предлагалось установить торжественный выход председателя в зал заседаний, а также удалить с председательской трибуны кресла его товарищей, «которые будто бы мешают председателю своими неуместными советами». На это М.В. Родзянко глубокомысленно и в то же время таинственно заметил: «В IV Государственной думе не будет товарища председателя, будет только председатель Родзянко»². По словам чинов думской канцелярии, Родзянко был преисполнен чувством огромной значимости собственной персоны³.

Действительно, способность председателя вести заседания палаты во многом определяла ее стиль и ритм работы. Очень многое зависело от личности, занимавшей эту должность. Первый же председатель задал чрезвычайно высокую планку для всех последующих. Про Муромцева один депутат-крестьянин говорил В.А. Маклакову: «Он председательствует, как обедню служит»⁴.

---

¹ Оболенский В.А. Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988. С. 52.

² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 583. Л. 2720.

³ Там же. Д. 989. Л. 849.

⁴ Маклаков В.А. Вторая Государственная дума. М., 2006. С. 90.

Члены нижней палаты вспоминали, что Муромцев буквально преобразился на председательском кресле¹. При этом сам он не видел в этом никакой игры. Муромцев понимал, что в первые месяцы существования народного представительства шло постепенное формирование парламентской процедуры, которая и складывается из случайностей, частных, прецедентов. В этом ряду стоят поступки председательствующего, его манера поведения и даже внешний облик. По словам П.Н. Милюкова, «своей не только главной, но исключительной задачей на председательской трибуне Сергей Андреевич считал творчество обычного парламентского права, которое явилось бы непроницаемой броней парламентской свободы»². Примечательно, что о необходимости регламента работы нижней палаты Муромцев задумался задолго до ее созыва. Еще в январе 1906 г., когда не было ясно, каков будет состав первого народного представительства, он с М.Я. Острогорским составлял Наказ Государственной думы³. Муромцев с чрезвычайным трепетом относился к председательским обязанностям. Это удивило его коллег буквально в первый день работы законодательной палаты. Вечером 27 апреля 1906 г. лидеры партии кадетов – 10-15 человек – собрались на квартире М.М. Винавера обсудить дальнейшие шаги Думы. Они уже сходили домой, пообедали, отдохнули, оделись по-летнему – день был очень жаркий. Все были возбуждены, ничего делать не хотелось, за работу сели лишь в 10 часов вечера. И тут явился Муромцев – во фраке с белым галстуком. Кадеты озадачены. Оказывается, новоизбранный председатель – только что из канцелярии Думы, где все надо было подготовить к предстоявшей работе. «Только накормите ради Бога, – просит Муромцев, – с утра ничего не ел»⁴. И так почти каждый день: в 10 часов утра Муромцев приходил в Таврический дворец, а в 3 часа ночи уходил оттуда⁵.

Совсем иначе выглядел Ф.А. Головин: «Закрученные кверху усы, высокий крахмальным воротник, картавый голос производили при первом знакомстве немного комическое впечатление. Предубеждение из-за внешности, конечно, разлетается при более

---

¹ Бондарев С.И. Воспоминания депутата-трудовика // Сергей Андреевич Муромцев: Сб. ст. М., 1911. С. 277.

² Милюков П.Н. Сергей Андреевич Муромцев. Биографический очерк // Там же. С. 45.

³ Набоков В.Д. Первый председатель Государственной думы // Там же. С. 286.

⁴ Винавер М.М. Муромцев – адвокат и председатель Думы // Там же. С. 271.

⁵ Там же. С. 270.

близком общении, как оно разлеталось при более близком общении у тех, кто, например, имел дело с Кокошкиным, который по внешнему виду на Головина походил. Но у Головина не было ни умственного блеска Кокошкина, ни его дара слова и мысли. Он никому не imponировал, и с ним не стеснялись»¹. Г.А. Алексеев, служивший в канцелярии Думы, через несколько дней после начала работ, 25 февраля 1907 г., весьма критично оценивал председателя нижней палаты: «С грустью в сердце приходится констатировать, что во главе Государственной думы стоит очень и очень плохой председатель». Алексеев считал, что у Головина не было ни опыта, ни каких-либо теоретических знаний. Он слабо представлял обязанности председательствующего. «Вместо того, чтобы руководить прениями и по выяснении вопроса ставить его в ясной форме на баллотировку, он то и дело вносит свои собственные предложения и, не слыша на них возражений, без всякой баллотировки объявляет их принятыми»². Канцелярия жаловалась на безответственное поведение Головина, который «улетучивался» сразу по окончании пленарных заседаний и все свободное время проводил со своей знакомой А.В. Скурдиной³. Это чрезвычайно смущало кадетов, которые опасались, что правые обязательно учинят скандал в этой связи⁴. Головин «ушел с головой» в личную жизнь и к своим обязанностям относился весьма легкомысленно. Он даже не думал отвечать на важные письма П.А. Столыпина, предоставляя их составить Н.Н. Щепкину: «Да вы напишите там что-нибудь, а я подпишу»⁵. Неслучайно Наказ II Думы разрабатывался с учетом «беспомощности» председателя и в нем предусматривалось то, что обычно оставлялось на усмотрение ведущего заседания⁶. Это было тем более важно, что при всех недостатках самого Головина, его товарищи (т. е. заместители), по мнению Маклакова, были еще хуже⁷.

Первые два председателя являли примеры едва ли не противоположностей, что подтверждает очевидный факт: председатель Думы – это не функция, а человек с особым характером, привычка-

---

¹ Маклаков В.А. Указ. соч. С. 91.

² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 174. Л. 94.

³ Там же. Д. 182. Л. 18.

⁴ Там же. Д. 177. Л. 66.

⁵ Там же. Д. 207. Л. 21.

⁶ Маклаков В.А. Указ. соч. С. 154.

⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 174. Л. 90.

ми, темпераментом. Весьма колоритным персонажем был и последний председатель нижней палаты – Родзянко. Он часто бывал бестактен, смущая министров, депутатов, сотрудников канцелярии Думы. «Я... крайне недоволен непочтительным ко мне отношением многих ваших чиновников, – говорил он руководителям канцелярии 11 мая 1912 г. – Так, я заметил, что они при встрече на улице мне не кланяются и не уступают дороги. Это крайне невежливо с их стороны и непочтительно к председателю Думы». Это заявление было тем более странным, что Родзянко не был знаком с сотрудниками думского аппарата (в отличие от Муромцева, который познакомился со всеми чиновниками нижней палаты)¹. К тому же беспомощность Родзянко в юридических и процедурных вопросах ставила его в полную зависимость как раз от чинов канцелярии. Так, в конце ноября 1912 г. правые намеренно создавали трудности председателю на пленарных заседаниях. Фактический глава канцелярии Глинка вместо того, чтобы помогать Родзянко, в самую критическую минуту куда-то исчезал. «И председатель беспомощно озирается, нигде не видя себе поддержки»².

Должность председателя требовала целого ряда умений. Товарищ (заместитель) Родзянко В.М. Волконский относил к числу своих неоспоримых достоинств опыт службы вахмистром. По этой причине ему не составляло большого труда перекричать 400 человек³. Председательствующий должен был уметь не только кричать, но и считать. В конце легислатуры III Думы, в мае 1912 г., кворума не было практически ни на одном заседании. Тем не менее, Родзянко и Волконский умело маскировали этот факт и проводили необходимые решения. Это не удавалось другому товарищу председателя Думы М.Я. Капустину, которому приходилось постоянно прекращать заседания из-за малочисленности собравшихся⁴.

Наконец, председатель должен был уметь договариваться. В определенном смысле он был наиболее зависимой фигурой в нижней палате. Он зависел и от думского большинства, его избравшего, и от думского меньшинства, способного сорвать заседания. Ситуация заметно осложнялась отсутствием ясного понимания, кто

---

¹ РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 10. Л. 33.

² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 584. Л. 2822.

³ Там же. Д. 401. Л. 92.

⁴ РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 10. Л. 28.

представляет большинство, а кто – меньшинство. В этом была уязвимость позиции и Муромцева. Согласно воспоминаниям С.Е. Крыжановского, в кадетской среде даже ему не слишком доверяли. Когда его однопартийцы заметили, что к председателю Думы стал регулярно наведываться товарищ министра внутренних дел Крыжановский, у них это вызвало подозрения. Очевидно, в этой связи секретарь нижней палаты кн. Д.И. Шаховской стал часто и без какой-либо надобности заходить к Муромцеву, когда у него в кабинете был столь высокопоставленный чиновник. Председателю Думы и Крыжановскому приходилось срочно менять тему разговоров¹.

Страх обструкции многое объяснял в поведении председательствующего. Именно по этой причине в начале работы IV Думы Родзянко, получивший столь желанное кресло в значительной мере благодаря голосам оппозиции, искал поддержки и у правого крыла, всячески отстаивая избрание секретарем нижней палаты националиста П.В. Синадино².

Деятельность председателя Думы не ограничивалась стенами Таврического дворца. Он представлял нижнюю палату перед лицом верховной и исполнительной власти, в т. ч. и перед самим императором. Большое значение беседам с царем придавала и оппозиция. 25 марта 1907 г. принадлежавший к фракции кадетов Головин писал жене: «Мне очень хотелось бы время от времени видеть государя. Я думаю, что личные доклады могли бы способствовать более правильному взгляду государя на Думу»³. С ним соглашался и секретарь Думы М.В. Челноков, который считал необходимым, чтобы Головин посещал императора как можно чаще, держа его в курсе работы депутатов⁴. Судя по всему, этот вопрос обсуждался Челноковым с министром императорского двора В.Б. Фредериксом, который отнесся к этой инициативе с большим интересом⁵. Фредерикс организовал встречу Головина с императором, правда, преду-

---

¹ [Крыжановский С.Е.] Воспоминания: Из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. СПб., 2009. С. 95-96.

² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 583. Л. 2763.

³ Там же. Д. 185. Л. 52.

⁴ Там же. Д. 186. Л. 62.

⁵ М.В. Челноков писал Г.Е. Львову 9 марта 1907 г.: «Отношений с Царским Селом пока никаких, но один разговор на эту тему был с Фредериксом, который к такой мысли отнесся сочувственно» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 177. Л. 66). См. также: Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника, 1907-1916 гг. М., 1924. С. 23.

предив председателя Думы, что нужно предоставить перечень вопросов, о которых он намеревался говорить¹. Спустя три года, именно ради личных встреч с царем А.И. Гучков стал председателем Думы².

Эти беседы придавали особый вес председательствующему, так как в разговоре с императором можно было разрешить многие проблемы. Например, в ноябре 1910 г. Гучков обсуждал с Николаем II широкий круг вопросов, явно не входивший в сферу компетенции Государственной думы. Они говорили о внешней политике России, император рассказывал о своей недавней встрече с германским кайзером. Гучков, в свою очередь, жаловался на беспорядки в морском и военном ведомствах³. Эта беседа имела очевидные практические последствия. На следующий день император вызвал к себе военного министра В.А. Сухомлинова и сообщил ему о замечаниях Гучкова, предлагая таким образом отреагировать на позицию председателя нижней палаты⁴. Интимный характер таких бесед исключал возможность их огласки. Характерно, что сдержанный и в высшей степени корректный Муромцев был чрезвычайно лаконичен, пересказывая свои разговоры с царем⁵. Не таков был Гучков. Согласно воспоминаниям Н.В. Савича, царь вспылал ненавистью к Гучкову, когда стало известно, что председатель Думы сообщил депутатам содержание своего разговора с императором. Неудивительно, что эта информация вскоре стала достоянием широкой гласности⁶. Впоследствии Николай II не скрывал своей антипатии к лидеру октябристов. Этим пользовался военный министр Сухомлинов, который в своих докладах императору всячески подчеркивал вмешательство Гучкова в дела армии. Царь же в ответ называл Гучкова «подлецом» и не возражал против того, чтобы эти слова дошли до «адресата»⁷.

Самые деликатные вопросы обсуждались и во время встреч императора с М.В. Родзянко. Так, в феврале 1912 г. на приеме у Николая II Родзянко заявил, что сведения о Г.Е. Распутине компромети-

---

¹ Поливанов А.А. Указ. соч. С. 24.

² Савич Н.В. Воспоминания. СПб. – Дюссельдорф, 1993. С. 80.

³ РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 3. Л. 65 об.-66.

⁴ Там же. Л. 67.

⁵ Оболенский В.А. Указ. соч. С. 353.

⁶ Савич Н.В. Указ. соч. С. 81.

⁷ Поливанов А.А. Указ. соч. С. 110.

руют царскую семью. В этой связи 29 февраля к председателю Думы явился дворцовый комендант В.А. Дедюлин и объявил о решении императора возложить на Родзянко подготовку доклада о Распутине. Председатель Думы был столь горд этим поручением, что вскоре распространил сведения о нем по всей нижней палате, правда, всякий раз подчеркивая необходимость сохранить эту новость в тайне. При этом он так и не приступал к непосредственной подготовке доклада¹. Прошло около двух недель. Родзянко опять собирался в Царское Село. «Он, конечно, ничего компрометирующего Распутина не отыскал и, кроме сплетен, ничего рассказать не сумеет. Письменного доклада Родзянко не представляет, а ограничится словесным изложением»². Тем не менее, и в дальнейшем председатель Думы шел на откровенный разговор с императором, ставил перед ним неприятные вопросы. 17 ноября 1912 г. Родзянко обратил внимание царя, что выборы в IV Думу прошли под сильным давлением администрации. На реплику императора, что даже в республиках правительство пытается влиять на исход выборов, Родзянко заметил, что там администрация обычно не нарушает законов³.

Впрочем, такие беседы были полезны не только председателю Думы, но и императору. На этих встречах Николай II говорил о своем отношении к недавним событиям в Таврическом дворце, донося таким образом свою точку зрения до депутатов. Например, в апреле 1907 г. он вынудил Головина оправдываться, заявив о необходимости пресекать политические демонстрации со стороны левого крыла Думы⁴. 20 марта 1910 г., беседуя с помощником военного министра А.А. Поливановым, Николай II сожалел, что Дума исключила из сметы ассигнования на оркестр балалаечников. «Я у Гучкова потребую этих денег», – заключил император⁵. 17 ноября 1912 г. Николай II попросил Родзянко, чтобы комиссия, занимавшаяся военными делами, более не называлась комиссией по государственной обороне, так как это совпадало с названием подчиненного императору Совета⁶.

---

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 563. Л. 710.

² Там же. Д. 564. Л. 801.

³ Там же. Д. 583. Л. 2732.

⁴ Там же. Д. 196. Л. 100.

⁵ Поливанов А.А. Указ. соч. С. 97.

⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 583. Л. 2732.

Предстоявшее общение с императором учитывалось при выборе председателя. По воспоминаниям Н.В. Савича, в 1907 г. октябристы сошлись на кандидатуре Н.А. Хомякова, как раз имея в виду его будущие аудиенции в Царском Селе: «Хомяков имел свойство приятного собеседника, обладал светским тактом, мы надеялись, что при личных сношениях с царем он найдет надлежащий язык, что его манера подходить к вопросам с легкой иронией, порой с некоторой насмешливостью, всегда остроумно и без необходимости для собеседника дать немедленный ответ по существу, помогут ему установить добрые отношения с царем, подозрительным, недоверчивым и относившимся к нам с большим предубеждением»¹.

В этом отношении выбор председателя оказался в высшей степени удачным. Николай II общался с Хомяковым куда более охотно, чем с Гучковым или Родзянко. Характерно, что за I сессию III Думы Хомяков имел 5 всеподданнейших докладов; за II сессию – 6; за III сессию один доклад сделал Хомяков, другой – Гучков; за IV сессию Гучков имел два доклада, Родзянко – один; за V сессию Родзянко имел два доклада².

Учитывая ценность личной беседы с императором, председатель обычно тщательно готовился к такой встрече, проводя необходимые консультации. Например, в конце марта 1907 г. Головин советовался со своими знакомыми по земской работе (Д.Н. Шиповым, кн. Г.Е. Львовым, Н.Н. Львовым, А.А. Свечиным, М.В. Челноковым и др.) относительно предстоявшей поездки в Царское Село³. Тем не менее, всеподданнейший доклад председателя далеко не всегда служил интересам думского большинства. Председатель,

---

¹ Савич Н.В. Указ. соч. С. 78. Право личного доклада императора требовало определенного понимания психологии, стиля поведения царя. Так, Ф.А. Головину этого явно не доставало. 21 мая 1907 г., за две недели до уже предрешенного роспуска II Думы, он с уверенностью писал дочери, что нижняя палата данного созыва просуществует еще долгое время. Это заключение он вынес из беседы с Николаем II. «Хотя государь не верит в работоспособность Думы, но я доказывал ему противоположное. Не знаю, удалось ли мне уничтожить опасения государя. Думаю, что нет. Тем не менее на прощание он высказал пожелания, чтобы мои надежды на работоспособность Думы оправдались. Отсюда я заключаю, что он намерен дать Думе существовать еще некоторое время для опыта. Я же думаю, что опыт окажется в пользу Думы и таким образом Дума может сохранить свою жизнь еще на продолжительное время» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 208. Л. 72).

² Обзор деятельности Государственной Думы третьего созыва. 1907-1912 гг. СПб., 1912. Ч. 1. Общие сведения. С. 64.

³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 187. Л. 46.

выступая от имени всей Государственной думы, не мог отречься от своих собственных взглядов и симпатий. Так, по словам Савича, позиция думского большинства часто не находила своего отражения в беседах Хомякова с императором, что вызывало раздражение октябристов и в итоге привело к отставке председателя нижней палаты¹. Все попытки бюро фракции убедить Хомякова защищать точку зрения своей партии хотя бы в ходе аудиенций в Царском Селе были тщетны. «Хомякову были органически противны подпольная борьба и дразги политических противников, с которыми ему нужно было бороться, если бы он пошел по пути, на который его толкало бюро. Он поступил как избалованный барин – ушел, отряс прах с ног своих»².

Фигура председателя была небезразлична и для правительства. Неслучайно, в начале ноября 1907 г. Столыпин провел целый вечер в обществе Хомякова и уговаривал его стать председателем Думы. Премьер-министр чрезвычайно опасался, что мог быть избран представитель правых – гр. А.А. Бобринский³. В марте 1910 г. Столыпин настаивал на избрании на эту должность хорошо знакомого ему Гучкова⁴, когда это казалось сомнительным и октябристам, и самому их лидеру. Конечно, правительство хотело иметь в председательском кресле удобного ему человека, дабы более не случались инциденты, подобные тому, что имел место во II Думе. Тогда, в марте 1907 г., Столыпина возмутил противоречивший законодательству отказ председателя Думы Головина предоставить слово премьер-министру на пленарном заседании нижней палаты. 18 марта 1907 г. в этой связи близкий к Столыпину журналист С.Н. Сыромятников писал И.Я. Гурлянду: «Для нас указ – Пруссия и Америка, а не Франция, где палата имеет в министрах своих приказчиков»⁵.

Однако, внимание к личности председателя объяснялось не только влиянием последнего на законотворческий процесс. Важно было то, что именно председатель Думы вел переговоры с правительством по многим вопросам как технического, так и принципиального характера. Через председателя Думы премьер-министр

---

¹ Савич Н.В. Указ. соч. С. 78-79.

² Там же. С. 79.

³ Маклаков В.А. Указ. соч. С. 40.

⁴ П.А. Столыпин: Переписка. М., 2004. С. 359.

⁵ РГИА. Ф. 1629. Оп. 1. Д. 331. Л. 14.

оповещал депутатов о предпочтительной очередности рассмотрения правительственных законопроектов¹. Соответственно, в случае конфликта министров с руководством Думы вся деятельность нижней палаты ставилась под угрозу. Эта проблема имела место в конце 1912 – начале 1913 гг. За время рождественских каникул Родзянко неоднократно пытался договориться с правительством относительно плана работы нижней палаты. Однако из этого ничего не вышло, что сильно осложнило и замедлило работу депутатов².

При посредстве председателя законодательной палаты премьер-министр пытался воздействовать и на общее собрание Думы. Так, в марте 1913 г. В.Н. Коковцов просил Родзянко сделать все возможное, чтобы сведения о поражении турецких войск при Адрианополе были спокойно восприняты депутатами³.

Большое значение придавалось не только содержанию, но и форме бесед председателя Думы с министрами. Муромцев с чрезвычайным вниманием относился к протокольным подробностям его общения с правительственными чиновниками. Обсуждая с Крыжановским свою будущую встречу с министром внутренних дел Столыпиным, он специально оговаривал, где эта встреча произойдет, какой будет избран повод, кто первый сделает шаг навстречу⁴. Также и председатель II Думы Головин считал для себя неприемлемым нанести первым визит Столыпину⁵. В разговоре по телефону 23 февраля 1907 г. Головин и Столыпин пытались прийти к соглашению о месте встречи. Премьер-министр указал, что было бы лучше побеседовать на «нейтральной» территории, т. е. в Думе, где их общение может остаться незамеченным⁶. Уже в III Думе журналисты с ностальгической грустью вспоминали поведение Головина как председателя нижней палаты. Однажды, в период работы II Думы, Столыпин стоял у министерской ложи и ждал Головина, желая с ним переговорить. Головин же, не торопясь, давал распоряжения своему секретарю. И лишь после того, как Столыпин вто-

---

¹ П.А. Столыпин: Переписка. М., 2004. С. 278-281, 389-392.

² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 917. Л. 121.

³ При этом журналисты (например, С.Д. Протопопов) заметили, что «возмутителем спокойствия» стал П.Н. Крупенский, человек близкий В.Н. Коковцов. Из этого был сделан вывод, что премьер-министр вел двойную игру, пытаясь воздействовать на общественное мнение (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 921. Л. 525),

⁴ [Крыжановский С.Е.]. Указ. соч. С. 96 .

⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 175. Л. 6.

⁶ Поливанов А.А. Указ. соч. С. 20.

рой раз подослал чиновника особых поручений, председатель Думы подошел к премьер-министру¹.

И все же во II Думе, ожидавшей роспуска со дня ее созыва, председательствующий далеко не всегда мог позволить себе такое поведение. 16 апреля 1907 г., сразу после скандального выступления А.Г. Зурабова, обвинявшегося в том, что он оскорбил российскую армию, Головин явился в министерский павильон, где пытался доказать, что случившееся – недоразумение, а он лишь не расслышал сказанное. Ему же говорили об «оскорблении знамени». Головин явился и второй раз, уже со стенограммой, убеждая, что ничего обидного для армии сказано не было. Однако эти объяснения министров не удовлетворили. Они получили указания от Столыпина в Думе не показываться до полного разрешения конфликта. В итоге им пришлось до 8 часов вечера гулять в Таврическом саду². Головин беседовал со Столыпиным о «зурабовском инциденте» в 12 часов ночи³. На следующий день, в 8.30 утра, он был с визитом у военного министра А.Ф. Редигера, который готовился к отъезду в Царское Село. Вернувшись в столицу, Редигер заехал к Головину в Европейскую гостиницу⁴. Только так можно было разрешить конфликт, который грозил оборвать «жизнь» Думы второго созыва на два месяца раньше отведенного ей срока.

В III Думе, рассчитывавшей на конструктивное взаимодействие правительства с депутатами, «муромцевский» эталон поведения был неприемлем для председателя. Порой это возмущало оппозицию. Например, она с гневом писала о том, как в самом начале думских работ, 6 ноября 1907 г., во время перерыва пленарного заседания Хомяков, будучи на трибуне, заметил государственного секретаря и тут же покинул свое место и поспешил к правительственному чиновнику⁵. Хомяков регулярно приходил в министерский павильон после окончания думского заседания⁶. 24 апреля 1908 г. в кулуарах Думы Коковцов, Столыпин и Хомяков обсуждали только что случившийся инцидент, когда председательствующий назвал неудачными слова министра финансов – «у нас парламен-

---

¹ Атмосфера в Думе // Русь. 1907. № 298. 7 ноября.

² Поливанов А.А. Указ. соч. С. 26.

³ П.А. Столыпин: Переписка. М., 2004. С. 32.

⁴ Поливанов А.А. Указ. соч. С. 26.

⁵ Атмосфера в Думе // Русь. 1907. № 298. 7 ноября.

⁶ Поливанов А.А. Указ. соч. С. 61.

та, слава Богу, нет». Этой беседы оказалось недостаточным, и 25 апреля 1908 г. Хомяков вновь поехал объясняться по этому поводу со Столыпиным¹. 15 октября 1908 г., сразу после принятия Думой запроса об аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией, Хомяков поспешил объявить перерыв и, «сойдя с кафедры, рысью пустился в павильон министров, дабы узнать, не обидится ли Столыпин на принятие запроса»². Гучков поддерживал тесные контакты с Столыпиным и до своего избрания председателем Думы. Конечно, они не пресеклись тогда, когда он занял этот пост. Гучков часто выполнял роль посредника между Столыпиным и различными группами интересов, организовывал встречи председателя Совета министров с делегациями из провинции. Так, в 1910 г. он добился, что Столыпин принял представителей Кубанского казачьего войска, которые были разочарованы аудиенцией у императора и военного министра Сухомлинова³.

Таким образом, председатель Думы постепенно встраивался в политическую систему Российской империи. Он «нащупывал» инструментарий, который позволял ему оказывать влияние на принятие решений как Думой, так и правительством. Вместе с тем, партии, фракции, министры, император также учились использовать политический ресурс, находившийся в распоряжении у председателя. Все это не было прописано ни в Основных государственных законах, ни в Учреждении Государственной думы, ни в Наказе нижней палаты. Это формировалось в результате проб и ошибок. В итоге вырисовывалась самостоятельная политическая фигура председателя Думы, на которой сходились различные интересы, что давало известную свободу маневра «спикеру» нижней палаты.

Д.В. Аронов (Орел)

**ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ БОРЬБЕ ЗА ПРАВО ...
К ЮБИЛЕЮ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ДУМЫ СЕРГЕЯ АНДРЕЕВИЧА МУРОМЦЕВА**

---

¹ Там же. С. 45.

² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 331. Л. 10.

³ Александр Иванович Гучков рассказывает... М., 1993. С. 26-28.

28 мая 2010 года Орловский областной Совет народных депутатов по инициативе фракции партии «Единая Россия» единогласно принял решение об увековечивании на орловской земле памяти о нашем великом земляке, Председателе Первой Государственной Думы России Сергее Андреевиче Муромцеве, человеке, стоявшем у истоков российского парламентаризма, с юности и до последнего дня жизни пронесшем идеалы построения в России подлинно правового государства. На рубеже XX – XXI веков Сергей Муромцев и другой наш земляк Петр Столыпин, чей юбилей приходится на 2012 год, олицетворяли собой те политические силы, которые видели своей главной целью возрождение России, ее возвращение в число Великих держав. Пути, предлагавшиеся ими, были различны, но цель была одна. Сегодня, когда Россия стоит перед необходимостью коренной модернизации, строительства соответствующей ей политической системы, опыт предшествующих поколений российских реформаторов приобретает особое значение.

Начало XXI в. дарит нам немало столетних юбилеев, среди которых большое место занимают даты, связанные с тем кардинальным реформированием политического строя страны, которое происходило в начале XX в. Это было время, когда в жизнь русского общества впервые вошли такие понятия как парламентаризм, государственная дума, политические партии, права и свободы человека и многие другие, которые сегодня составляют основу современного политического процесса. Не остались в стороне от этого процесса и наши земляки, волею судеб оказавшиеся в эпицентре тогдашней политической жизни Российской Империи. Среди них можно назвать Петра Столыпина – премьер-министра России, братьев Стаховичей Михаила и Александра, известных земских деятелей, стоявших у истоков создания Партии мирного обновления и «Союза 17 октября», религиозного философа, экономиста, депутата Думы Сергея Булгакова и многих других. Но и на их фоне особняком стоит имя звезды первой величины российского политического небосклона Сергея Андреевича Муромцева – крупнейшего российского юриста, педагога, лидера партии кадетов, Председателя Первой Государственной думы.

Судьба распорядилась так, что 2010 г. связан с двумя круглыми датами. Это, прежде всего, сто шестьдесят лет со дня его рождения и ровно сто лет со дня его безвременной кончины 17 октября 1910 г. Орловская земля занимает в жизни Сергея Андреевича Муромцева особое место. Родился он в казармах Московского полка в Санкт-Петербурге 5 октября 1850 г., где служил его отец. В 1858 г. семья переезжает в имение Лазавка, расположенное в настоящее время в Новодеревеньковском районе Орловской области. Именно Орловщина стала местом, где прошли детские годы Муромцева, где он сформировался, прежде всего, как личность.

Бурные исторические события, прокатившиеся по Центральной России в XX в., уничтожили немало исторических мест. Не уцелела и усадьба Муромцевых, ныне это обычное среднерусское село, находящееся в отдалении от сколь-нибудь оживленных дорог. Но истории было угодно распорядиться так, чтобы фамилия Муромцевых сохранилась в прямой связи с Орловской землей. Вплоть до настоящего времени на топографических картах один из небольших населенных пунктов Новодеревеньковского района Орловской области называется Муромцево. Сохранилось и прежнее название имения Муромцевых – Лазавка.

Среди детей Сергей Муромцев был старшим и с ранних лет выполнял роль руководителя и советчика. Интересы детей формировались под влиянием разговоров взрослых (прежде всего военных), посвященных войне, военной службе и всему, связанному с этим. К военным интересам присоединился интерес к сельскому хозяйству, оставшийся у Муромцева до конца жизни. В соседнем с Лазавкой имении Предтечеве, в семье дяди Семена Алексеевича, юный Сергей Муромцев присутствовал при обсуждении взрослыми проблем, касавшихся великих реформ, преимущественно судебной и земской. В дальнейшем это отразилось на формировании его личности в подростковом возрасте.

Раз в неделю в Лазавку доставлялись выписанные отцом «Московские ведомости», семья собиралась по вечерам в столовой, и газета читалась вслух. Особый интерес возбуждали громкие события, происходившие в Европе. В памяти Муромцева особенно остро запечатлелись разговоры о подвигах Гарибальди. Почти через полвека он вспоминал, как «в массе русских семейств с замиранием сердца ожидали и с восторгом принимали известия об успехах

освободительного движения в Италии. Мы, подрастающее поколение, слушая старших, принимали живое участие в общем восхищении, и образы Гарибальди и его соратников навсегда запечатлелись в нашей памяти, как светлые образы героев национального освобождения».

Близость юного Муромцева к политическим проблемам отразилась и на его детских играх. В литературе упоминается эпизод, связанный с организованной им совместно с братьями и сестрами игрой в «государство». Основой игры послужила найденная в библиотеке книга отца «Справочная книжка для русских офицеров» и, возможно, разговоры старших, прежде всего дяди, Сергея Алексеевича, услышанные Муромцевым в Предтечеве.

Его игрушечное государство «Лазавка» было не самодержавным, а конституционным, в нем имелись две палаты: Государственный совет и Палата депутатов, помещавшиеся в двух беседках деревенского сада. Государство было разбито на губернии и уезды, которые были тщательно нанесены на карту «Государства Лазавки». При этом определение масштаба и съемка территории, всего более семи гектаров, были произведены при помощи самодельных инструментов. Государство развивалось во времени и пространстве, завоеывая близлежащие местности; были присоединены царства: «Гумно», «Спарта» (скотный двор), «Дементьево», «Малая Лазавка» и т.д. Муромцев выдавал сестер замуж за воображаемых правителей завоеванных держав, проводил в них реформы, строил города и т.д. Позднее он напишет историю своего государства, поместив его в Малой Азии на берегу моря, с точной хронологией и описанием исторического развития.

В возрасте 9-10 лет мальчика увлекла еще одна игра – ежедневная газета, по образцу московских, получаемых отцом в деревне, издававшаяся им на протяжении двух лет. Каждое утро на чайном столе, рядом с отцовским местом, лежал свежий номер, составленный вечером на основании собранных на кухне, в детской, в саду «сотрудниками редакции» (братьями и сестрами) сведений. Позднее по этой газете взрослые иногда наводили справки – кто из детей и когда заболел, что произошло в хозяйстве и т.п.

Эпизоды детства Муромцева, прошедшего в Лазавке, показывают, как рано начал определяться круг его будущих интересов, связанных с жизнью страны. Но к осознанному пониманию жизнен-

ной действительности он придет позже – в начале 70-х гг. В сентябре 1860 г. юного Муромцева, которому исполнилось 10 лет, родители увезли в Москву для продолжения образования в гимназии.

В годы студенчества Муромцева с Лазавкой связаны прежде всего периоды летнего уединения, когда он усиленно занимался, пытаясь освоить помимо юридических, еще ряд естественнонаучных дисциплин. Оставшийся после окончания юридического факультета при университете для подготовки диссертации Муромцев полностью отдает себя ученым занятиям. Однако в Москве работа у него пошла совсем не так быстро, как он планировал. «Сначала принялся было горячо, – писал Муромцев, – но потом чем дальше, тем больше отставал, голова начала наполняться другим, и работа полетела к черту». Возникший внутренний дискомфорт Муромцев решил привычным уже ему способом – в мае 1874 г. он вновь, как и в студенческие годы, уезжает в Лазавку, «чтобы поправить грешки и натянуть потерянное время». В работе над римским правом и диссертацией прошли лето и осень. Диспут по диссертации состоялся 5 апреля 1875 г., и по его результатам не только было вынесено положительное решение, но Муромцеву была предложена кафедра.

Следующее десятилетие (1875-1884 гг.) было самым плодотворным в научной жизни Муромцева. Именно в это время им были написаны непосредственно связанные с научной и педагогической деятельностью в университете научные труды. На этот период приходится наиболее активная работа в Юридическом обществе и его печатном органе «Юридическом вестнике». Муромцев выступал на общественно-политической арене в качестве городского и губернского гласного, в роли публициста и политического мыслителя. Несомненно, что этот всплеск активности в жизни Муромцева непосредственно связан с пробуждением общественного самосознания самых широких слоев российского общества. В этот период Лазавка была для него местом нечастого летнего отдыха, ученых занятий, встреч со столь милыми сердцу детскими воспоминаниями.

В 1876 г. Муромцев, собрав необходимый для работы над диссертацией, теперь уже докторской, материал, отправляется для работы в деревню. Самоотверженная работа над сочинением «Очерк общей теории гражданского права» принесла свои плоды, – диссертация была окончена к ноябрю и защищена 3 декабря 1877 г.

Муромцев получил степень доктора гражданского права, а с 22 февраля 1878 г. он утвержден ординарным профессором по кафедре римского права.

В начале восьмидесятых годов в жизни Сергея Андреевича Муромцева происходит судьбоносное событие. В 1882 г. заканчивается холостяцкий период его жизни. Он сочетается браком с известной оперной певицей Марией Николаевной Климентовой, певшей в Большом театре, бывшей в юности первой исполнительницей партии Татьяны в опере П.И. Чайковского «Евгений Онегин». Климентова-Муромцева была женщиной талантливой и незаурядной, она переписывалась со многими известными людьми своего времени, была дружна и с семьей Льва Толстого, часто навещала их в Хамовниках и Ясной Поляне, пела для Льва Николаевича, который считал ее не только замечательной певицей, но еще и увлекательной рассказчицей.

В следующем году, 9 мая, у Муромцевых рождается первая дочь Ольга, а 23 сентября 1884 г. вторая – Мария. В жизни Муромцева начался новый период, тесно связанный с Лазавкой и характеризующийся значительным сокращением общественной активности, отходом от политической публицистики. Больше место занимает личная жизнь и наконец-то обретенное семейное счастье. Из переписки с ближними в значительной мере уходит общественно-политическая тематика, ее место занимают подробности личной жизни, быта, хозяйства в Лазавке, где семья ежегодно проводит немало времени.

Последующие годы, вплоть до возвращения к активной политической жизни в 1904 г., Муромцев регулярно возвращается в родное ему имение, проводит здесь летние месяцы вместе с семьей, занимается ведением хозяйства. Но судьбе было угодно распорядиться так, что Муромцеву, подобно многим его соратникам по либеральному движению последней трети XIX в., не суждено было закончить свои дни в деревне, вспоминая на досуге либеральные мечты юности.

Звездным часом Муромцева стала вторая половина первого десятилетия XX в. С общественным подъемом в России началась и новая страница его политической биографии. Именно тогда он вписал свое имя в политическую историю России как председатель ее

первого парламента, как выдающийся деятель либерального движения.

Однако возвращение Муромцева в большую политику одновременно означало и ослабевание, а потом и полное прекращение личных контактов с тем местом, где прошли его детство и во многом юность, где он скрывался от соблазнов света для научной работы.

Последующие же годы не оставили Муромцеву времени для поездок на малую родину. Земские съезды, кафедра председателя Первой Государственной думы, Выборг, камера № 86 заключенного Таганской тюрьмы, внезапная смерть в октябре 1910 г. – таковы узловые вехи его биографии в 1904-1910 гг.

Орловская земля почтила его память и после смерти, когда, в отличие от Санкт-Петербургской и ряда других городских дум, отказавшихся почтить память Муромцева вставанием, Орловская Городская дума сделала это единогласно, а в Борисоглебском соборе была отслужена панихида, было также принято решение о начале подписки на сооружение в память о Муромцеве в Орле просветительного учреждения, чему помешали последующие события отечественной истории. В местной газете кадетской ориентации был опубликован некролог. Вообще же в рамках намеченной его соратниками по либеральному движению программы по увековечиванию памяти Муромцева удалось поставить на могиле памятник и издать книгу «Венок на могилу С.А. Муромцева». Остались невыполненными такие идеи как издание общедоступной брошюры о нем, создание просветительного учреждения, учреждение стипендии и премии его имени. Думается, что это не поздно сделать и сегодня.

Подводя итог, мы можем сказать, что годы, проведенные в родительском имении Лазавка, стали определяющими для последующего жизненного пути Председателя Первой Государственной Думой. Выросший в среде служилого дворянства, сохранившего в его роду лучшие черты этого сословия, юный Муромцев прошел традиционный путь как в области образования, так и по части семейного воспитания. Можно говорить о том, что имения Муромцевых, расположенные на территории Орловщины, были теми родовыми гнездами, где сохранялся дух подлинно высокой дворянской культуры в сочетании с непреходящими общечеловеческими либеральными ценностями, давший России уникальную плеяду либеральных политиков начала XX в., для которых понятия дворянской

чести и любви к Родине были не разновидностью личного пиара, а базовыми понятиями, определявшими выбор ими своих политических решений.

Непреходящей ценностью общественной позиции Муромцева была ее независимость ни от призывов «не раскачивать лодку», ни от требований немедленной радикализации первого русского парламента, взятия курса на конфликт с исполнительной властью. Про лодку еще чуть ниже

Думается, что фундаментальные основы его уникального облика во многом были сформированы его ближайшим окружением на малой исторической родине – Лазавке, ставшей для него местом первых взрослых размышлений о будущем России, местом первых научных опытов, местом, откуда для него начинался путь, в конце которого он войдет в историю России как политик «чистых рук», один из последних могикан русского либерализма, для которых политическая чистота была не частью отработанного политического имиджа, а неотъемлемой составляющей их жизни.

Обращаясь к биографии Сергея Андреевича Муромцева, всегда приходится отвечать на вопрос, кем же он был в первую очередь. Известным юристом, ученым правоведом, навсегда вписавшим свое имя в историю развития мировой и отечественной науки права? Общественным деятелем, чьи опыты в области конституционного права относятся еще к детским и юношеским годам, а земская и общественная деятельность в многочисленных организациях не прекращалась от студенческой скамьи и до последних дней жизни? Университетским преподавателем, профессором, память об уникальном стиле преподавания которого сохранили многие поколения его учеников? Перевешивают ли семьдесят два дня его жизни – время пребывания на посту председателя Первой Государственной думы – прочие годы и останется ли Муромцев для нас именно председателем Первого в истории страны парламента? Проще всего ответить на эти вопросы в том плане, что все стороны его жизни и деятельности важны и заслуживают внимания и изучения и т.д. Может быть, это и верно, но опять же мы уходим от ответа. Так кем же, прежде всего, был Сергей Андреевич Муромцев, кем он вошел в историю России, кем останется в памяти потомков?

Его жизнь – это история научной, педагогической и общественно-политической деятельности яркого представителя русского ли-

берализма, ставшего отцом принципов парламентаризма в России, неутомимого поборника торжества законности и правопорядка в стране, постоянно боровшегося за ее реформирование на основе свободы и политического равенства всех ее граждан. Анализ его общественно-политической деятельности в различные периоды жизни позволяет сделать вывод о том, что идеалом дальнейшего политического развития России для Муромцева выступала совместная деятельность образованной и прогрессивно настроенной части общества и монарха на основе соблюдения законов и прав граждан. Однако идеи мирного развития России, верховенства права в решении социальных конфликтов, верность которым он сохранял всю жизнь, оказались в то время не востребованы российским обществом. В этом и через один абзацах схожие идеи

Страна и эпоха накладывают на процесс становления каждого человека свой отпечаток и, как правило, составляют неповторимую индивидуальную фигуру из элементов типичных, характерных для определенной эпохи. Жизненный опыт, в широком смысле этого слова, с включением в него усвоенных или отвергнутых семейных традиций, сословных и религиозных обычаев, традиций, предрассудков и т.п. предполагает, с одной стороны, разделение людей на различные социальные группы, а, с другой стороны, существование внутри этих социальных групп некоторой общности мировоззрения, глубокую индивидуальность которому придает нетипичный, сугубо индивидуальный опыт каждой конкретной личности. Нестандартных для России элементов жизненного опыта в судьбе Муромцева было предостаточно.

Верность основополагающему принципу мирного, эволюционного развития общества, в качестве главного средства реализации которого он видел правовую реформу, заставляла его постоянно выступать в качестве защитника законности, соблюдение которой позволило бы, по его мнению, стабилизировать ситуацию в обществе и не допустить революцию. Однако этот призыв не был услышан ни властью, ни российской общественностью.

Муромцев был центристом в полном смысле этого слова. На его позицию не влияли ни призывы «не раскачивать лодку», ни требования немедленной радикализации деятельности первого русского парламента. Неизменность усвоенных жизненных принципов, свободных в то же время от слепого догматизма, исключительная

личная честность и порядочность, категорическое неприятие грязных методов политической борьбы, получавших все большее и большее распространение, – все это делало его исключительно сильной и в то же время весьма уязвимой политической фигурой.

Истории было суждено распорядиться так, что деятельность российского либерализма не помогла обществу в поиске путей выхода из системного общественного кризиса начала XX в. Либеральная модель преобразований осталась не востребованной ни властью, ни широкими слоями населения. В обществе стремительно нарастали процессы распространения правого нигилизма и правового цинизма. В этих условиях попытки представителей лучших интеллектуальных сил страны (в число которых неизменно входил Муромцев) предложить мирный бесконфликтный путь разрешения общественного кризиса путем упреждающего правового реформирования могут показаться достаточно наивными, но это отнюдь не означает, что они лишены позитивного значения. Сама концепция комплексного преобразования общества, находящегося на кризисном этапе развития, посредством правовой реформы заслуживает изучения не только как этап в политической и интеллектуальной истории страны, но и как теоретически обоснованный и проработанный способ выхода из кризиса ценой минимального социального напряжения.

Неудачи российского либерализма начала XX в. показали, что предлагаемые им рецепты общественных преобразований неэффективны в условиях кризисных периодов в развитии общества, что, тем не менее, не отменяет значимости изучения и учета результатов их теоретического поиска для понимания общественно-политических процессов. Главные ошибки здесь лежат в русле безоглядного отрицания любого опыта прошлого либо отказа от него по неким морально-этическим основаниям, связанным, как правило, с обвинениями либералов в гибели России.

Другая опасность подстерегает в случае не критического переноса наработки той эпохи на иные по условиям и времени реализации сценарии общественного развития. Вряд ли следует рассматривать усилия либеральных юристов начала XX в. как панацею от всех бед и болезней, поразивших социальный организм России той эпохи. Уместными представляются слова В.С. Соловьева, который, оценивая возможности права как инструмента реформ, писал: «За-

дача права вовсе не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в Царство Божие, а только в том, чтобы он до времени не превратился в ад». Но именно этой сверхзадаче и была посвящена вся жизнь и деятельность Сергея Андреевича Муромцева.

Пусть его труды с высоты нашего времени выглядят в чем-то наивными, в чем-то недоработанными, но главное в них – стремление избавить общество от трагедии резких структурных перемен, заключающих в себе, что и подтвердил век XX, угрозу потери национальной самобытности, что остается значимым и в наши дни. Буквально каждая страница, вышедшая из-под его пера, проникнута стремлением служения своей стране, стремлением дать ей возможность идти по общей дороге современной цивилизации, не теряя, а подчеркивая и развивая национальную самобытность.

Сегодня, когда российское общество находится на путях поиска новой идеологии, базовые ценности которой не разобщают, а объединяют россиян, именно российские политики начала XX в., подобно Муромцеву видевшие в стабильности и сотрудничестве всех общественных сил залог успеха реформирования социально-политического строя, могут дать нам основу для формирования нового курса, направленного на укрепление российской государственности. Сегодня мы вернулись к идее об увековечивании в Орле памяти о нашем великом земляке Сергее Андреевиче Муромцеве, принятой нашими предками еще сто лет назад. Ведь до сих пор нигде в России не было памятника человеку, вся жизнь которого была примером чистого и честного служения своей стране, своему народу, идее права и государства. И глубоко символично, что именно Орловщина станет тем местом, где появится памятник истинному патриоту России, человеку, вся жизнь которого была борьбой за право, борьбой за величие России.

В.В. Вострикова (Орел)

**ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В ТЕОРИИ НОВОГО
РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА (КОНЕЦ XIX- НАЧАЛО XX вв.)**

Обусловленный сменой идеологической парадигмы всплеск исследовательского интереса представителей различных областей гуманитарного знания – историков, юристов, политологов, философов, социологов к феномену российского либерализма привел к качественному прорыву в его осмыслении. Вместе с тем, некоторые актуальные и с научно-теоретической, и с политико-практической точки зрения проблемы остаются малоизученными. С полным основанием данное утверждение можно отнести к концепции гражданского общества, разработанной либеральными идеологами в начале XX в. Анализ ее основных элементов – понятия гражданского общества, его генезиса и структуры составляет предмет настоящей статьи.

Следует отметить, что попытки реконструкции представлений отечественных либеральных идеологов о гражданском обществе сопряжены с определенными трудностями. Во-первых, хотя в либеральной модели общественного переустройства гражданское общество и правовое государство и были имманентно предполагающими друг друга составляющими, но все же акцент и в теории, и в программатике переносился на государство как решающий инструмент социально-политических преобразований. Наибольший вклад в разработку теории гражданского общества внесли В.М. Гессен, С.И. Гессен, Б.А. Кистяковский, М.М. Ковалевский, Н.М. Коркунов, П.И. Новгородцев, Г.Ф. Шершеневич. Однако, и в их трудах термин «гражданское общество» употребляется достаточно редко, как правило, используется термин «общество», в связи с чем при исследовании взглядов либералов на гражданское общество особое значение имеет контекст употребления термина «общество». Кроме того, традиция осмысления феномена гражданского общества в западной науке начала складываться только в XIX в. (ранее общество отождествлялось с государством), а, значит, у отечественных ученых было гораздо меньше «информации к размышлению», чем в отношении государства как объекта научно-теоретического исследования.

Определяя сущность гражданского общества, либералы отмечали, что традиция его осмысления как самостоятельного феномена начала складываться лишь в XIX в., прежде всего, в трудах Г. Гегеля, видевшего в гражданском обществе, «посредствующее звено между отдельным индивидом и его семьей, с одной стороны,

и государством – с другой»¹. По Гегелю, гражданское общество составляют частные лица, социальные группы, институты, взаимодействие которых регулируется гражданским правом и которые прямо не зависят от государства как политического института. В то же время, по мнению российских либеральных теоретиков, гражданское общество у немецкого мыслителя – это поле бесконечных битв частных интересов, в нем неизбежны конфликты, а потому оно нуждается в управлении со стороны государства. Гражданское общество, отмечал Коркунов, противопоставляется Гегелем «единству семьи и является переходной стадией, антитезисом, к следующему моменту – синтезису, к государству, воплощающему в себе единство семьи и рознь гражданского общества»². Утверждение переходного характера гражданского общества, подчеркивали российские либералы, не позволило немецкому философу сформулировать «самостоятельного понятия о гражданском обществе»³. «Гражданское общество Гегеля, – писал В. Гессен, – является понятием чисто формальным, искусственно придуманным для того, чтобы путем диалектического метода придти к понятию государства. Поэтому материальное содержание понятия общества остается у Гегеля в высокой степени неопределенным. Гегель понимает под ним и отношения отдельных индивидов друг к другу, и совокупность общественных организмов, и, наконец, некоторые формальные учреждения чисто-государственного характера»⁴.

Ближе, нежели Гегель, по мнению российских неолибералов, подошел к пониманию сущности гражданского общества другой немецкий философ – Л. фон Штейн, у которого, как указывал В. Гессен, «учение об обществе отливается в глубоко продуманную, стройную и последовательную систему»⁵. Однако, отмечал Коркунов, следуя методологии Гегеля о тезисе, антитезисе и синтезисе и находясь под влиянием учения социалистов, настаивавших на существовании внеполитической сферы общественной жизни, Штейн дал одностороннюю трактовку гражданского общества как сферы

---

¹ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 283.

² Там же.

³ Там же. С. 284.

⁴ Гессен В.М. Общество // Энциклопедический словарь. Репринтное воспроизведение. Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Эфрон. Т. 42. М., 1991. С. 630.

⁵ Там же.

борьбы экономических интересов, гармонизировать которые призвано государство¹.

Односторонность Штейна, по мнению российских либералов, сумел преодолеть немецкий государствовед Р. фон Моль, утверждавший в качестве конститутивного элемента социальных групп, помимо экономики, также религию, происхождение, профессию и т.д., иными словами, какую-либо общность постоянных интересов и, исходя из этого, определявший гражданское общество как совокупность таких групп². Данная трактовка, отмечал В. Гессен, фактически закрепилась в социологии, где под гражданским обществом понималась «социальная жизнь народа, во всей ее совокупности, жизнь, которую живет народ частью в государстве, частью в многочисленных и многообразных союзах»³. Российские либеральные теоретики считали в общем допустимой такую формулировку, хотя и указывали на ее широту и, в связи с этим, неопределенность⁴. Однако, если перейти от анализа критики неолибералами западных трактовок гражданского общества к исследованию их собственного понимания данного феномена, вряд ли можно предложить столько четких формулировок, как в отношении государства.

С.А. Муромцев определял гражданское общество как «совокупность всех лиц, которые в данное время в данном месте участвуют в образовании гражданского права», тем самым продолжая традицию осмысления гражданского общества, начатую Б.Н. Чичериным⁵. Последний выделял в качестве основного принципа гражданского общества индивидуальную свободу, наиболее полно выраженную в гражданском праве⁶.

Более объемную трактовку гражданского общества в отечественной либеральной мысли начала XX в. можно сконструировать, лишь проанализировав взгляды ее представителей на генезис и структуру гражданского общества.

Прослеживая генезис гражданского общества, либералы отмечали, что его предшественником было сословное общество, являвшееся, в свою очередь, вариантом традиционного общества, для

---

¹ Коркунов Н.М. Указ. соч. С. 285.

² Там же. С. 287.

³ Гессен В.М. Указ. соч. С. 633.

⁴ Там же. С. 631.

⁵ Муромцев С.А. Гражданское право Древнего Рима. М., 1883. С. 4.

⁶ Чичерин Б.Н. Собственность и государство. Т. 1. М., 1882. С. 97.

которого характерно подчинение индивида различным социальным корпорациям, что существенно ограничивало его свободу.

Разрушение сословной структуры либеральные теоретики связывали со становлением индустриального общества, по выражению Ковалевского, «с упадком милитаризма и постепенной заменой его индустриализмом». Модернизационные процессы Нового времени вели к замене феодальных порядков «порядками, в которых сословные различия отступают на задний план, уступают место той изополитии, или всесословности, к которой стремилась Древняя Греция в эпоху гегемонии Афин, которой императорский Рим достиг со времени реформы Каракаллы, распространившей на всех жителей империи права римского гражданства, и торжество которой в новой Европе и в Америке совпадает с первыми биллями о правах и декларациями прав человека и гражданина»¹.

В XIX в. в общественном сознании передовых западных стран, отмечал Н.И. Лазаревский, утверждается мысль о «бесполезности сословий в государственном отношении» и несомненной вреде «в социальном отношении устанавливаемых ими наследственных различий». «Все западноевропейские законодательства стремятся или ослабить значение перегородок между существующими сословиями, или вовсе уничтожить следы бывших сословных различий»². В итоге, «во всех государствах Европы, а также во всех внеевропейских государствах, образовавшихся из европейских колоний, совершенно уничтожены сословные различия духовенства, горожан и крестьян. В значительном большинстве государств исчезли также всякие преимущества дворянства», а там, где преимущества дворян еще сохранились, они «носят главным образом характер почетных отличий»³.

По убеждению российских либеральных идеологов, с уничтожением сословий на смену вертикальным феодальным социальным структурам, открыто выражавшим и закреплявшим социальное неравенство, пришли преимущественно горизонтальные невластные связи, основанные на юридическом равенстве и договорных началах свободных личностей, тем самым, начался процесс трансформации традиционного общества в гражданское.

---

¹ Ковалевский М.М. Социология. Т. 1. СПб., 1910. С. 50.

² Лазаревский Н.И. Сословия // Энциклопедический словарь. Т. 60. С. 912.

³ Там же.

В равенстве граждан перед законом – гражданско-правовом равенстве – неолибералы видели воплощение идеи равноценности личности. Причем они считали недопустимым применение принципа равенства лишь к одной сфере социальных отношений, в частности, как подчеркивал Ф.Ф. Кокошкин, отказываясь от сословий, нельзя сохранять неравенство национальностей¹. А Ковалевский по этому поводу писал: «Равенство прилагается ко всем видам личных вольностей или так называемых публичных прав, обнимающих собою всю сумму как физических, так и духовных проявлений личности»².

Гражданское равенство было для либералов фундаментом, на котором базируется система прав и свобод личности. Ранжируя данные права, большинство либеральных теоретиков исходили из истории их закрепления в законодательстве. Первым правом, предоставленным личности, была свобода совести, провозглашенная в XVI в. в Англии пуританами и определившая дальнейший рост всех остальных субъективных прав. «Очевидно..., что однажды сознавшая свою свободу личность не могла надолго удовлетвориться тем первым шагом на самоопределение, которое было выдвинуто пуританами – свободой совести, – писал по этому поводу С. Гессен. – Признание свободы совести необходимо влекло за собой целый ряд других свобод»³. Прежде всего, это была свобода слова и печати. Как указывал С. Гессен, «свобода совести не может быть, очевидно, полной и неограниченной, раз у меня нет права свободно выражать свою веру. Свобода слова и печати... есть естественное следствие из свободы совести, без которого последняя была бы пустым словом»⁴. Свобода слова и печати, в свою очередь, была для либералов немислима без свободы собраний и корреспонденции. И, наконец, все свободы, отмечали либеральные теоретики, оказались бы иллюзией без реализации принципа неприкосновенности личности. Отсюда их утверждение о том, что неприкосновенность личности по значимости необходимо поставить на первое ме-

---

¹ Винавер М.М. Недавнее. Воспоминания и характеристики. Париж, 1926. С. 155.

² Ковалевский М.М. Политическая программа нового союза // Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906-1916 гг. Документы и материалы. М., 2002. С. 38.

³ Гессен С.И. Политическая свобода и социализм // Гессен С.И. Избранное. М., 2010. С. 535.

⁴ Там же.

сто среди прочих личных прав¹. К вышеперечисленным свободам, отмечал С. Гессен, английские мыслители (Дж. Локк, А. Смит, И. Бентам) добавили свободу собственности, передвижения и труда; и к концу XVIII в. этими свободами исчерпывался перечень субъективных прав, получивших законодательное закрепление в Декларации прав человека и гражданина².

Однако на протяжении XIX в. произошло дальнейшее расширение прав, способствующих самоопределению личности, причем процесс этот имел количественную и качественную составляющие. Первая состояла в дополнении перечня личных прав и свобод, прежде всего, социально-экономическими правами, которые российские мыслители именовали «правом на достойное существование» (право на образование, социальное обеспечение и т.п.).

Вторая тенденция развития системы гражданских прав виделась неолибералам в расширении рамок прав, уже получивших законодательное оформление. Яркой иллюстрацией этого процесса была демократизация избирательного права, которой либералы придавали особое значение, видя в избирательном праве институт, способствующий воспитанию гражданина, сознающего свою связь с общим государственным делом³. Участие в выборах было для либеральных идеологов необходимой формой жизни людей в гражданском обществе.

Процесс развития системы субъективных прав либералы считали перманентной составляющей общественного прогресса, предвещая, что «усложняющаяся человеческая жизнь выдвинет в будущем новые свободы, которые будут признаны такими же неотъемлемыми правами человека»⁴.

Постепенное расширение границ прав и свобод личности составляло для либеральных мыслителей суть процесса формирования и развития гражданского общества, ибо таким образом индивиды обретали все больше возможностей для самоопределения и самореализации. Причем идеологи нового либерализма подчеркивали важную роль государства в этом процессе. «Общество (*гражданское* – В.В.), – писал В. Гессен, – возникает и развивается, жи-

---

¹ Кистяковский Б.А. Государственное право: общее и русское. Лекции, читанные в Московском коммерческом институте в 1908/1909 гг. М., 1908. С. 322.

² Гессен С.И. Указ. соч. С. 536.

³ Шершеневич Г.Ф. Народные представители. Казань, 1905. С. 15.

⁴ Гессен С.И. Указ. соч. С. 539.

вет и умирает в той искусственной сфере, которая создается государством, его устройством, его законами, его управлением», «внегосударственное общество точно такая же фикция, как внегосударственный индивид»¹. Отсюда государство могло либо способствовать, либо препятствовать становлению и развитию гражданского общества. В плане последнего особое значение имело не просто признание, но реальная гарантия верховенства прав личности, условием которой, в свою очередь, было верховенство права. Для действия на общественно-политическом поприще, подчеркивал Лазаревский, граждане должны иметь сознание неприкосновенности своих прав².

Однако либералы отмечали, что сколь бы ни были значительны правовые усилия государства по формированию гражданского общества, последнее все же не создается по воле власти; наделение индивида гражданскими правами еще не делает его гражданином: оно только создает условия для проявления гражданской активности. Должны произойти изменения в общественном сознании, должен сформироваться гражданин – носитель идеологии прав личности, занимающий активную общественную позицию, который, в свою очередь, будет воздействовать на государство с целью расширения возможностей для самореализации.

Таким образом, в становлении и развитии гражданского общества, по мнению либералов, взаимодействуют две составляющие: государство, посредством права создающее формально-юридические основания, способствующие институционализации структур гражданского общества, и субъективный фактор в виде политической и правовой культуры, выступающей одновременно и индикатором развитости гражданского общества.

Либеральные мыслители отмечали длительность и сложность процесса трансформации традиционного общества в гражданское, его зависимость от целого ряда факторов: специфики государственно-правового развития и социальной структуры, системы образования и т.д. «Трудно думать, – писал Ковалевский, – что веками созданные привычки правительственной опеки и пристрастие по крайней мере некоторых слоев населения к историческому про-

---

¹ Гессен В.М. Указ. соч. С. 632.

² Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т. 1. Конституционное право. СПб., 1908. С. 13.

шлому могли быть искоренены сразу, хотя бы и революционным путем. Прошлое дает себя знать и в своеобразной организации партий и в большем или меньшем значении, какое сохраняет в обществе – где дворянство, где чиновничество и войско, а где нередко и все эти более или менее корпоративные организации. Прошлым обуславливается и степень проведения в местную жизнь начала общественной самодеятельности, а соответственно и сумма влияния и власти, удерживаемая бюрократией»¹. Данное высказывание свидетельствует о том, что российские либералы осознавали, что гражданское общество может выступать в различных национальных формах, с разной степенью зрелости. Вместе с тем, они всячески подчеркивали универсальность данного феномена его имманентность общественному прогрессу.

Анализ представлений идеологов российского либерализма начала XX в. о генезисе гражданского общества показывает, что в структуре данного феномена для них базовым элементом выступал гражданин, неотъемлемым качеством которого было стремление к общественной деятельности, под которой подразумевалась любая деятельность, приносящая обществу пользу, содействующая духовному, политическому, социально-экономическому прогрессу. Следует отметить, что важнейшим условием формирования такого гражданина либералы считали частную собственность, ибо она пробуждает хозяйственную предприимчивость и личную инициативу, дает человеку чувство уверенности, собственного достоинства, тем самым, возвращая чувство гражданской самостоятельности. «Собственность – есть материальное поприще личности, основа личного хозяйственного и вообще культурного творчества, как бы продолжение личности в вещах», – писал С. Гессен².

В качестве средства для реализации присущей индивидам потенции общественной деятельности и элемента гражданского общества либералы рассматривали общественные организации, движения, союзы – добровольные, самоуправляющиеся и надлежащим образом оформленные объединения, занимавшиеся совершенствованием различных сфер жизни. «Для произведения социально-

---

¹ Ковалевский М.М. Общее конституционное право. СПб., 1908. С. 23.

² Гессен С.И. Проблемы правового социализма // Гессен С.И. Избранное. М., 2010. С. 84.

го результата необходима комбинация индивидуальных сил», – писал Новгородцев¹.

Развивая эту мысль, С. Гессен представлял гражданское общество как некую совокупность союзов, которые «все более консолидируются в устойчивые организмы, которые, подобно отдельным лицам, имеют свою традицию, свою отличную от входящих в них лиц волю, свое определенное значение в обществе, или свою объективную функцию»². По убеждению либерала, эти союзы-общности – носители «некоторой сверхличной задачи-идеи» – по сути являются коллективными личностями, поэтому, как и отдельные индивиды, они могут «требовать своей правовой охраны, ...нуждаться в собственности, как в материальном поприще своей деятельности»³. Идея правовой регламентации функционирования союзов, как в плане защиты их прав, так и в отношении пресечения их деятельности, несовместимой с принципами свободы личности, общего блага, стала одним из теоретических достижений нового российского либерализма.

Как особую разновидность союзов либералы рассматривали политические партии, включая их в число институтов гражданского общества, действующих в специфической сфере – сфере политического участия. По мнению идеологов отечественного либерализма, политические партии – «необходимое условие и признак здоровой политической жизни народа», механизм, обеспечивающий возможность различным общественным силам открыто отстаивать свои взгляды, вводящий политическую борьбу в цивилизованное русло⁴.

В структуру гражданского общества либералы включали также церковь при условии отделения ее от государства.

В либеральной теории гражданского общества важная роль отводилось местному самоуправлению. Лазаревский утверждал, что обращение к обществу за содействием в вопросах государственного управления делает власть более открытой, вынуждает ее «прислушиваться к голосу общественного мнения..., печати..., прибегать к гласности как к необходимой гарантии законности и целесо-

---

¹ Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания. М., 1909. С. 133.

² Гессен С.И. Указ. соч. С. 103.

³ Там же. С. 104.

⁴ Цит. по: Селезнева Л.В. Западная демократия глазами российских либералов начала XX века. Ростов-на-Дону, 1995.С. 147.

образности управления»¹. Не проходит оно бесследно и для общества, способствуя развитию самосознания, росту заинтересованности граждан «в увеличении свобод»².

Российские либералы начала XX в. были сторонниками государственной теории самоуправления, согласно которой органы самоуправления реализуют государственные интересы на местах, а, значит, решение местных задач должно соответствовать государственным интересам в целом³. Необходимым условием эффективности органов самоуправления как элементов гражданского общества неолибералы считали их самостоятельность. Лишенный инициативы, орган местного самоуправления превращается в разновидность чиновничьего присутствия, отмечал В. Гессен, самоуправление без независимости, не живой организм, а автомат⁴. Отсюда позиция центральной власти по отношению к органам местного самоуправления должна заключаться не в том, чтобы распоряжаться ими и повелевать, а в надзоре за законностью их действий.

Важнейшим способом артикуляции гражданским обществом своих интересов, инструментом его влияния на государство идеологи либерализма считали общественное мнение. Только общественное мнение, указывал Новгородцев, есть, с одной стороны, сила, способная заставить власть имущих вести действенный диалог с обществом, а, с другой, необходимое условие их сотрудничества, ведь для проведения политического курса на разрешение насущных общественных проблем власть, по меньшей мере, должна их ясно слышать. Однако высокая оценка значимости общественного мнения не помешала либералам увидеть сложность и неоднозначность данного феномена, проявляющуюся, прежде всего, в таких его характеристиках как неустойчивость, неопределенность, отсутствие целостности восприятия политических проблем⁵.

К основным легальным формам выражения общественного мнения либералы относили прессу, а при усиленной цензуре и литературу в целом, референдум, парламентские выборы и само

---

¹ Лазаревский Н.И. Бюрократия и общество // Право. 1905. № 4. Стб. 206-207, 209, 213-214.

² Котляревский С.А. Власть и право. Проблема правового государства. М., 1915. С. 410.

³ Гессен В.М. Губернатор как орган надзора // Гессен В.М. Вопросы местного самоуправления. СПб., 1904. С. 123.

⁴ Там же. С. 32.

⁵ Новгородцев П.И. Указ. соч. С. 126-128.

народное представительство, причем последнее рассматривалось как орган кристаллизации общественного мнения из совокупности разнородных и часто противоречивых интересов различных социальных групп.

На основе проведенного анализа взглядов неолибералов на генезис и структуру гражданского общества представляется возможным сконструировать определение данной дефиниции. Идеологами нового либерализма гражданское общество воспринималось как совокупность организованных субъектов, складывавшаяся из деятельности отдельных индивидов, обладающих гражданскими правами и свободами, а также из взаимодействия организованных групп, объединений, учреждений, органов местного самоуправления и других общественных формирований.

Гражданское общество в российской либеральной мысли начала XX в. – это исторический тип социальной общности, динамично изменяющийся в направлении предоставления личности все более широких возможностей для самореализации, условием чего являлось непрерывное приращение субъективных прав и свобод.

В либеральной теории гражданское общество выступало в качестве самостоятельного, но тесно связанного с правовым государством института. По убеждению либеральных теоретиков, логика политического развития Нового времени состояла в параллельном переходе от сословного общества к гражданскому и от абсолютизма к правовому государству. Без зрелого гражданского общества невозможно построение правового демократического государства, поскольку именно сознательные свободные граждане способны создавать наиболее рациональные формы человеческого общежития. Если гражданское общество выступает прочным опосредующим звеном между свободным индивидом и централизованной государственной волей, то государство призвано обеспечивать условия для реализации прав и свобод автономной личности.

При этом отечественные мыслители начала XX в. могут быть причислены скорее к сторонникам этатистской модели взаимосвязи государства и гражданского общества, разработанной в Германии в XIX в. и основанной на идее особой роли государства, когда государственная власть определяет способ и порядок обеспечения каждого человека гражданскими правами и свободами.

Осмыслением феномена гражданского общества неолибералы существенно обогатили российскую общественно-политическую мысль. Помимо того, теоретические изыскания либералов по данной проблеме стали научным фундаментом для разработки механизмов формирования гражданского общества в России, выступавшего в качестве важной составляющей либеральной модели переустройства страны.

И.В. Желтикова (Орел)

МЕСТО ЛИБЕРАЛЬНОЙ ИДЕИ В ОБРАЗЕ БУДУЩЕГО РОССИИ XIX ВЕКА

Привлекательность той или иной социальной идеи в общественных умонастроениях может быть определена тем, насколько активно она оказывается задействованной в образе будущего этого общества. Конкретизированное выражение социальных ожиданий, отражающее отношение к будущему в данном обществе, и есть этот образ: надежды, страхи, безразличие, запечатленные в наглядных картинах. Если социальные ожидания слагаются из сложного комплекса политических, экономических, экологических прогнозов, по природе своей рефлексивных, то образ будущего можно представить как целостную картину, формирующуюся в общественном сознании не только путем рефлексии, но и интуиции, эмоционально окрашенных переживаний. Можно заметить, что между социальными ожиданиями и их конкретизацией в общественном сознании существует определенная диспропорция, так же как практически не коррелированы оказываются социальные ожидания и реальное будущее конкретного общества. Эмоциональное отношение и чувства, вызываемые будущим, зависят скорее от его образа, нежели от научных прогнозов и целенаправленных действий, призванных в будущем добиться реальных изменений в отдельных областях жизни социума.

Например, если мы обратимся к одному из устойчивых образов будущего, функционировавших в России на протяжении XIX в., – к идее Всеславянского союза, то мы увидим, что идея протекционист-

ской политики России по отношению к славянским народам, будучи крайне популярной в консервативных, патриотических кругах, в то же время была очень мало связана с реальными планами и действиями правительства. Показателен в этом плане пример М.П. Погодина, который одним из первых заговорил о будущем славянском величии во главе с Россией. Путешествуя по Балканам и юго-западу Европы, и впечатленный отношением к России «братских славян», он неоднократно письменно обращался на высочайшее имя с призывами поддержать, даже не столько в военном, сколько в культурном плане единоверцев. Ответом на это было недвусмысленное пожелание впредь оставить данную тему. Таким образом, Всеславянский союз становится предметом надежд и патриотического подъема не в последнюю очередь благодаря привлекательности того образа будущего, который создается в печати Погодиным, Ф.М. Достоевским, Н.Я. Данилевским, К.Н. Леонтьевым и др.

Основной чертой будущего России в этом образе выступает политическая мощь империи, расширяющейся за счет балканских территорий. Адепты этого будущего в качестве желательных событий ожидали усиление конфронтации со странами Западной Европы вплоть до военных столкновений. «Для пробуждения национального самосознания славян необходима борьба славянства с Западом, необходим "Всеславянский союз" во главе не с Петербургом или Москвой, а с вырванным из рук турок Константинополем, "Царьградом"...», – писал Данилевский. – Обладание им означало бы вступление России в свое историческое наследие, она стала бы восстановительницей Византии и начала бы новую Славянскую эру Всемирной истории»¹. С другой стороны, этот образ будущего включал в себя и картины культурного подъема объединенного Славянского государства. Вот как описывает это Данилевский: «Будущий славянский тип являет задатки первого в истории четырехосновного культурно-исторического типа. Четырехосновность включает в себе синтезис всех сторон культурной деятельности: религиозной, культурной, политической и общественно-экономической, – которые до этого разрабатывались его предшественниками на историческом поприще в отдельности или в весьма неплотном соединении»². Для нас здесь важно подчеркнуть, что

---

¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 107.

² Там же. С. 508.

картина будущего, складывающаяся в конкретной историко-культурной ситуации, свидетельствует о характерном для данного общества восприятии временной перспективы, о том, как социум видит себя в будущем.

Когда в образе будущего находит позитивное отражение некая идея, как это было с идеей славянского объединения, это свидетельствует, в первую очередь, об ее актуальности, включенности в иерархию ценностей данного общества. Образ будущего, активно использующий определенную социальную доктрину, доказывает ее востребованность социумом, свидетельствует о том, что она соответствует определенным тенденциям его развития. Не менее важно и то, что идея, нашедшая образную конкретизацию, стимулирует субъективную готовность к деятельности по ее реализации. Найдя зримое воплощение в образе будущего, она становится более понятной и потому обладает несравненно большей субъективной значимостью для членов социума. В этом случае можно говорить о том, что абстрактная идея превращается в зримо очерченный, наполненный жизненными чертами социальный идеал. Такая, соотнесенная с будущим идея занимает в жизни общества значительно более важное место, нежели абстрактный идеал или идеализация прошлого.

В этой статье мы попытаемся определить то, насколько либеральная идея, так же не менее известная в русском обществе, в течении XIX в. имела отражение в образе будущего России. Нам представляется, что подобный анализ общественно-политических установок позволяет объективно оценить их значимость. Либерализм как общественный феномен находит свое практическое выражение в политических действиях и проектах, но так же и в системе определенных идей, мировоззренческих установок, философских постулатов, выступающих теоретической основой конкретных социальных актов. Говоря здесь о либеральной идее, мы понимаем ее в самом широком смысле, как признание безусловной ценности конкретной человеческой личности и свободы всех возможных форм ее самореализации. Утверждение частной собственности, свободы экономической деятельности, равенства всех перед законом, политические права – все эти философские, экономические, политические аспекты либерализма являются по существу развитием основ-

ного тезиса о приоритете прав, интересов и свобод каждой личности над целями государства, общества или сообщества.

Основная линия исследования русского либерализма, представленная главным образом историками и политологами, располагается в плоскости анализа экономической, гражданско-правовой и юридической политики. Особое внимание исследователи уделяют двум аспектам – истории земского движения и формированию в стране многопартийной системы на рубеже XIX – XX вв. Изучение развития либеральной идеи в России в качестве самостоятельной философской, мировоззренческой установки на этом фоне составляет скорее исключение¹. Что представляется далеко не случайным. Такое положение, видимо, вытекает из самой специфики генезиса и формирования либеральной доктрины и политики в России. В.В. Шелохаев, анализируя этот процесс, отмечал исходную чужеродность либеральной идеи социальному строю России, где ее возникновение не является следствием саморефлексии формирующегося гражданского общества, а является пример заимствования с Запада и пересадки «сверху» либеральных ценностей, с надеждой на медленную адаптацию к ним общества². В этой ситуации развитие либерализма в России представляет собой процесс принятия и претворения в жизнь исходно заимствованных постулатов, а не осмысления и разработки собственно мировоззренческой составляющей либеральной доктрины.

Многие исследователи связывают появление либеральной идеи в России с деятельностью Екатерины II, чья «Жалованная грамота дворянству» рассматривается как первый шаг к утверждению гражданских свобод³. Отдельно останавливаясь на значимости этого начинания Екатерины, В.В. Леонтович пишет: «...законодательство Екатерины ставило себе целью признание и обеспечение гражданских свобод, создание в России гражданского

---

¹ Показательными в этом плане можно считать работы: Либерализм в России: Сб. ст. М., 1996; Приленский В.И. Опыт исследования мировоззрения ранних русских либералов. М., 1994; Осипов И.Д. Философия русского либерализма (XIX-начало XX вв.). СПб., 1996; Шелохаев В.В. Русский либерализм как историографическая и историко-философская проблема // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы: Материалы международной научной конференции. М., 1999; Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Идеи истоки русского либерализма // Общественные науки и современность. 1993. № 3.

² Шелохаев В.В. Указ. соч. С. 23-24.

³ См. напр.: Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Указ. соч. С. 126.

строю, и при этом, сначала, почти исключительно в отношении дворянства. Однако это не дает нам права отрицать либеральный характер законодательства Екатерины, а, следовательно, и ее мировоззрения, лежащего в основе законодательства»¹. Рассматривая политические преобразования Екатерины в качестве первой адаптации либеральной идеи к российским реалиям, мы согласны с Леонтовичем, И.Н Сиземской, Л.И. Новиковой, В.И. Приленским, относительно того, что отсчет отечественному теоретизированию по поводу либеральной идеи, следует вести с середины XIX в. «Либеральные идеи находят свое наиболее адекватное выражение именно у Кавелина, Соловьева и Чичерина, т.е. основных деятелей так называемой государственной школы в русской историографии, – отмечал Приленский. – В рамках тех построений, которые характерны для этой "школы", главной, сквозной темой является рассмотрение проблемы "государство – личность". Выделение личностного начала в истории, уделение ему особого внимания, анализ типов государственных отношений на Западе и в России – все это так или иначе содействовало более глубокому проникновению в ту проблематику, которая изначально присуща либерализму как образу мыслей»².

Для анализа специфики функционирования либеральной идеи в отношении ее к образу будущего России наиболее показательным нам представляется творчество Бориса Николаевича Чичерина, которого большинство исследователей считают типичным представителем русского либерализма XIX в.³ Исследовательские интересы Чичерина сосредоточены в области философии права и связанными с нею вопросами политического и социального статуса личности. В творческом наследии Чичерина значительное место занимают работы, посвященные анализу экономического, внутривнутриполитического, правового положения современной ему России, и разработке вариантов либерализации этих областей жизни. Если, соглашаясь с Приленским, признать, что корни либерализма лежат в «понимании той громадной роли, которую играет в жизни общества право и в осознании необходимости такого совершенствования правовых от-

---

¹ Леонтович В.В. История либерализма в России. 1862-1914. М., 1995. С. 39-40.

² Приленский В.И. Указ. соч. С. 27-28.

³ См. напр.: Валицкий А. Нравственность и право в теориях русских либералов начала XX в. // Вопросы философии. 1991. № 8. С. 30-38; Приленский В.И. Указ. соч.; Леонтович В.В. Указ. соч. и др.

ношений, при котором, с одной стороны, сохраняется свобода выражения индивидуума, а, с другой, создаются условия для осуществления общественных целей и идеалов»¹, то проясняется почему есть основание считать, вслед за Леонтовичем, Чичерина «виднейшим теоретиком русского либерализма»².

Теоретизирование Чичерина направлено главным образом на разработку конкретных мер, необходимых и возможных, с точки зрения текущей общественно-политической ситуации, для эволюции российского общества в сторону либерализма. В работах мыслителя отчетливо просматривается особенность отечественной либеральной мысли, которую мы отмечали выше. Опираясь на теоретические разработки западных либералов, Чичерин ставит себе цель максимально успешно адаптировать их к условиям российской жизни. В этом плане труды философа являются логическим продолжением дела практического и идейного «привития» либерализма русскому обществу ранних русских либералов от М.М. Сперанского до Т.Н. Грановского. При этом Чичерина, как и его предшественников, отличает отсутствие обращения к сколько-нибудь отдаленной перспективе в развитии либерализма в России. Размышляя о необходимых этапах либерализации, он не обозначает конкретной цели этих преобразований, не дает даже отдельных намеков на то, что ранее мы обозначили как образ будущего.

Будучи абсолютно предан либеральным ценностям – гражданским свободам, частной собственности, свободе предпринимательства, разделению властей и равенству всех пред законом, Чичерин в то же время нигде не пытался логически обосновать свои убеждения. Возможно именно потому, что считал их самоочевидными. «Свобода – лучший дар, данный в удел человеку, она возвышает его над остальным творением, она делает из него существо разумное, она полагает на него нравственную печать, – читаем мы в «Различных видах либерализма» – одной из статей Чичерина, посвященной анализу типов либеральных позиций. – Свобода совести, свобода мысли, вот тот жертвенник, на котором неугасимо пылает присущий человеку божественный огонь, вот источник всякой духовной силы, всякого жизненного движения, всякого разумного устройства, вот что дает человеку значение бесконечное. Все до-

---

¹ Приленский В.И. Указ. соч. С. 30.

² Леонтович В.В. Указ. соч.

стоинство человека основано на свободе, на ней зиждутся права человеческой личности. Как свободное существо, человек гордо поднимает голову и требует к себе уважения. Вот почему, как бы низко он ни упал, в нем никогда не изглаживаются человеческие черты, нравственный закон не позволяет смотреть на него с точки зрения пользы или вреда, которые он приносит другим»¹.

Свобода для Чичерина выступает сверхценностью, не требующей обоснования. Наоборот, сама эта идея является основанием моделирования оптимальных отношений в социуме. Совершенно в традициях западной просветительской мысли Чичерин относится к свободе как к универсальному идеалу, абстрактной идее, которая не может, и не должна быть понята только как экзистенциальное состояние человека или характеристика социального бытия, или отождествлена с любым своим конкретным проявлением (свободой слова, свободой совести либо другой политической свободой). Возможно, именно в силу такой абстрактности в восприятии идеи свободы, Чичерин в своем творчестве уделял основное внимание не логическому обоснованию необходимости претворения в жизнь этого идеала, а тем конкретным мероприятиям, которые позволили бы сделать реальные шаги по либерализации внутренней политики России.

Однако даже с этой позиции вызывает удивление принципиальный отказ Чичерина обозначить сколько-нибудь зримо тот социальный идеал, защитником которого он себя позиционирует. В статьях мыслителя не только не поднимается вопрос о конкретных формах общества, воплотившего в себе идеал свободы, он однозначно высказывается о принципиальной вредности подобных размышлений. С его позиции, любые попытки описания «светлого будущего» являются опасным прожектерством, уводящим человека от общественно-полезных дел. В пылу полемики 1856 г. с А.И. Герценом, которого Чичерин вполне обоснованно подозревает в склонности к социальному утопизму, мыслитель восклицает: «Мы думаем о том, как бы освободить крестьян без потрясений всего общественного организма, мы мечтаем о введении свободы совести в государстве, об отменении или по крайней мере об ослаблении цензуры. А вы нам толкуете о мечтательных основах социальных обществ, которые едва ли через сотни лет найдут себе прило-

---

¹ Чичерин Б.Н. Различные виды либерализма // Либерализм в России. С. 23.

жение, в настоящее же время не имеют для нас решительно никакого практического интереса»¹.

В работах Чичерина можно встретить подробный анализ текущей жизни России, нередко и обращение к прошлому, но вот взгляд в будущее, хотя бы даже в виде конкретизации конечной цели текущих преобразований, красноречиво отсутствует. У Чичерина мы находим интересное сочетание программы внутривнутриполитических реформ с неизменным игнорированием описания того состояния, которое должно приобрести общество в их результате. Упор на средства, при неопределенности цели, характерен для размышлений Чичерина: «Но, вступая на неизведанный еще путь, мы должны сказать себе, что нам предстоит не радостная перспектива свободного и мирного развития, – уверяет Чичерин своих читателей, – а новый, тяжелый труд, который поглотит лучшие силы России. Мы должны будем вести упорную борьбу не с внешними врагами, а с самими собою, с невежеством, с дикими понятиями, разлитыми в обществе, с укоренившимися веками раболепством, с одной стороны, с легкомысленным либерализмом – с другой. Но этот труд не пропадет даром, он один может поднять Россию на ту высоту, которая подобаает ее истории, ее внешнему положению и той нравственной силе, которая таится в недрах народного духа»². Характерно, что автор здесь нарочито избегает определенности в разговоре о будущем – ни «радостная перспектива свободного и мирного развития», ни «упорная борьба с самими собою» не раскрывают нам того, как именно видится либеральное будущее Чичерину.

Единственные «прожекты», которые сам себе позволяет Чичерин, лежат в плоскости «полезных приобретений» ближайшего будущего. Здесь мыслитель настаивает на необходимости формирования в России «народного представительства» как совещательного органа при функционирующей власти, способствующего развитию в стране «политической жизни». В статье 1881г. «Задачи нового царствования» Чичерин пишет: «Политическая свобода может быть отдаленным идеалом русского человека; насущная потребность заключается единственно в установлении живой связи между правительством и обществом для совокупного отпора разлагающим

---

¹ Кавелин К.Д., Чичерин Б.Н. Письмо к издателю // Либерализм в России. С. 27.

² Чичерин Б.Н. Конституционный вопрос в России // URL: http://old-liberal.by.ru/source/c_kv.html.

элементам и для внесения порядка в русскую землю. Эта цель может быть достигнута приобщением выборных от дворянства и земства к Государственному совету»¹. В другой своей статье автор замечает: «Единственное, о чем позволительно у нас мечтать, это приобщение к ней [политической жизни – Ж.И.] народного представительства, облеченного действительными, а не мнимыми правами. Такова цель, которую должен иметь в виду всякий просвещенный русский человек, когда он обращается к будущему своего отечества»². Снова обратим внимание на то, что Чичерин, говоря о необходимых действиях, обходит стороной вопрос, что из этого должно получиться.

Нам представляется, что Чичерин вполне осознанно дистанцируется от разработки конечной цели либеральных преобразований. Вопрос в том, почему он это делает? В совместном с Кавелиным «Письме к издателю» Чичерин замечает: «Люди XIX века не довольствуются уже общими фразами и безотчетными верованиями. С неба они сошли на землю; от метафизики они перешли к изучению явлений; от социальных утопий к практическому приложению мысли к жизни, не путем отрицания, а путем постепенного развития»³. Означает ли такая антиметафизическая позиция автора, что он не может представить себе убедительный образ будущего? Или напротив, старается избежать упрощенно-лубочной картины социального идеала? Мы думаем, что ответ на этот вопрос заключается в самом существовании либеральной идеи на русской почве.

Большинство теоретиков либерализма согласны в оценке этой доктрины как непопулистской. Сама по себе либеральная идея обычно теоретична, сложна для восприятия широкими массами. Отстаивание либеральной позиции в политической плоскости встречает сложности в любом обществе. Так О.Д. Волкогонова справедливо замечает, что «либерализм – это принципиально антипопулистская идеология, основанная на индивидуализме. Для него не характерно выдвижение неких конкретных привлекательных моделей, требующих немедленного переустройства общества, он не может пропагандировать вмешательство власти для решения

---

¹ Чичерин Б.Н. Задачи нового царствования // Тайный правитель России К.П. Победоносцев и его корреспонденты: письма и записки. М., 2001. С. 65.

² Чичерин Б.Н. Конституционный вопрос в России // URL: http://old-liberal.by.ru/source/c_kv.html.

³ Кавелин К.Д., Чичерин Б.Н. Письмо к издателю // Либерализм в России. С. 31.

тех или иных социальных проблем, "усиление властной вертикали" для него неприемлемо»¹. Утверждение либеральной идеи в обществе осложняется и ограниченностью либерализма в методах, ведь «либерализм должен действовать с чрезвычайной осторожностью даже тогда, когда он приступает к устранению тех институтов административного строя, которые представляются ему излишними или даже вредными» – как верно отмечает Леонтович².

Существование либерализма на политическом поле России, кроме этих общих трудностей, осложнялось еще и тем, что инкультурация либеральной идеи в социально-культурный контекст так до конца и не произошла. Имея своих приверженцев, либерализм не смог стать, по крайней мере, в XIX в., социальным идеалом даже для небольшой группы своих сторонников, не стал мечтой, образ которой виделся бы целью всех сегодняшних реформ и устремлений.

Нельзя согласиться с тем, что теоретичность либеральной идеи вовсе исключает возможность рассматривать ее в качестве социального идеала. Ричард Рорти предлагает, например, такой образ либеральной утопии, «ясный образ особого космополитического человеческого будущего», образ всепланетной демократии: «Общества, где пытки или закрытие университета или газеты на другом конце мира будет вызывать тот же гнев, как если бы это случилось на родине. Этот будущий космополис может в неполитическом плане быть не менее культурно многообразным и гетерогенным. Но в этом утопическом будущем культурные традиции перестают влиять на политические решения. В политике будет лишь одна традиция: предотвращение попыток богатых и сильных воспользоваться преимуществами перед бедными и слабыми. Культурной традиции никогда не будет позволено нарушить Принцип Различия Роулса – никогда не позволено оправдать неравенство возможностей»³.

Задавшись целью определить, насколько либеральная идея входила в целостную картину ожидания будущего в России XIX в., мы вынуждены констатировать отсутствие связи ее с каким-либо образом будущего. Соглашаясь с Шелохаевым в том, «что русский либерализм представляет собой особый тип либерализма, зани-

---

¹ Волкогонова О.Д. Либерализм и консерватизм в России: мегаполитические размышления // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2001. № 5. С. 36-37.

² Леонтович В.В. Указ. соч. С. 21.

³ Рорти Р. Философия и будущее // Вопросы философии. 1994. № 6. С. 33.

мающий в «общей семье либерализма» свое собственное место»¹, следует признать, что особенность этого места вытекает из соединения двух плохо сочетающихся друг с другом установок. Русские либералы XIX в. пытались, с одной стороны, приложить к развитию страны разработанные в других социальных условиях модели, с другой же, адаптировав эти модели, создать национальную модель либерализма. Примером может служить монархический либерализм Чичерина. Одним из показателей невозможности такого пути является неспособность создать убедительный образ либерального будущего России.

С.С. Секиринский (Москва)

ЛИБЕРАЛИЗМ В ЗЕРКАЛЕ ОХРАНИТЕЛЬНОГО СОЗНАНИЯ: РУССКИЕ «ЛИБРПАНСЁРЫ» И «ПОЛЬСКАЯ ИНТРИГА»²

Весной 1885 г. в российской печати раздалась протесты по поводу решения правительства Германии о высылке из этой страны 30 тыс. «русских поданных»-поляков, которые обосновались за последние десять лет на землях Восточной Пруссии.

С обширным комментарием на эту тему выступил редактор-издатель «Московских ведомостей» М.Н. Катков. Вопрошая своих читателей по поводу того, откуда взялись инициаторы этих протестов, он сразу же давал свой ответ: «Вы думаете это какие-нибудь польские паны или католические клерикалы? Нисколько, это люди по имени русские, по национальности космополиты, по исповеданию *либрпансёры*³, по существу устаревшие филистеры бессмысленного доктринерства, до сих пор ничего не забывшие и ничему не научившиеся»⁴.

Конечно, вопрос, заданный Катковым с большой долей сарказма, носил риторический характер, поскольку ответ на него был хорошо известен постоянным читателям его газеты. В «Московских

¹ Шелухаев В.В. Указ. соч. С. 33.

² Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 08-01-00222а.

³ От *libre penseur* (*фр.*) – свободомыслящий, вольнодумец, неверующий.

⁴ Катков М.Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей» [В 25 т.] М., 1897-1898. (Далее: Собрание...) 1885. № 132. 14 мая. С. 228.

ведомостях» давно и упорно проводилась мысль о прямой или косвенной обусловленности действий всего спектра русских оппозиционных сил, либералов далеко не в последнюю очередь, польскими политическими интересами, «польской справой».

Но, отзываясь уже на исходе своей карьеры политического публициста о русских либералах как «устаревших филистерах бессмысленного доктринерства, до сих пор ничего не забывших и ничему не научившихся», Катков невольно отсылал памятливых читателей его изданий к «Русскому вестнику» рубежа 1850–1860-х гг. В обзорах и статьях того времени этот журнал уделял немало места критике французских либеральных «доктринеров» периода Июльской монархии (1830-1848 гг.), неудачно пытавшихся пересадить на свою национальную почву английские конституционные порядки. Только критика эта была совсем иного характера. В ней сквозило сочувствие к намерениям Ф. Гизо и его сторонников, искреннее стремление разобраться в причинах недолгого торжества «разумной и законной свободы» во Франции¹. Чуть позднее, начав полемику с отечественным «нигилизмом», Михаил Никифорович определял его как «отрицательный догматизм» и, в полном согласии с либеральными рецептами, противопоставлял ему «дух исследования и критики, не пренебрегающей ничем и ничего не предсуждающей»². В то же время в тогдашних публикациях «Русского вестника» немало доставалось тем правительствам, которые, упорствуя в своей косности, подобно французским Бурбонам и правившей в Неаполитанском королевстве династии, «ничего не забыли и ничему не научились»³. Если эти крылатые слова и не употреблялись, то подразумевались. Теперь же они были прямо применены Катковым к русским либералам 1880-х гг.

Событием в истории России, которое стало во многом переломным и в эволюции самого Каткова, но из которого не сумели, по его мнению, извлечь уроки русские либералы, был 1863 г., когда разразилось восстание в Польше и западных российских губерниях. Польский «мятеж» в глазах Каткова по-новому осветил не только пред-

---

¹ См., например: Русский вестник. 1858. Июнь. № 1; Октябрь. № 2 и др.

² < Катков М.Н. > О нашем нигилизме по поводу романа Тургенева // Русский вестник. 1862. Июль. С. 409-410.

³ Гусман Л.Ю. В тени «Колокола». Русская либерально-конституционалистская эмиграция и общественное движение в России (1840 – 1860 гг.): СПб., 2004. С. 312 – 314 и др.

шествовавшие ему годы и события русской общественной жизни, но и в особенности все последующее развитие страны. Об «уроках» польского «мятежа» он стал настойчиво вспоминать на рубеже 1870-1880-х гг. в связи с террористической деятельностью русских революционеров-народников, оживлением либеральной оппозиции и попытками политических реформ, связанных с именами министров внутренних дел М.Т. Лорис-Меликова и Н.П. Игнатьева¹.

Как-то в сердцах Катков наиболее емко высказал сделанный им в пореформенное время главный вывод: «Все зло нашей народной жизни, все, что возбуждало более или менее справедливую антипатию к России в европейском мире с тех пор как она заняла в нем положение великой державы, вся наша тьма, все наше угнетение, были последствием того, что в русском государстве действовали силы враждебные русскому народу, что в его недрах гнездились будто чужеядные тела, разные привилегированные политические национальности, и что русское правительство в своей политике принимало характер нерусского»².

В то же время Катков был убежден в том, что «весь настоящий русский народ представляет собою самый здоровый, самый крепкий организм»³, что «“русских элементов” для революции в России» попросту нет⁴. В отличие, например, от Франции, «страны, лишенной прочного верховного начала, коренящегося в глубине народной почвы», у царствующей в России династии не могло быть «прямых и, так сказать, личных врагов». Но поскольку «она управляет историческим движением русского народа, смыкая в себе его прошедшее с будущим», постольку «весьма естественно, что враги русского народа суть также и ее враги»⁵. Получалось, что внутренний враг это только принявший иную личину враг внешний. И Катков не уставал называть этого врага по имени, правда, отмечая один нюанс: «Поляк есть термин этнографический, но также и политический термин. В этнографическом отношении между Русскими и Поляками нет не только антагонизма, но и существенной разницы. Но По-

---

¹ Катков М.Н. Собрание... 1880. № 101. 10 апреля. С. 212; 1881. № 65-А. 5 марта. С. 125; 1882. № 143. 24 мая. С. 258.

² Там же. 1867. № 113. 23 мая. С. 267.

³ Там же. 1864. № 222. 10 октября. С. 629.

⁴ Там же. 1864. № 222. 10 октября. С. 628.

⁵ Там же. 1872. № 27. 29 января. С. 72.

ляк, как термин политический, есть естественный и непримиримый враг России»¹.

Именно в год польского восстания политическая мысль Каткова, вставшего у руля газеты «Московские ведомости», обогатилась идеей, которая стала его *idée fixe*. «Интрига, везде интрига, коварная иезуитская интрига, иезуитская и по своему происхождению, и по своему характеру!»² – в этом емком восклицании уместился новый взгляд Каткова на окружающую действительность, плохо совместимый с тем «исследовательским», «непредосуждающим» подходом, который он сам пропагандировал, выступая против «религии нигилизма».

С точки зрения новообретенного видения, оказалось, что «еще задолго до вооруженного восстания в Польше эта интрига начала свои действия». Ее орудиями «сознательно или бессознательно» стали не только «наши жалкие революционеры» и «всякого рода эманципации». «Она умела вызывать некоторые выгодные ей административные распоряжения; она отлично умела пользоваться крайней анархией в системе нашего народного просвещения; она садилась на школьную скамью, она влезала на учительскую кафедру, и, без сомнения, нередко случалось, что иной либерал-наставник, еще менее зрелый умом, чем его двенадцатилетний воспитанник, проповедуя космополитизм, или безверие, служил чрез десятые руки органом иезуитской интриги и очень определенной национальности, рывшейся под землей и во мраке подкапывавшейся под все корни русской общественной жизни»³.

На протяжении почти четверти века в передовых статьях «Московских ведомостей» эта интрига характеризовалась с помощью палитры эпитетов как «шляхетско-иезуитская»⁴, «польская»⁵; «польско-иезуитская»⁶, «иезуитская»⁷, «русско-польская»⁸, и, наконец, без конкретной привязки – «иностранный»⁹, «европей-

---

¹ Там же. 1867. № 113. 23 мая. С. 267.

² Там же. 1863. № 136. 21 июня. С. 326.

³ Там же.

⁴ Там же. 1863. № 130. 14 июня. С. 306.

⁵ Там же. С. 307; № 221. 11 октября. С. 594 и др.

⁶ Там же. 1863. № 130. 14 июня. С. 307.

⁷ Там же. 1863. № 136. 21 июня. С. 326, 327.

⁸ Там же. 1883. № 37. 5 февраля. С. 68.

⁹ Там же. 1879. № 192-А. 26 июня. С. 381.

ская»¹ или попросту «антирусская»². Приучив своих читателей к определенной смысловой нагрузке слова «интрига», Катков часто обходился и без всяких эпитетов. Постулируя наличие в России начала 1860-х гг. «сети вражеского заговора», которая «охватывала целую страну и имела своих адептов и пособников во всех сферах»³, подчеркивая, что со временем «интрига» не исчезла, а только изменила свой образ действий, что «сила» ее заключается «не в местных элементах и обстоятельствах, а в общем злонамеренном плане»⁴, Катков предпочитал писать об *интриге* в единственном числе, придавая тем самым особую выразительность найденному им слову-образу. «Интрига» становилась под его пером не средством, а субъектом политического действия, очеловеченным, живым лицом, которое, однако, подобно мифическому Протею постоянно меняет свой облик⁵.

Благоприятствующее обстоятельство для начала действий «интриги», «задолго до вооруженного восстания в Польше», Катков в 1863 г. видел в положении самого русского общества, «до сих пор еще не признанного как следует и существующего как будто втайне», в отсутствии в стране общественного мнения, поскольку то, что его подменяло, было, по словам Каткова, лишь «случайным сбродом всяких элементов, преданных на жертву всякому влиянию и всякой интриге»⁶.

Рассуждая отвлеченно, Катков вполне отдавал себе отчет в том, что «когда разыгрывается жизнь, и различные общественные интересы между собою сталкиваются, непременно возникают противоположные направления, которые между собою борются и оспаривают друг у друга и силу, и самое существование»⁷. Но, поставив еще в феврале 1862 г. вопрос, «к какой принадлежим мы партии», Катков не дал на него прямого ответа. Он просто исключил себя и свой журнал из наметившегося в России политического спектра, сославшись на его подвижный и призрачный характер⁸.

---

¹ Там же. 1881. № 65-А. 5 марта. С. 126.

² Там же. 1882. № 143. 24 мая. С. 259.

³ Там же. 1866. М., 1897. № 78. 12 апреля. С. 214.

⁴ Там же. 1865. № 150. 9 июля. С. 418.

⁵ Там же. 1864. № 207. 21 сентября. С. 579.

⁶ Там же. 1863. № 136. 21 июня. С. 326.

⁷ <Катков М.Н.> К какой принадлежим мы партии? // Русский вестник. 1862. Февраль. С. 837.

⁸ Там же. С. 835.

Более того, Катков не стремился примкнуть «не только к этим шутовским партиям, но и к партиям серьезным, если б они когда-нибудь образовались у нас...». Ведь «у всякого своя натура и свое призвание, как у человека, так и у журнала»¹. Проблема, по его мнению, заключалась в том, что «органы противоположных направлений, и по влечению и по долгу, прежде всего заботятся о том, чему служат. В разгаре борьбы, им трудно, а иногда и вовсе невозможно сохранить беспристрастие и свободу суждения. <...> Им более или менее чужд интерес всесторонней оценки, главный интерес разума и знания»². Этот «главный интерес», осознаваемый и формулируемый с позиций «целого общества», а не его разрозненных фракций, представлялся Каткову не столько в качестве *конечного* результата столкновения, взаимодействия, согласования «множества разнородных интересов», сколько в виде «особой силы», конкретных людей и печатных изданий, которые «заботятся не о том, чтобы повернуть по-своему ход дел, но чтобы в каждом положении, в каждую минуту, служить органом независимой и всесторонней оценки»³.

Постулируя саму возможность заведомого существования в обществе некой стоящей «вне всяких партий»⁴ вездесущей экспертной инстанции, Катков, по сути, уже приступал к обоснованию той миссии, которую вскоре возьмут на себя возглавленные им «Московские ведомости».

Стремление просто не замечать становящийся в пореформенные годы феномен русского общества, представляя его разные оттенки, не совпадающие с «цветами» катковских изданий, в качестве орудия интриги и плодов «антинациональной системы воспитания», «непривычки заниматься самыми близкими и дорогими нам вопросами, <...> фальшивого популярничанья, <...> неудовлетворенного самолюбия, наконец, корысти»⁵, прямо вытекало из занятой «Московскими ведомостями» исходной позиции и стало отличительной чертой той разоблачительной кампании, которую вел Катков.

---

¹ Там же. С. 836.

² Там же. С. 837.

³ Там же. С. 837-838.

⁴ Там же. С. 838.

⁵ Р. Один из наших литературно-политических типов // Русский вестник. 1869. Т. 81. Июнь (№ 6). С. 766.

Согласно мнению Михаила Никифоровича, высказанному в апреле 1880 г., русское общество снизу доверху по-настоящему являло свое истинно-монолитное лицо только перед открытыми внешними вызовами в периоды «действия народного духа». Таковых за пореформенное двадцатилетие он насчитывал всего два: во время польского восстания 1863 г. и накануне и в годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг. В этом он усматривал некую закономерность, косвенно давая и свою оценку переживаемому Россией времени: «Когда народный дух действует, обман теряет силу. Наоборот никогда крамола не получает столько силы как в эпохи общественного обмана»¹.

К тому времени он был прочно убежден в том, что «разделение и перемещение власти посредством какой-нибудь конституции», а затем раздробление Российской империи – все это были цепи единого плана, вдохновленного польской интригой². Поэтому, и всякие протоконституционные попытки, и любые отклонения от намеченной Катковым жесткой линии в отношении национальных окраин расценивались им как происки пресловутой «интриги», орудиями которой внутри России объявлялись, прежде всего, органы либеральной печати. Особенно доставалось «Голосу». Иначе как, «официозным органом интриги»³, «органом польской “правды”»⁴; «органом интриги»⁵, газетой, «содержимой специально для интриг»⁶, или даже просто «польской газетой(!)»⁷, Катков это умеренно-либеральное петербургское издание и не называл.

Такой же «чести» за свои примиренческие по отношению к Польше выступления удостоилась и газета «Русский курьер», выпускавшаяся при участии ряда видных московских либералов⁸. Комментируя суждения этого издания, отличавшегося, по его словам, «полною откровенностью <...> в заявлении целей Польской sprawy»⁹, Катков сочетал предельный сарказм, неприкрытое возмущение и банальное доносительство: «Удивительно ли что поль-

---

¹ Катков М.Н. Собрание... 1880. № 101. 10 апреля. С. 212.

² Там же. 1882. № 143. 24 мая. С. 259.

³ Там же. С. 258.

⁴ Там же. 1882. № 213. 2 августа. С. 397.

⁵ Там же. С. 399.

⁶ Там же. 1883. № 4. 3 января. С. 3.

⁷ Там же. 1882. № 213. 2 августа. С. 398, 399.

⁸ Там же. 1882. № 228. 17 августа. С. 427, 428.

⁹ Там же. С. 428.

ская интрига довольна своим московским органом?! Удивляться надо лишь тому, что у нас среди белого дня так открыто может проповедоваться государственная измена»¹.

После отказа правительства Александра III от каких-либо политических реформ и назначения Д.А. Толстого министром внутренних дел, Катков в очередной раз раскрывал «секрет польской sprawy», состоявший, по его убеждению, в той «связи, которая соединяет польскую интригу с интригой нигилистической». Вместе с тем он обращал особое внимание на то, что в этом «заговоре» участвовало и третье заинтересованное лицо, – а именно русский либерализм с его требованием комплекса реформ как альтернативы революционному движению. «Нигилистическое движение должно было представляться возникшим и развивающимся исключительно на почве России, – разъяснял свою мысль Катков. – В этом мнимом органическом его появлении должна была заключаться вся его сила, весь залог на его успех. Нужно было убедить Русское правительство, что требуются какие-то *коренные* реформы для уничтожения нигилизма (а в сущности для того, чтобы дать ему полнейший ход), что нигилизмом заражен весь русский народ и что исцеление от этого недуга заключается единственно в конституционном самоубийстве власти, и вдруг теперь оказывается, что ларчик просто открывается, что нигилизм и польская справа одно и то же, что с уничтожением одной мерзости исчезнет и другая и что для этого уничтожения вовсе не требуется устройство всероссийской говорильни, а только зрячий и последовательный образ действий»².

Само требование «правого порядка», по мнению Каткова, ложно приписывалось русскому обществу либеральной прессой «и избравшей ее своим органом интригой»³.

В январе 1883 г. Катков даже счел необходимым установить более четко степени «зла», проистекающего от «темной злоумышленной интриги враждебной Русскому государству». По его тогдашним словам, «зло главным образом заключается не в нигилизме, а в том что и все русское интеллигентное, или попросту сказать, умеющее читать общество в России находится под постоянным, ежедневным, невозбранным действием того же злоумышленного

---

¹ Там же. С. 429.

² Там же. 1882. № 213. 2 августа. С. 399.

³ Там же. 1883. № 8-Б. 7 января. С. 10.

обмана который держит для своих целей шайку нигилистов»¹.

В основе той конспирологической схемы, которую пытался обосновать Катков, лежало противопоставление, с одной стороны, русской «общественной среды, которая лишена всякой политической организации и поэтому не легко может давать отпор производимым на нее действиям», с другой – «организованной общественной силы или власти», чье вмешательство «прямо или косвенно, сознательно или бессознательно <...> может дать значение всякому безумию, всякой нелепости, всякому ничтожеству»².

По существу, это означало, что собственно идейной полемикой между русским либерализмом и «Московскими ведомостями» дело не ограничивается. Как отмечалось в научной литературе, «любые попытки опровергнуть теорию заговора могут трактоваться ее сторонниками как часть самого заговора»³. В соответствии с подобной логикой, очень скоро объектом атак со стороны «интриги» были провозглашены и сами «Московские ведомости»⁴. Надеясь на «странное совпадение нескольких газет в попытках одинаково исказить один и тот же факт»⁵, Катков подчас выстраивал целую картину действия интриги: «Случается, что вдруг, как бы по данному сигналу, несколько органов печати, не имеющих между собою ничего общего, заговорят в один голос и предложат публике в разных видах одну и ту же выдумку. Как будто отдается какой-то приказ по печати, и газеты, не имеющие между собою ничего общего, бросаются на какой-либо предмет с ругательствами и неправдами. Потом, как будто по миновании надобности, все возвращается в свои пределы, и каждая газета начинает говорить своим природным языком»⁶.

Прямо обвиняя русскую либеральную печать в том, что она издается на «польские деньги», утверждая, что «против очевидности спорить нельзя; факты отнекиванием уничтожить невозможно», Катков ставил в вину уже не только «“прессе”, служащей органом враждебных русскому государству партий», но и всей либеральной

---

¹ Там же. 1883. № 5. 4 января. С. 6.

² Там же. 1865. № 154. 14 июля. С. 432.

³ Энтин Дж. Теории заговоров и конспиративистский менталитет // Новая и новейшая история. 2000. № 1.

⁴ Катков М.Н. Собрание... 1865. № 171. 5 августа. С. 481.

⁵ Там же. С. 487.

⁶ Там же. 1866. № 217. 15 октября. С. 485.

общественности, и процесс Веры Засулич 1878 г., и цареубийство 1881 г., и вызванные новым официальным курсом после воцарения Александра III «протесты против возвращения правительства к жизни». При этом сама либеральная общественность изображалась им весной 1885 г. в узнаваемом свете пресловутой «интриги» – наподобие группы заговорщиков и мистификаторов: «Одна и та же кучка людей, бесстыдно распределивших между собою роли, возглашает в судах, с кафедр, в газетах и журналах, открывает новые издания на место прекратившихся, помогает друг другу взаимными рекламами и, говоря от имени “всего общества”, производит на публику впечатление серьезной и многочисленной “партии”, находящейся теперь “в оппозиции”, но рассчитывающей рано или поздно на торжество своих идей»¹.

Подводя итоги, следует сказать, что перемены, происходившие в социально-политической жизни пореформенной России, часто рассматривались Катковым не как результат общественной заинтересованности в реформах и обратного воздействия проводившихся преобразований на общество, а в качестве следствия внешних влияний: либо тайных, достигаемых посредством инспирируемой извне интриги, либо явных – открытых вызовов, каковыми, по его мнению, были польский «мятеж» 1863 г. или события на Балканах в 1875-1878 гг. При этом выводилась следующая зависимость: если перед тайными происками неорганизованное в политическом смысле русское общество выявляет свою беспомощность, поставляя «интриге» лишь удобные орудия в лице «нигилистов», либералов и прочих разномыслящих с Катковым деятелей в обществе или в официальных сферах, то, наоборот, перед открытыми вызовами все здоровые силы русского общества объединяются, внушая и самой власти решительный образ действий (в 1863 г. курс на подавление «мятежа», в 1877 г. объявление войны Турции).

Этим объяснялась благотворность таких периодов открытого противостояния внешним вызовам сама по себе и необходимость в минуты затишья постоянного разоблачения действий тайной интриги, тех орудий, которыми она пользуется в России².

---

¹ Там же. 1885. № 80. 21 марта. С. 146-147.

² Р. Один из наших литературно-политических типов // Русский вестник. 1869. Т. 81. Июнь (№ 6). С. 764-765.

Взяв на вооружение лозунг расширения гласности – «нам всего опаснее потемки, нам всего полезнее свет», Катков свел его назначение к выявлению не противоречий, имманентных пореформенному обществу, а неких темных сил, действующих на него извне¹. Не стоит удивляться тому, что уже к началу второго пореформенного десятилетия у «Московских ведомостей» сложилась репутация «печатного органа с привилегией будочника, обязанного раскрывать всевозможные интриги и тайны»².

Д.В. Тимофеев (Челябинск)

«ИСТОРИЯ ПОНЯТИЙ» И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЙ В РОССИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Важной составляющей частью исторического процесса, во многом определявшей содержание и направленность развития в экономической и социально-политической сферах, является мировосприятие людей прошлого, комплекс знаний, надежд и тревог, связанных с представлениями о личности и ее роли в обществе, функциях государства и характере его взаимоотношений с гражданами, о целях, условиях и пределах реформирования экономических и социально-политических отношений. Все элементы этого комплекса оказывали непосредственное влияние на процесс формирования общественно-политических настроений и фиксировались в вербальной форме на страницах мемуаров, периодической печати, учебных пособий и научных трактатов, законодательных актов и документах делопроизводства. Вне зависимости от жанра и целевого назначения документа, подобная информация присутствует в тексте и отражена в форме используемых автором социально-политических понятий, таких, например, как «государство», «власть», «закон», «свобода», «рабство», «собственность», «гражданин», «право», «просвещение», «революция» и т.п. Сравнительный анализ различных контекстов их употребления и тех смысло-

---

¹ Катков М.Н. Собрание... 1863. № 174. 9 августа. С. 445.

² Там же. 1871. № 222-Б. 12 октября. С. 671.

вых акцентов, которые сознательно расставлялись авторами, на мой взгляд, может способствовать более точному пониманию исследователями процесса освоения людьми изучаемого времени всего спектра политических и экономических идей без механического причисления одних авторов к «либералам», а других к «консерваторам» или «реакционерам».

К сожалению, многие авторы работ по истории общественно-политической мысли, либо искусственно вычлениют лишь те элементы сложной системы общественных настроений, которые соответствовали «общепринятому» в историографии и, как правило, достаточно абстрактному набору признаков, характерных для какой-либо идеологии, либо пытаются конструировать свое определение и признаки либерализма, консерватизма, социализма и т.п. И в том, и в другом случае происходит упрощение исторической реальности, которая, применительно к истории общественно-политической мысли, представляет собой не только историю либерализма, консерватизма и др. политических идеологий, но чаще всего, процесс взаимовлияния и взаимодополнения различных идей, теорий, концепций, которые современники считали полезными для решения актуальных социально-политических и экономических проблем.

Выход из сложившегося положения, на мой взгляд, возможен в том случае, если произойдет смена исследовательской парадигмы при изучении общественно-политической мысли в целом. Необходимо отказаться от установки на поиск каких-либо универсальных критериев, и, признав пластичность любых политических и экономических идей, их способность адаптироваться к конкретно-исторической среде распространения, исследовать все возможные варианты трактовки этих идей современниками изучаемой эпохи. Основой для частичной реконструкции всего многообразия взглядов и принципов, сосуществовавших в одно время, на мой взгляд, может стать контекстуально-текстологический анализ письменных исторических источников различной видовой принадлежности, целью которого является выявление в тексте важнейших для формирования мировоззрения человека социально-политических понятий, используемых им для описания окружавшей его действительности. В этом случае возможно реконструировать систему представлений, логических и ассоциативных связей, надежд и тревог, имевшихся в сознании создателя документа.

Методологической основой подобных исследований может стать признание тесной взаимосвязи общественного сознания с языковой практикой как в устной, так и в письменной форме. Ориентиром для работы в этом направлении является инструментарий «истории понятий», основоположником которой в немецкой историографии 60–70 гг. XX в. был Р. Козеллек¹. По его мнению, особое внимание следует уделять так называемым «узловым понятиям», т.е. таким, содержание которых формирует новые или корректирует уже сложившиеся представления о месте личности в историческом процессе, сущности и функциях государства, границах свободы гражданина в социуме и др. Такие «узловые понятия» всегда находятся между «областью опыта» и «горизонтом ожиданий», и, следовательно, отражают, с одной стороны, знания о уже существовавших правовых нормах, повседневной практике и результатах определенных действий, а с другой, – надежды или тревоги, связанные с перспективами развития каких-либо общественных процессов.

При исследовании системы значений социально-политических понятий важно помнить, что их оформление всегда сопровождалось осознанием сущностных характеристик определяемого явления и происходило одновременно с изменениями в экономической, социально-политической или духовной сферах². Скорость и масштабы изменений семантических значений всего комплекса ключевых для описания особенностей окружающей индивида социально-политической реальности понятий со временем могли значительно варьироваться. Однако, комплексное изменение языковой картины мира, по мнению Козеллека, происходило только в периоды значительных общественных трансформаций. Одним из таких «перелом-

---

¹ См.: Живов В.М. история понятий, история культуры, история общества //Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени / Под ред. В.М. Живова. М., 2009. С. 5–26; Бёдекер Х.Э. Размышления о методе истории понятий // История понятий, история дискурса, история менталитета: Сб. ст. под. ред. Х.Э. Бёдекера. М., 2010. С. 34–65; Копосов Н.Е. История понятий вчера и сегодня // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX вв. С. 11, 19.

² См.: Тимофеев Д.В. «История понятий» как метод исследования процесса адаптации европейских социально-политических идей в России первой четверти XIX века // Диффузия европейских инноваций в Российской империи: материалы Всероссийской научной конференции, 10–11 ноября 2009 г. Екатеринбург, 2009. С. 44–50; Он же. История общественно-политической мысли России первой четверти XIX в. в зеркале истории понятий: проблемы методологии и практики // Траектория в сегодня: россыпь историко-биографических артефактов (к юбилею проф. И.В. Нарского). Челябинск, 2009. С. 39–47.

ных времен» была вторая половина XVIII–нач. XIX вв. Именно в это время происходило становление современной системы социально-политических понятий в странах Европы и США. Предполагается, что данный процесс сопровождался изменением их темпоральной направленности: до XVIII в. они, как правило, описывали «область опыта» и отражали знание о существовавших структурах, правовых нормах и результатах определенных действий. В XVIII–начале XIX в. началось формирование дополнительных значений уже знакомых, или появление новых слов, которые ориентировали человека в будущее, обозначая так называемый «горизонт ожиданий»¹. Одновременное существование двух «временных горизонтов» обусловило возможность более широкой трактовки и появление противоположных по своему смыслу значений одного и того же понятия. В зависимости от того, насколько точно понятие фиксировало наиболее существенные признаки явления или процесса, и какие негативные или позитивные ассоциации вызывало оно у современников, понятие становилось инструментом для выражения имевшегося социального опыта или возникавших в сознании современников опасений и надежд, связанных с представлениями о возможных изменениях в стране и мире.

Таким образом, изучение истории общественно-политической мысли методами истории понятий поможет более точно определить различные течения и полутона во всегда подвижной системе социально-политических представлений как отдельной личности, так и определенной социальной группы в целом, что позволит, на мой взгляд, лучше понять процесс адаптации различных политических и экономических идей в процессе заимствования из одной культурной среды в другую.

В современной отечественной и зарубежной историографии «истории понятий» можно проследить ряд тенденций. Во-первых, большинство исследований имеют полидисциплинарный характер. Их авторы используют методы работы с текстом, выработанные в рамках социолингвистики, семантики, исторической психологии, лингвистического и литературного источниковедения, сравнитель-

---

¹ См.: Козеллек Р. Социальная история и история понятий // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века... С. 33–53; Он же. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история менталитета... С. 21–33.

ной политологии и др. Во-вторых, история понятий, как самостоятельное направление возникнув в Германии, приобретает международное значение. В Германии под руководством О. Брунера, В. Конце и Козеллека был издан многотомный труд «Основные исторические понятия. Исторический лексикон социально-политического языка в Германии»¹, в котором представлен всесторонний анализ 130 социально-политических понятий. Во Франции в 1980–90 гг. сложилась близкая по методологическим установкам школа исторической лексикографии, которую возглавил Ж. Гийом. В результате знакомства с работами Козеллека и других немецких авторов, французские и немецкие историки с 1985 г. начали совместную работу над аналогичным немецкому «Словарем социально-политических понятий французского языка»². Не менее интересное продолжение история понятий получила в Англии и США в работах К. Скиннера, Дж. Покока, Р. Уильямса, М. Рихтера³. Несмотря на некоторые отличия в немецкой и англосаксонской историографии по вопросу о методах исследований, изучение процессов возникновения и эволюции значений социально-политических понятий рассматривается как способ реконструкции общественного сознания в различных странах мира.

Естественно, что в зарубежной историографии основное внимание уделяется изучению истории понятий стран Европы и США. Однако, в последнее время проводятся исследования и на материалах российских источников. О необходимости изучения российских понятий Нового времени говорилось на прошедшей немецком городе Бамберге конференции по *Russische Begriffsgeschichte*⁴. В качестве примера конкретно-исторических исследований можно привести ряд работ И. Ширле, в которых она проводит всесторонний анализ различных коннотаций понятий «общество», «отечество», «патриот» и

---

¹ *Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland*. Stuttgart, 1972–1993. Bd. 1–8.

² *Handbuch politisch-sozialer Grundbegriffe in Frankreich. 1680–1820*. München, 1985.

³ См.: Скиннер К. *The State* // Понятие государства в четырех языках. Сб. ст. СПб., М., 2002; Он же. Коллингвудовский подход к истории политической мысли: становление, вызовы, перспективы // *Новое литературное обозрение*. 2004. № 66; Рошин Е. Н. История понятий Квентина Скиннера // *ПОЛИС*. 2006. № 3; Росоок J. G. A. *Politics, Language and Time. Essays in Political thought and History*. London, 1972; Williams R. *Keywords. A vocabulary of culture and society*. Glasgow, 1976; Richter M. *The history of political and social concepts. A critical introduction*. New York, 1995.

⁴ См.: *Zeitschrift für Slawistik*. 2002. Bd. 47. S. 104–105.

других в текстах источников второй половины XVIII в.¹ В 2003 г. российские и зарубежные исследователи русской истории и литературы XVIII–XIX вв. в рамках работы на IX международном конгрессе обсуждали актуальные проблемы истории понятий в России, основные подходы к решению которых были отражены в специальном выпуске журнала «Canadian-American Slavic studies.: Русский XVIII век. Текст и реальность» (2004. Vol. 38)².

В российской историографии интерес к «истории понятий» проявился с конца 1990-х гг. Первыми к данной проблематике обратились филологи, философы, культурологи, политологи. В ряду наиболее интересных исследований, авторы которых посредством изучения смысловых значений отдельных понятий раскрывали характер развития российской истории и культуры, могут быть названы работы М. В. Ильина, А. Вежбицкой, В. В. Колесова, В. В. Прозорова, Ю. С. Степанова, Т. Б. Витман и др.³ Одновременно с учеными различных гуманитарных наук историей понятий заинтересовались и профессиональные историки. На сегодняшний день своеобразным центром исследований в этом направлении является Европейский университет в Санкт-Петербурге, где совместно с европейскими коллегами были изданы два специализирован-

---

¹ См., например: Schierle Ingrid. Zur Politisch-Sozialen Begriffssprache der Regierung Katharinas II. Gesellschaft und Gesellschaften: «Obščestvo» // Katharina II., Russland Und Europe. Beiträge Zur Internationalen Forschung. Mainz, 2001. P. 275–306; Она же. «Syn otečestva»: Der, «wahre Patriot» // Russische Begriffsgeschichte der Neuzeit. Beiträge zu einem Forschungsdesiderat. Köln., 2006. P. 347–367; Она же. «For the Benefit and Glory of the Fatherland»: the concept of Otechectvo // Eighteenth-century Russia: society, culture, economy. Papers from the VII international conference of the study group on Eighteen-century Russia, Wittenberg 2004. Berlin, 2007. P. 283–295; Она же. Учение о духе и характере народов в русской культуре // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: к проблеме адаптации западных идей и практик в российской империи. М., 2008. С. 119–137.

² См. подробнее: Марасинова Е.Н. Власть и личность. Очерки русской истории XVIII в. М., 2008. С. 104.

³ См.: Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М., 1997; Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999; Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб., 2000; Прозоров В.В. О семантических горизонтах понятия «власть» // ЛОГОС. № 4–5. 2003; Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. М., 2004; Витман Т.Б. Закон силы или сила закона: (Франция–Россия) // Текст–Дискурс–Диалог культур. СПб., 2005.

ных сборника научных статей, посвященных истории понятий и ее методам¹.

В целом для современной российской историографии «истории понятий», на мой взгляд, характерна либо нечеткость в обозначении хронологических границ, либо отсутствие системности при изучении общественно-политических настроений в рамках небольшого временного периода. Как правило, предметом изучения становится изменение в течение достаточно продолжительного времени смыслового значения какого-либо одного понятия. Так, например, в статьях О. Хархордина и М. М. Крома анализируется формирование содержания понятия «государство», в работе Т. Ю. Борисовой понятия «свод законов» и «уложение», а в исследованиях Е. Н. Рощина, и А. В. Магун соответственно реконструируются контексты употребления слов «суверенитет» и «революция»².

Отсутствие в ряде исследований четких хронологических границ приводит к тому, что история одного понятия, как правило, представлена в виде обзора эволюции его смысла в течение нескольких столетий, что, на мой взгляд, не позволяет проследить множество одновременно сосуществовавших контекстов употребления в различных социальных средах. Между тем, именно различные контексты употребления слов отражают их взаимосвязи с другими понятиями, в результате которых люди могли или по-новому расставлять смысловые акценты при употреблении уже известных слов, или встраивать различные, нередко привнесенные из другой культурной среды, неологизмы в имевшуюся языковую картину мира. Все вышесказанное, на мой взгляд, обуславливает необходимость выстраивать историю понятий как вертикальную хронологическую последовательность горизонтальных срезов, что предполагает изучение значений *системы взаимосвязанных понятий* в те-

---

¹ Понятие государства в четырех языках: Сб. ст. / Под ред. О. Хархордина. СПб., 2002; Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX вв.: Сб. научных работ (серия Источник. Историк. История: Вып. 5). СПб., 2006.

² Хархордин О. Что такое «государство»? Русский термин в европейском контексте // Понятие государства в четырех языках. С. 152–216; Кром М.М. Рождение «государства»: из истории московского политического дискурса XVI в. // Исторические понятия и политические идеи в России... С. 54–69; Борисова Т.Ю. Борьба за русское «национальное» право в первой четверти XIX в.: изобретение новых смыслов старых слов // Там же. С. 123–151; Рощин Е.Н. История понятия «суверенитет» в России // Там же. С. 190–230; Магун А.В. Опыт и понятие революции // Новое литературное обозрение. 2003. № 64. С. 54–79.

чение непродолжительного (в рамках жизни одного-двух поколений) времени с выявление всех существовавших коннотаций каждого из основных социально-политических понятий. В этом случае возможно более точно реконструировать различные тона и полутона в общественно-политическом спектре определенного времени. Последовательное изучение и сопоставление таких временных горизонтальных «срезов» в перспективе позволит понять зарождение и эволюцию различных общественно-политических идей, отраженных и закреплённых в языковой практике.

К сожалению, на сегодняшний день отсутствуют исследования, в которых бы проводился комплексный контекстуально-текстологический анализ системы социально-политических понятий в России. Наиболее близкими по методологическим установкам предлагаемому подходу являются работы Е. Н. Марасиновой, исследовавшей целый ряд понятий, используемых представителями российского дворянства в различных текстах второй половины XVIII в.¹ При этом автор справедливо отмечает, что «история понятий» должна изучаться не как история отдельных слов сама по себе, а может стать важным инструментом, с помощью которого историк от более глубокого понимания текста источника может прийти к «пониманию внетекстовой действительности», окружавшей людей изучаемого времени, определявшей их убеждения и практическую деятельность².

Сложность проведения конкретно-исторических исследований с использованием инструментария «истории понятий» заключается в том, что сколько-нибудь значительные результаты могут быть до-

---

¹ См., например: Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века. (По материалам переписки). М., 1999; Она же. Понятие «честь» в сознании российского дворянина (последняя треть XVIII в.) // Россия в средние века и новое время: сб. ст. к 70-летию Л.В. Милова. М., 1999. С. 272–292; Она же. Личность и власть в России XVIII века (проблемы понятийной истории) // Дашкова Е. Р. Портрет в контексте истории. Сб. М., 2004. С. 68–87; Она же. «Раб», «поданный», «сын Отечества» (К проблеме взаимоотношений личности и власти в России XVIII века) // Canadian-American Slavic Studies. 2004. Vol. 38. № 1-2. P. 83–104; Она же. Власть и общество в России XVIII века (проблемы понятийной истории) // Труды института истории РАН: Вып. 5. М., 2005. С. 87–107; Она же. «Рабы» и «граждане» в российской империи XVIII в. // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: к проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М., 2008. С. 99–118; и др.

² Марасинова Е.Н. Власть и личность. Очерки русской истории XVIII в. М., 2008. С. 104.

стигнуты в том случае, если будет решена принципиально важная проблема, связанная с необходимостью выработки критериев для отбора из всего множества слов именно «основных социально-политических понятий». В качестве таких критериев, на мой взгляд, должны быть: 1) концептуальная нагруженность каждого понятия, т.е. его смысловое содержание должно быть связано с какими-либо социально-политическими или экономическими концепциями, с помощью которых современники обосновывали необходимость обращения к прошлому опыту, либо описывали идеальные модели общественного переустройства в ближайшем будущем; 2) общеизвестность и многократность употребления понятия в текстах источников различной видовой принадлежности; 3) понятие должно быть элементом системы понятий, используемой для описания окружающей социально-политической реальности и решения наиболее актуальных экономических и социально-политических проблем. При этом взаимосвязь понятий может быть как на уровне представлений о функциональном назначении обозначаемого словом явления или субъекта, так и на уровне ассоциаций или каких-либо логических умозаключений.

В соответствии с указанными критериями, применительно, например, к истории России первой четверти XIX в., *систему основных социально-политических понятий* образуют понятия «государство», «государь», «закон», «собственность», «конституция», «гражданин», «свобода», «рабство», «революция», «просвещение». Содержательно все они были тесно взаимосвязаны и достаточно часто употреблялись в рамках социально-политического и экономического дискурсов на страницах российских газет и журналов, учебных пособий и научных трактатов, мемуарах и личной переписке, законодательстве и материалах официального делопроизводства¹.

---

¹ См. подробнее: Тимофеев Д.В. Трактовка понятия «конституция» в правительственных кругах России первой четверти XIX века // Проблемы российской истории. Вып. II. Магнитогорск, 2003. С. 219–230; Он же. Понятие «закон» в политическом лексиконе европеизированного российского дворянства первой четверти XIX века // Вестник Челябинского государственного университета. История. Вып. 20. 2007. № 11. С. 15–25; Он же. Понятие «конституция» в России первой четверти XIX века // Общественные науки и современность. 2007. № 1. С. 120–131; Он же. Образ государства в периодической печати и российской публицистике первой четверти XIX века // Россия и мир: панорама исторического развития: Сб. науч. ст. Екатеринбург, 2008. С. 302–308; Он же. Понятие «собственность» в России первой четверти XIX века: опыт реконструкции смыслов // Российская история. 2009. № 1. С. 165–180;

Так, например, взаимосвязь понятий «закон», «свобода», «собственность» выражалась в том, что «закон», одновременно, рассматривался как инструмент обеспечения «свободы» и неприкосновенности частной «собственности», и как ограничитель свободы каждого конкретного индивида во имя «общего блага». Интеграция этих двух смыслов была зафиксирована в широко распространенном и устойчивом словосочетании «законная свобода», которое содержательно было близко к европейскому пониманию функционального назначения законов. Однако в российском варианте больший акцент делался на прилагательное «законная», подчеркивавшее наличие установленных государством границ поведения человека, как в масштабах всего общества, так и в рамках какого-либо сословия. При этом одновременно с декламацией европейских принципов свободы личности, неприкосновенности частной собственности и равенства всех участников социальных отношений перед законом, существовало убеждение в необходимости дифференциации объема политических гражданских прав в зависимости от «степени просвещения» индивида. В общем виде, соотношение понятий «закон», «свобода», «собственность» и «просвещение» воспроизводило патерналистский идеал взаимоотношений личности и государства. «Свобода личности» рассматривалась как свобода под опекой и покровительством «просвещенного» помещика, закона, императора или государства. Существование подобной патерналистской логики рассуждений обусловило положение, когда при всем многообразии высказываний о необходимости модернизации российского законодательства в первой четверти XIX в. на практике большее внимание уделялось не наполнению законодательных актов новым содержанием, а модернизацией их общей структуры или формальной согласованности конкретного документа с системой действующего в стране законодательства.

Приведенный выше пример анализа системы взаимосвязанных понятий, на мой взгляд, наглядно демонстрирует необходимость

Он же. «Гражданин» и «государство» в России первой четверти XIX века: к истории понятий // Вопросы истории. 2009. № 5. С. 98–107; Он же. Концепт «государство» в периодической печати и российской публицистике первой четверти XIX века // История государства и права. 2009. № 4. С. 37–39; Он же. В ожидании перемен от «просвещения» России: надежды и тревоги российского общества первой четверти XIX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 16. (154). История. Вып. 32. С. 12–20 и др.

проведения контекстуально-текстологического анализа максимально возможного количества общеизвестных и доступных для человека в изучаемое время документов. Сопоставлению должны подвергаться, прежде всего, содержание понятия, отражавшее представление о функциях обозначаемого им явления или процесса, а также все положительные и отрицательные коннотации, употребляемые в рамках экономического и социально-политического дискурсов. В случае, если исследователь решит все обозначенные выше задачи «история понятий», как одно из направлений интеллектуальной истории, может стать эффективным инструментом исследования по истории общественно-политической мысли в различных странах мира.

А.М. Зюзин (Нижний Новгород)

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИБЕРАЛЬНЫХ ВЗГЛЯДОВ
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I И
КНЯЗЯ АДАМА ЧАРТОРЫЙСКОГО ОТНОСИТЕЛЬНО
ПОЛЬСКОГО ВОПРОСА В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКОВ**

В истории русско-польских отношений XVIII-XIX вв. особое место принадлежит тому историческому периоду, когда собственно Речи Посполитой как самостоятельной государственной единицы не существовало. После трех разделов – 1772, 1793 и 1795 гг. – Польское государство было уничтожено, разрозненные земли Речи Посполитой были поделены между Пруссией, Австрией и Россией. Тем не менее, это не мешало занимать одно из важнейших мест, среди внешнеполитических проблем, именно Польскому вопросу. В сложной и неоднозначной обстановке военно–политических столкновений XVIII–XIX вв. географическое положение польских земель, их стратегическое значение не могли не учитывать европейские державы, и, в первую очередь, Российская империя. Среди факторов, приведших к многочисленным войнам данного периода, определенную роль играли противоречия между Россией и другими европейскими государствами – Пруссией, Австрией, Францией и Англией – в вопросе о судьбах польских земель и польского населения.

В складывавшейся при этом ситуации неоднократно вставал вопрос о перспективах внутреннего развития и будущей внешнеполитической ориентации непосредственно самого российского государства. В этих условиях велась негласная борьба между группировками политической либеральной и консервативной элиты, поддерживавшими различные точки зрения относительно Польши и ее дальнейшей судьбы.

Поскольку вопрос о судьбе Польши после ее разделов и до восшествия на престол императора Александра I официально не вставал, мнения относительно данной проблемы высказывались в личной, порой интимной переписке и разговорах между заинтересованными лицами. Прецедентом принято считать знаменитый трехчасовой разговор в Таврическом парке (29 апреля 1796 г.) между великим князем Александром Павловичем и недавно прибывшим в Санкт-Петербург польским князем Адамом Чарторыйским. В мемуарах князя Адама, когда он вспоминает об этой беседе стоит подзаголовок – «Разговор, имевший решающее значение»¹. Без сомнения, нам представляется, что Чарторыйский нисколько не переоценил важность момента. «Как только я явился, Великий князь взял меня под руку и предложил пройти в сад... Он сказал мне тогда, что совершенно не разделяет воззрений и принципов правительства и двора, что он далеко не оправдывает политики и поведения своей бабки и порицает ее принципы; что его симпатии были на стороне Польши и ее славной борьбы; что он оплакивал ее падение; что, в его глазах, Костюшко был великим человеком по своим доблестным качествам и по тому делу, которое он защищал, и которое было также делом человечности и справедливости. Он признался мне, что ненавидит деспотизм везде, в какой бы форме он ни проявлялся, что любит свободу, которая, по его мнению, равно должна принадлежать всем людям; что он чрезвычайно интересовался Французской революцией; что, не ободряя этих ужасных заблуждений, он все же желает успеха республике и радуется ему...

Обходя сад вдоль и поперек, мы несколько раз встретили Великую княгиню, которая также прогуливалась. Великий князь сказал мне, что его жена была поверенной его мыслей, что она одна знала и разделяла его чувства, но что, кроме нее, я был первым и един-

---

¹ Чарторишский А. Мемуары князя Адама Чарторишского и его переписка с императором Александром I / Пер. с фр. А. Дмитриевой: В II т. Т. I. М., 1913. С. 73.

ственным лицом, после отъезда его воспитателя, с кем он осмелился говорить об этом, что чувства эти он не может доверить никому без исключения, так как в России никто еще не способен разделить или даже понять их; что я должен был чувствовать, как ему будет теперь приятно иметь кого-нибудь, с кем он получит возможность говорить откровенно, с полным доверием...»¹

Поразительно, что Великий князь, будущий самодержавный император огромной Российской империи отвергал ее политику, но искренне любил Польшу и всячески поощрял ее устремления стать, наконец, свободной. Князь Адам заметил на это: «Не чудо ли это было, что в такой атмосфере и среде могли зародиться столь благородные мысли, столь высокая добродетель?»² Известно, что в начале своего правления, император Александр взял либеральный курс управления государством, что в большой степени отразилось на решениях относительно Польского вопроса.

После кончины императрицы Екатерины II 6 ноября 1796 г., Павел I предпринял ряд символических жестов в отношении поляков, желая делать все иначе, чем его мать. Император освободил Тадеуша Костюшко и других пленных поляков – участников восстания 1794 г., а также пригласил польского короля Станислава-Августа приехать в Петербург. Павел предложил бывшему польскому королю Мраморный дворец, но, заметим, никогда не заводил и речи о возвращении короля в его королевство, возлагая вину польского раздела на императрицу Екатерину и оправдываясь невозможностью изменить уже совершившийся факт. Кроме того, Павел был согласен с Екатериной в одном – тремя разделами Польши Россия не завоевывала, а отвоевывала себе древние русские земли, которые еще в IX–XIV вв. имели русское православное население. Недаром Екатерина по поводу третьего раздела велела отчеканить медаль «Отторженная возвратихъ». Но на этом любезности в отношении Польши и поляков закончились, Павел более никогда не возвращался к данному вопросу.

Иное дело император Александр. Вступив на престол, Александр «...возвратил из Сибири поляков, сосланных туда при Екатерине и Павле, возвратил им конфискованные имения, эмигранты, служившие во Франции и в польских регионах, получили дозволе-

---

¹ Там же. С. 75.

² Там же.

ние возвратиться на родину»¹. Императором был организован так называемый Негласный комитет – кружок либеральных друзей молодого императора, куда входили Н.Н. Новосильцев, П.А. Строганов, В.П. Кочубей и А.Е. Чарторыйский. Естественно, что направления мыслей «молодых друзей» были схожи, и касательно Польского вопроса всецело поддерживали стремление императора и, в большей степени, Чарторыйского к решению о восстановлении польского государства, остался невыясненным лишь вопрос о методах и формах этого восстановления, о сроках на данном этапе речь пока даже не шла. Вскоре князь Чарторыйский вынужден был несколько разочароваться в искренности расположения Александра к Польше. Дело в том, что по конвенции 1801 г. между Россией и Францией, обе страны обязались не покровительствовать политическим эмигрантам, в том числе и полякам. Александр, однако, утверждал, что конвенция эта всего лишь пустая формальность. «Нет сомнения, – замечает князь Чарторыйский, – что из тогдашних государей только один Александр интересовался Польшею. Вся Европа и во главе ее Франция окончательно забыли о ней. Император по личному великодушному побуждению и чтобы засвидетельствовать, что его чувства и убеждения неизменны, старался помогать полякам в их частных делах и оказывать всевозможные облегчения жителям подвластных ему польских провинций. Это ободряло и поддерживало меня»².

Иначе смотрела на Польский вопрос российская элита. По сути, либеральные намерения императора и князя Чарторыйского стали известны лишь с приходом последнего на пост сначала товарища министра, а затем и министра иностранных дел Российской империи в конце 1803 г. Назначение на такой высокий пост вызвало неоднозначную реакцию при петербургском дворе; некоторые вельможи екатерининского времени считали его выскочкой, другие завидовали, а откровенным недоброжелателем Чарторыйского считали влиятельного генерал-адъютанта Александра I князя Долгорукого. Известно, например, что князь Долгоруков торжествовал и безбоязненно обличал перед Государем предательские, по его убеждению, замыслы министра-поляка, во время войн 3-ей коали-

---

¹ Дубровин Н. Ф. Русская жизнь в начале XIX века. СПб., 2007. С. 394.

² Чарторыйский А. Указ. соч. С. 92.

ции, направленные на столкновение с интересами союзников – Австрии и Пруссии.

Впрочем, и сам князь Адам не скрывал своих мотивов и стремлений – добиться урегулирования Польского вопроса: в союзе с Австрией и Пруссией разбить Францию, получить от союзников земли, отошедшие к ним по разделам Польши, с вознаграждением за счет французских завоеваний, и затем руками России восстановить Польшу. Эти проекты детально были освещены в «Записке об устройстве европейских дел, в случае удачного окончания войны» 1804 г.¹, и «Записке о настоящем положении России» 1806 г.² В проектах был один слабый пункт: отношение к Пруссии. Чарторыйский хотел силою заставить Пруссию присоединиться к коалиции против Франции, но Александр не расположен был разрывать отношения с государством, с которым Россия сделала уже столь много! Из окружавших Александра лиц многие разделяли его прусские симпатии и критично относились к планам насчет Польши, особенно князь П.П. Долгоруков, граф Ф. В. Ростопчин, А.С. Шишков, а в системе Александра всегда было место и для Польши, и для Пруссии. Тем не менее, план князя потерпел крах, союзные войска были разбиты под Аустерлицем 20 ноября 1805 г., а сам Чарторыйский ушел в отставку уже в 1807 г., после заключения Тильзитского мира между Россией и Францией, что коренным образом противоречило планам Адама.

Таким образом, планы о возрождении Польского государства под российским скипетром временно были похоронены, во-первых, потому что Тильзитский договор устанавливал относительно Польши создание княжества Варшавского из части земель, доставшихся по разделам Пруссии, также, из официальной титулатуры были исключены слова «Польша» и «польский», а во-вторых, Польша вновь становилась своеобразным «яблоком раздора» между ведущими государствами Европы, поэтому решительные действия Александра были бы несвоевременны.

Интересно проследить, как тонко чувствовало придворное окружение желания императора, в особенности, его ближайшие родственники, в лице его младшей сестры великой княгини Екатерины Павловны, когда накануне Отечественной войны 1812 г., пла-

---

¹ Чарторыйский А. Указ. соч. С. 62-66.

² Там же. Т. II. С. 77.

ны о возрождении Польши вновь начали витать в воздухе. Не секрет, что салон великой княгини представлял тогда центр консервативной оппозиции либеральному курсу, олицетворяемому в это время фигурой М.М. Сперанского. В этом салоне читал отрывки из своей «Истории государства Российского» выдающийся мыслитель и историк Н.М. Карамзин в присутствии великого князя Константина Павловича, тогда же произошло его знакомство с вдовствующей императрицей Марией Федоровной, которая с тех пор стала одной из его покровительниц. В конце 1809 г. Карамзин впервые был представлен Александру I.

Именно по инициативе Екатерины Павловны Карамзин написал и подал в марте 1811 г. Александру I во время чтений в Твери очередного фрагмента из своей «Истории...» трактат «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» – наиболее глубокий и содержательный документ зародившейся русской консервативной мысли. Наряду с обзором русской истории и критикой государственной политики Александра I, в «Записке» сохранилось, так называемое, «Мнение русского гражданина», которое впоследствии было представлено Александру в более развернутом виде в 1819 г. В этом документе Карамзин категорически предупреждал Александра относительно восстановления Польши: «...для Вас Польша есть законное Российское владение. Старых крепостей нет в политике: иначе мы должны были восстановить и Казанское, Астраханское царство, Новгородскую республику, Великое княжество рязанское и так далее... у Вас потребуют и Киева, и Чернигова, и Смоленска, ибо они также долго принадлежали враждебной Литве. Или все, или ничего. Доселе нашим государственным правилом было: ни пяди – ни врагу, ни другу!..» И с гражданской твердостью: «Нет, Государь, никогда поляки не будут нам ни искренними братьями, ни верными союзниками. Теперь они слабы и ничтожны: слабые не любят сильных, а сильные презирают слабых; когда же усилите их, то они захотят независимости, и первым опытом ее будет отступление от России, конечно, не в Ваше царствование, но Вы, Государь, смотрите далее своего века, и если не бессмертны телом, то бессмертны славою! В делах государственных чувство и благодарность безмолвны; а независимость есть главный закон гражданских обществ. Литва, Волыния желают Королевства Польского, но мы желаем единой Империи Россий-

ской. Чей голос должен быть слышнее для Вашего сердца? Они, в случае войны, впрочем, ни мало не вероятной (ибо кому теперь восстать на Россию?), могут изменить нам: тогда накажем измену силою и правом: право всегда имеет особенную силу, а бунт, как беззаконие, отнимает ее. Поляки, законом утвержденные в достоинстве особенного, державного народа, для нас есть опаснее поляков-россиян»¹. Последние слова намекают на отношение Карамзина, и поддерживающих его сановников, к князю Чарторыйскому, либеральный план которого был положен в основу замыслов императора. Неизвестно, как Александр воспринял это письмо, но можно утверждать, что после этого, он стал более осторожен в своих решениях относительно Польши.

Формулировки, похожие на высказывания Карамзина, встречаются и у других деятелей русской культуры. В августе 1822 г. величайший русский поэт А.С. Пушкин скажет в своих «Заметках по русской истории»: «Униженная Швеция и уничтоженная Польша – вот великие права Екатерины на благодарность русского народа»². Отношение Пушкина к Польше и полякам сформировалось рано и уже не претерпевало особых изменений до конца жизни. В сентябре 1812 г. лицеисты провожают войска петербургского ополчения, проходящие через Царское Село, а в 1836 г., за полгода до смерти, Пушкин пишет, обращаясь к лицейским товарищам:

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас...³

Французский император Наполеон также понимал значение польской территории, он отводил Варшавскому княжеству особую роль в войне против России; оно было «передовым форпостом» на этом рубеже. Поляки же тут преследовали собственные цели, все надеясь отвоевать обратно свои литовские, белорусские и украинские земли и восстановить Польшу «от моря до моря». Весной 1812

---

¹ Карамзин Н.М. О древней и новой России. Избранная проза и публицистика. М., 2002. С. 436-438.

² Пушкин А.С. Заметки по русской истории XVIII в. // Полное собрание сочинений: В 10 т., Т.10. Л., 1977-1979. С. 172.

³ Пушкин А.С. Стихотворение «Была пора» // Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 7. С. 256.

г. в Польше был проведен новый военный набор, и численность польского корпуса достигла ста тысяч человек. В составе наполеоновской армии он и вошел в Россию, причем сожжение Москвы неизбежно вызывало в памяти русских прошлое польское вторжение во время Смуты (тот же Пушкин писал об этом, что Москва пострадала «в 1612 году от поляков, а в 1812 году от всякого сброду»¹).

После кампании 1812 г. и поражения Наполеона, отношения императора и Чарторыйского вновь начали налаживаться. В декабре 1812 г. Чарторыйский послал государю обширную записку по Польскому вопросу, в ответ на нее император, в письме от 13 января 1813 г. пишет: «Мои чувства к полякам не изменились: твоим соотечественникам нет повода чего-либо опасаться. Мечь – чувство мне незнакомое, а величайшая моя радость – платить добром за зло. Но в исполнении моих любимых идей по отношению к Польше теперь возникают, несмотря на мое настоящее блестящее положение, важные трудности: прежде всего *общественное мнение России (курсив авторский)*, прежняя ненависть, вновь возбужденная поведением польских войск в Смоленске и Москве, и, наконец, объявление моих намерений касательно Польши перебросило бы Австрию и Пруссию в объятия Франции...»².

Спустя полтора года, на знаменитом Венском конгрессе, Польский вопрос приобрел новое звучание: Австрия, Пруссия, Франция и, главным образом, Англия ожесточенно оспаривали выдвинутый Александром I проект, многие из положений которого (присоединение территории княжества Варшавского к России и создание Царства Польского) он позаимствовал из прежних проектов Чарторыйского. Александр почувствовал, что настал самый удобный момент для реализации своего плана относительно Польши. 3 мая 1815 г. были подписаны договоры между Россией, Пруссией и Австрией о Варшавском княжестве. 15 мая император Александр подписал выработанные, главным образом, Чарторыйским основные положения будущей конституции воссозданного Царства Польского, а 9 июня – генеральный акт Венского конгресса. Вскоре был учрежден Священный союз, объединивший все три правительства. Именно уступка части польских земель Пруссии и Австрии позволила сгла-

---

¹ Пушкин А.С. Заметки по русской истории XVIII в. // Там же. Т. 10. С. 221.

²Чарторыйский А. Указ. соч. С. 83.

дить острый конфликт между Россией и Англией, который возник из-за разногласий по Польскому вопросу.

Подводя итог, следует отметить, что Польский вопрос был долгое время серьезным камнем преткновения сразу нескольких европейских держав. Дипломатическая борьба накануне Венского конгресса и в ходе него показала, насколько важен и сложен этот вопрос. Результаты Венского конгресса были, однако, вполне ожидаемы: Россия получила значительную территорию, образовав на ней Царство Польское. Этот успех российской дипломатии объяснялся не столько ее личными заслугами, сколько статусом России на тот момент: русские войска были основной силой, разгромившей Наполеона, и мировая общественность должна была с этим считаться и это признать.

В 1815 г. в качестве первого мероприятия Александра I в Королевстве Польском была утверждена Конституция, ставшая попыткой продолжения либеральных преобразований российского императора. Объявление в Польше конституционного строя «сначала вызвало надежду на изменение в ней существующего строя и ограничение самодержавия, но дальнейшие действия царя показали несбыточность таких надежд».¹

Для Александра I дарование Польше конституции было, прежде всего, актом дипломатическим и политическим. Российский император хотел прочнее привязать ее к России, она «должна была служить военно-стратегическим, экономическим и политическим интересам России. Эта территория необходима была и как плацдарм для быстрого военного реагирования»².

Таким образом, можно утверждать, что прежний либеральный курс, утвержденный в начале столетия, претерпел серьезные изменения, во многом благодаря перипетиям Польского вопроса. Задача объединения Польши, которую поставил перед собой Александр I в начале своего царствования, с некоторыми оговорками была выполнена, но задача была подчинена уже другим потребностям государства. Трудно оценивать результаты этого объединения, но его последствия мы можем ощущать и в современных международных отношениях.

---

¹ Орлик О.В. Россия в международных отношениях 1815-1829 гг. М., 1998. С.24.

² Там же.

Т.Н. Гелла (Орел)

К ИСТОКАМ РУССКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА: АНГЛИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА В ОЦЕНКЕ РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ 60-70-х гг. XIX в.

60-70-е годы XIX в. вошли в историю России как десятилетия «Великих реформ». Одним из заметных их результатов стал начальный процесс формирования гражданского общества. На этом этапе практически все население страны стало представлять собой лично свободных (с юридической точки зрения) индивидов. Все население получило основную триаду неотъемлемых прав: право на жизнь, право на свободу, право на собственность¹. Другим важнейшим моментом подготовки и проведения реформ стало оформление русского либерализма как части общественного движения. Важную роль в становлении либерализма сыграла периодическая печать, которая после отмены ряда цензурных ограничений, приобрела ярко выраженный политический характер. Журналы «Отечественные записки» «Русский вестник», «Вестник Европы», газеты «Голос», «Русские ведомости» и др. познакомили читателя с историей и современным положением стран Запада, давая оценку внутривнутриполитической ситуации в России². Журнальные публикации несли в себе не только информацию о государственном строе и образе жизни другой нации, но, и что не менее важно, давали представления о характере суждений самих их авторов, их политической ориентации, приоритете их интересов и во многом помогали нарисовать картину интеллектуальной жизни общества, к которому они принадлежали.

Постижение Запада массовым сознанием шло сложным путем. С начала XIX в. Россия вынуждена была включиться в напряженную технологическую гонку. Цепочка изменений в обществе задается военно-политическим контекстом. Модернизация армии требует

---

¹ Махлай М.Ф. Проблемы развития гражданского общества в России второй половины XIX-начала XX вв. // Политическая культура XIX века: Россия и Европа. М., 2005. С. 54.

² Ведерников В.В., Китаев В.А., Луночкин А.В. Конституционный вопрос в русской либеральной публицистике 60-80-х гг. XIX века. М., 1997. С. 4.

изменений технологии и перестройки экономики, что тянет за собой науку, систему образования и культуру. В обществе начинаются широкие процессы, не контролируемые властными структурами.

Правительство стремится расщепить технологию и культуру. Вестернизацию пытаются локализовать в тонком слое образованного общества, ограждая от ненужных влияний огромную массу патриархального крестьянства. Но такая политика обречена на провал, поскольку культура общества – целое, в котором на определенном для каждой эпохи уровне интегрируются, в конечном счете, все сферы, уровни, субкультуры. С другой стороны, такова диалектика культурных изменений: вместе с образованным обществом неизбежно трансформируется правящий слой России. Западная образованность и новое мироощущение разрушают консервативное сознание. Традиционной православной парадигме становится все труднее интегрировать инокультурный материал. Устойчивые стереотипы утрачивают безусловность истины. Рациональное сознание не находит аргументов для оправдания «устоев». Традиционные ценности все больше превращаются в «символ веры». Костяк православного мироощущения начинает уходить в подсознание, в сферу необъяснимых реакций и потребностей. В верхах общества начинает созревать убеждение в необходимости модернизационного компромисса. Примером тому может служить анализ восприятия политического образа Великобритании глазами русских журналистов.

В середине XIX в. Великобритания являлась страной, которая вызывала пристальное внимание русской общественности. Представители различных политических течений – от консерваторов до радикалов – обращали свои взоры к Англии, пытаясь найти в ее политическом строе и общественно-политической системе ответы на многие вопросы, которые представляли острейший интерес для них. Этот интерес во многом объяснялся тем, что Россия, в 60-начале 70-х гг. XIX в. вступившая на путь пореформенного преобразования, нуждалась в определенном примере экономического и политического развития. Новые гражданские институты и изменения в умах людей исподволь размывали прежнюю закрытость политико-культурной системы. Российское общество было поставлено перед необходимостью восприятия Европы. Англия как раз и могла выступить в качестве такого эталона: в ее экономическом, общественно-политическом и социальном устройстве было много при-

влекательного для русских сторонников реформ. С одной стороны, это крупнейшая промышленная держава мира, достигшая своего наивысшего расцвета как раз в середине века, с другой стороны, – это монархическая страна с сильными олигархическими традициями и принципами, одновременно имеющая двухпалатный парламент, полномочия которого расширялись в ходе проведения реформ. Именно в этой стране правительство взяло за правило путем реформ уводить страну от революционных потрясений. Как говорили русские публицисты: «В Англии существуют учреждения, которые одинаково предохраняют страну как от всепотрясающей революции, так и от всеподавляющей реакции»¹.

Кроме того, в России рядом с политическими и социальными переменами, вызванными эпохой реформ, «шла эволюция восприятия»: менялся важнейший «показатель духовного своеобразия страны и времени», т.е. менялся стиль жизни. В этих условиях анализ европейского опыта, практика британского правопорядка, где сама реформа стала традицией, начинает оказывать особенно сильное влияние на состояние умов. Другим понятием, прочно сросшимся с английским политическим укладом, является понятие «свобода». Оно было симпатично прогрессивно мыслящим русским людям, многие из которых считали, что «все народы, способные к развитию, рано или поздно приходят к представительному порядку. Свобода составляет один из самых существенных элементов как общественного благосостояния, так и политического могущества..., свобода естественно неудержимо ведет к участию народа в решении государственных вопросов». Б.Н. Чичерин писал в своей работе «Различные виды либерализма»: «Свобода совести, свобода мысли, вот тот жертвенник, на котором неугасимо пылает присущий человеку божественный огонь, вот источник всякой духовной силы, всякого жизненного движения, всякого разумного устройства, вот что дает человеку значение бесконечное. Все достоинство человека основано на свободе, на ней зиждутся права человеческой личности»².

Конституционные вопросы занимали одно из ведущих мест в российской публицистике. В связи с этим внимание русского общественного мнения, в первую очередь, концентрировалось на функ-

---

¹Вестник Европы. 1872. № 9. С. 133.

² Чичерин Б.Н. Различные виды либерализма // Общественные науки и современность. 1993. № 3. С. 116.

ционировании институтов британской политической системы. Аналитические характеристики, приводимые в периодических изданиях, зависели от политической ориентации последних и были неоднозначны, что не мешало выявить основной круг вопросов, поднимавшихся в них.

Русским публицистам консервативного и умеренно-консервативного направления были свойственны определенные критические оценки государственной системы Великобритании, хотя они и признавали многие ее положительные моменты. Так, умеренно-консервативный журнал «Русский вестник» отмечал, что английская конституция не представляла собой «панацеи» от радикальных преобразований, хотя и оставалась «неизменной посреди всяких революционных Европейских бурь»¹, что, по мнению журнала, было ее сильной стороной. Фактически, журнал выражал настроения тех российских общественных кругов, которые признавали прогрессивное развитие общества по пути реформ, проводимых исключительно «сверху». Недаром в одной из публикаций за 1872 г. подчеркивалось: «Более чем когда-либо входит во всеобщее сознание старая истина, что своевременная реформа есть единственный путь спасения народа от всяких переворотов»². Показательно, что русские публицисты консервативного толка подметили очень важную черту законодательной системы Англии – важнейшие реформы проводились тогда, когда их актуальность и необходимость становилась очевидной для всех слов английского общества.

Более критично в отношении государственного устройства Англии высказывался журнал-газета «Гражданин». Журнал, хотя с ним и сотрудничал Ф.М. Достоевский, являлся органом реакционных слоев русского дворянства, вел борьбу за свертывание реформ, выступал против всего прогрессивного как в России, так и на Западе. По мнению журнала, в Англии монархическая власть была сравнительно слабой, поэтому большое значение в ней придавалось борьбе партий. «...В этой родине парламентаризма борьба партий имеет такое большое значение для страны, что все управление страной зависит от того или иного исхода борьбы партий в данный момент. Какая партия одержала в известное время перевес

---

¹ Русский вестник. 1872. № 9. С. 169

² Там же. С. 168

– за такой партией следует и королевская власть», – отмечалось в нем¹. «Гражданин» не давал развернутой характеристики либеральной и консервативной партий, не раскрывал их идеологических принципов. Характеристика этих двух основных политических сил на страницах журнала отличалась определенной примитивностью: консерваторы «придерживаются исторических преданий, которыми так богата Англия, и отстаивают начала, выработанные давно минувшей английской социальной жизнью», а либералы «полагают в основе своей политики массу потребностей нового времени и стоят за необходимость постоянных реформ во всем строе английской социальной жизни». Показательно, что «Гражданин» был невысокого мнения о политической принципиальности английских государственных деятелей. «Ни в одной стране в мире нет столько перебежчиков из одной партии в другую, сколько в Англии...», – утверждалось на его страницах. В качестве примера приводились политические биографии У. Гладстона и Б. Дизраэли².

Вопросы государственного устройства Англии широко освещались историко-политическим научным журналом «Вестник Европы». Журнал придерживался умеренно-буржуазной либеральной ориентации, выступал за осуществление реформ конституционно-монархического направления. В связи с этим Англия, представлявшая удачный пример сочетания монархии и парламентаризма, привлекала пристальное внимание русских либералов.

Одной из положительных черт британской политической системы авторы «Вестника Европы» считали действие двухпартийного механизма, т.е. сменяемость одной политической партии другой. В многочисленных публикациях отмечалось, что когда правящий кабинет не может предложить больше гражданам какой-либо позитивной программы, когда «страна чувствует, что ее не ведут, что у нее осталась администрация, но нет правительства в парламентском смысле слова»³, тогда англичане избирают новое правительство. Таким образом, у русского читателя формировался образ страны, которая в деле развития политической свободы «достигла наилучших результатов по всей Европе». В «Вестнике Европы» утверждалось, что английский парламент есть «самое серьезное и

---

¹ Гражданин. 1874. № 5. С. 154

² Там же. № 23. С. 625-626.

³ Вестник Европы. 1873. № 9. С. 413.

дельное собрание в мире», а Чичерин, представитель либеральных кругов России, сторонник конституционной монархии, называл британский парламент «родоначальником европейской свободы», причем, по его мнению, именно парламентские учреждения «составляют высший идеал политической свободы, выработанный историей образец для всех народов мира...».

Либеральные журналисты немало способствовали формированию в России представлений об английских политических деятелях, их роли в общественно-политической жизни английского общества. Так, в оценках «Вестника Европы» британские либералы и их лидер Гладстон предстают поборниками «прогрессивного» развития страны, хотя им, по мнению авторов статей, явно не хватало внутренней дисциплины, смелости в приобретении поддержки радикально настроенных кругов общества, последовательности в выдвижении и защите своих программ.

Практический интерес русских либералов не ограничивался простым заимствованием: «Англия, ушедшая далеко вперед в своем экономическом и политическом развитии служила в какой-то мере моделью», на которую проецировались некоторые проблемы русской действительности, но при этом часть либеральных идеологов считала, что используя английский опыт, Россия сможет избежать некоторых ошибок в своем развитии. Так, представитель славянофильских кругов Н. Шелгунов писал, что «Англия есть спасительный пример для всех, ибо спасительный опыт ее куплен миллионами жертв и незачем ему повторяться в других странах». Это в первую очередь относилось к английскому пролетариату, бедственное положение которого ужасало Шелгунова.

Свою лепту в дело формирования российских представлений о Великобритании внесли представители демократической общественной мысли. В целом Англия и англичане в оценках русских демократов мало чем отличались от восприятия их русскими либералами, правда, первые больше акцентировали внимание на радикализации британских политических процессов.

Проблемы конституционного и социально-политического развития Англии нашли свое отражение на страницах «Отечественных записок». Журнал знакомил своих читателей с историей политической борьбы в Англии, с проведением либеральных реформ, с той ролью, которую сыграл английский народ в их принятии. По мнению

исследователей В.В. Ведерникова, В.А. Китаева, А.В. Луночкина, журнал в вопросе конституционного устройства России склонялся к демократическому варианту представительства. Об этом свидетельствовало отношение журнала к английским политическим институтам¹. «Отечественные записки» не идеализируют конституционное устройство Англии, напротив, по их мнению, оно «... далеко не составляет такой панацеи от политических и в особенности – социальных недугов, при которых взгляды более радикальные казались бы лишними». Устами Б.И. Утина журнал признавал английские политические учреждения негодными для подражания, поскольку они воплощали «дух только господствующего класса»². Характерной особенностью всего хода событий во внутривнутриполитической жизни Англии в XIX столетии журнал считал «несомненное возрастание радикального духа и стремление к полному преобразованию в либеральном смысле»³. Весьма положительным для Англии «Отечественные записки» считали расширение рабочего представительства в парламенте, потому что «рабочий элемент будет весьма важным двигателем прогрессивного и демократического духа». Более того, журнал выступал за предоставление избирательных прав женщинам и считал, что «англичане будут вознаграждены тем благом, которое можно ожидать от участия в правлении людей, на себе испытавших всю тяжесть несправедливых законов». Пожелание российских демократов о ведении в политическую систему Англии более прогрессивных начал может стать понятнее после неоднократного прочтения на страницах «Отечественных записок» утверждения, что Англия – «самая консервативная страна в мире» или же «преимущественно консервативная страна». Впрочем, практически всегда за этими высказываниями следовали оговорки, что в последнее время Англия сильно продвинулась по пути демократического развития. Статья «Характер политического движения в Англии ...», опубликованная в 1869 г., приводит ряд доказательств того, что английские события с начала XVIII в. ломают устоявшийся стереотип восприятия Англии, которая является «оплотом консерватизма» в целой Европе и об английской конституции, защищающей от революционных устремлений.

---

¹ Ведерников В.В., Китаев В.А., Луночкин А.В. Указ. соч. С. 7.

² Отечественные записки. 1862. № 8. С. 431.

³ Там же. 1869. № 8. С. 328, 330.

По мнению авторов публикаций, Англия в сравнении с Россией далеко продвинулась по пути политической демократии, хотя уровень развития политической свободы в ней еще не достиг наивысшей точки и поэтому она не должна была останавливаться на достигнутом. В целом «Отечественные записки» положительно оценивали политические процессы в Англии. Например, отмечалась определенная дальновидность и осторожность политики английских монархов, готовность их идти на компромисс с политическими силами, что обуславливалось многовековым опытом истории страны. Так Марина Цебрикова в статье «Дух компромисса в Англии», напечатанной в 1875 г., утверждала, что «Генрих VII и Елизавета никогда не дошли до того, чтобы сказать словами Людовика XIV: "Англия – это я"; всегда была черта, перед которой они останавливались и шли на сделку с волей нации с самого основания Англии, и она поплатилась кровавым переворотом, когда Стюарты изменили этому девизу в XVII в. С тех пор развитие Англии шло путем мирного компромисса». На страницах журнала англичане представляли перед русским читателем как граждане, целью которых было учреждение «правительства всего народа, а не некоторых привилегированных ... классов»¹.

Таким образом, русская периодическая печать рисовала перед своими читателями картины многогранной политической жизни Великобритании. Русские журналисты и публицисты внесли заметный вклад в формирование образа Англии – страны, с сильными традициями и с не менее сильными тенденциями к совершенствованию своей государственной системы; страны, развивающейся по пути либерального преобразования общества, которая может выступать своеобразным примером для пореформенной России. Английская политическая система, сочетающая консервативные и либеральные тенденции, конституционную монархию с набирающими силу либеральными и демократическими преобразованиями, и английская либеральная идеология и практика служили своеобразным фактором в формировании русской либеральной мысли второй половины XIX в.

---

¹ Там же. С. 365.

Н.Г. Карнишина (Пенза)

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ТЕОРИИ РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX вв.

Размышления об особенностях русского государства, так или иначе, приводили русских государствоведов к исследованию проблемы национального вопроса в России, к необходимости учета специфики многонационального и многоконфессионального характера государства при разработке конституционных проектов.

Авторы XIX в. исходили из единой, неделимой природы Российской империи, в которой, по определению М.И. Свешникова, «власть суверенна на всей своей территории»¹.

Значительное количество русских государствоведов – представителей либерального направления, в частности Н.И. Лазаревский, Б.Н. Чичерин, Н.М. Коркунов, Ф.Ф. Кокошкин, А.С. Яценко занимались исследованием статуса присоединенных территорий в рамках Российской империи. В состав Российской империи в разные периоды ее истории входили разные территории с более или менее широкой автономией. Яценко считал, что статус присоединенных к России территорий можно рассматривать как пример «федеративности» в истории государства Российского. В качестве таковых им были выделены следующие территории Российской империи:

- Малороссия (в период с 1654 по 1722 гг. во главе ее находился гетман, который выбирался на казачьей раде, утверждался царем в Москве и осуществлял верховную власть и суд);

- Прибалтийский край (в XVIII в. в Лифляндии и Эстляндии местными ландтагами (дворянскими собраниями) избирались на три года постоянные органы, городское самоуправление осуществляли магистраты и ратуши, действовали сословные суды);

- Бессарабия;

- Царство Польское (в Польше до 1830 г. действовала дарованная императором России Конституция, законодательную власть осуществлял Сейм, состоящий из Сената и Посольской избы, а исполнительную – Государственный Совет и шесть министров, имелась собственная армия);

- Великое Княжество Финляндское¹.

---

¹ Свешников М.И. Очерк общей теории государственного права. СПб., 1896. С. 212.

Коркунов выделял «в некоторых присоединениях России унию с нею как бы самостоятельных государств»². В качестве примера личной унии автор приводил Малороссию.

По решению Переяславской рады о воссоединении Украины с Россией было оформлено автономное положение Украины в составе России, а также определены права и привилегии казацких старшин, украинской шляхты и верхушки духовенства. В 1796 г. Левобережная Украина была преобразована в Малороссийскую губернию, Слободская Украина – в Слободско-Украинскую. Правобережье с 1832 г. составило Киевское генерал-губернаторство. Малороссийская губерния в начале XIX в. стала генерал-губернаторством, в которое вошли Черниговская и Полтавская губернии. На юге Украины в 1802-1803 гг. были созданы Екатеринославская, Херсонская и Таврическая губернии, вошедшие после 1812 г. вместе с Бессарабией в Новороссийско-Бессарабское генерал-губернаторство. Все это привело к полной утрате Украиной своей автономии.

В Российской империи отношения на началах протектората во второй половине XIX в. имели место в отношении Хивинского ханства и Бухарского эмирата. Хива и Бухара формально не были составными частями России. Хан Хивы по договору 12 августа 1873 г. признал себя «покорным слугою Императора Всероссийского» и отказался «от всяких непосредственных сношений с соседними владениями и ханами и от заключения с ними каких-либо торговых и других договоров без ведома и разрешения высшей русской власти в Средней Азии» и обязался не предпринимать никаких военных действий против них, но при этом за ханом сохранялась правительственная власть.

Отношения Бухары с Россией определялись договором 28 сентября 1873 г. Для «постоянных сношений с высшей властью России» в Средней Азии бухарский эмир назначал в Ташкент особого посланца и уполномоченного. С 1893 г. в Бухаре при эмире находился постоянный уполномоченный России.

Присоединенная к России Грузия вначале также рассматривалась как государство, состоящее под протекторатом России. По до-

---

¹ Яценко А.С. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. Юрьев, 1912. С. 783, 784.

² Там же. С. 133.

говору 1783 г. грузинский царь Ираклий признавал верховную власть Императора, обязался «быть всегда готовым на службу Ея Величества». Окончательное присоединение Грузии к России произошло в 1801 г. с изданием манифеста, которым Александр I объявил грузинскому народу, что, несмотря на свое желание восстановить самостоятельность Грузии, он силой обстоятельств вынужден сохранить царство Грузинское за Россией. В изданном в тот же день постановлении о внутреннем установлении Грузии сохранялось Уложение царя Вахтанга в качестве коренного грузинского закона. Действие этого Уложения сохранялось до 18 декабря 1870 г. С отменой его действия была окончательно отменена и всякая автономия грузинских земель.

Коркунов проследил, как постепенно Украина, Грузия, Польша утратили всякую автономию. Реальная уния, по мнению Коркунова, существовала только между Россией и Царством Польским в период с 1815 по 1832 гг.¹. Под реальной унией ученый подразумевал основанное на взаимном согласии соединение государств, благодаря этому имеющих общего монарха. Реальная уния существенно отличалась от личной унии, под которой понималось соединение государства, основанное на временной общности монарха, возникшей вследствие случайного совпадения в его лице права на престолы обоих этих государств.

Данное суждение вызвало возражения у большинства государствоведов. А.С. Алексеев отмечал, что Польша была присоединена к России в 1815 г. по Венскому договору, который определил, что Герцогство Варшавское соединено с Российской империей, что оно будет связано бесповоротно своим устройством, чтобы принадлежать российскому императору, его наследникам и преемникам навеки. Император сохраняет за собой право дать этому государству, пользуясь особым административным строем, внешние границы, какие ему заблагорассудится. Он присоединяет к своему титулу еще и титул Царя Польского. Исходя из этого положения, Алексеев сделал вывод, что «Варшавское герцогство было присоединено к России, таким образом, не в силу договора между Россией и Польшей, а в силу договора между государствами, заключившими Венский трактат. Мы имеем тут пример инкорпорации, а не реальной унии. Обстоятельства, вытекающие для России из Вен-

---

¹Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. I. Изд. 7. СПб., 1909. С.190.

ского договора, суть обязательства не по отношению к Польше, а по отношению к государствам, заключившим Венский трактат. Обязательства эти были исполнены государем Александром I»¹.

Интерес представляет трактовка статуса Финляндии в рамках Российской империи. Авторы, занимавшиеся данной проблемой, трактовали ее по-разному².

Соединение Финляндии с Россией считали реальной унией большинство финляндских исследований этого вопроса. Они исходили из того, что Великое Княжество Финляндское является особым, самостоятельным государством, соединенным с Россией только единством династии, т.е. признавали Россию сложным государством.

А.В. Романович-Славатинский считал, что Финляндия «не инкорпорирована, но находится в унии с Империей, в унии реальной, но не личной, так как они связаны неразрывно, личная же уния бывает временная»³.

Чичерин полагал, что Финляндия соединилась с Россией в 1809 г. на основе реальной унии, т.к. налицо был существенный признак реальной унии – то, что «троны обоих государств неразрывно связаны друг с другом, причем каждое из этих государств сохраняет свою политическую независимость, свое управление и устройство»⁴.

Кокошкин рассматривал Финляндию как промежуточную форму между провинцией и государством. «Там существует, – писал он, – свое народное представительство – сейм; несомненно, что власть его основана на внутреннем праве Финляндии, но, с другой стороны, там действует монархическая власть русского императора. Эта власть уже основана не на собственном праве Финляндии, а на праве России, основание ее не в финляндском народе, а в русском»⁵.

---

¹ Алексеев А.С. Русское государственное право. Конспект лекций. Изд. 3. М., 1895. С. 173.

² Романович-Славатинский А.В. Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии, сравнительно с государственным правом Западной Европы. Ч.1. Киев, 1886. С. 98; Коркунов Н.М. Указ. соч. С. 192-193; Устинов В.М. Краткий очерк русского государственного строя. М., СПб., 1915. С. 120; Лазаревский Н.И. Русское государственное право. Т.1. Конституционное право. Вып.1. Пг., 1917. С. 231.

³ Романович-Славатинский А.В. Указ. соч.

⁴ Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М., 1899. С. 26.

⁵ Кокошкин Ф.Ф. Русское государственное право. М., 1908. С. 77.

В.Е. Романовский полагал, что Финляндия вошла в состав России «путем так называемой «инкорпорации», как завоеванная страна»¹.

Лазаревский Н.И. отрицал существование унии России и Финляндии, считая последнюю «автономною провинцией». «Эта конструкция, – писал он, – принята быть не может. Реальная уния предполагает соединение двух государств, общность которых сводится к единству монарха, но которые остаются отдельными, не подчиненными друг другу. Идея реальной унии – это суверенитет каждого из соединенных государств»².

А.А. Жилин писал: «Кроме уний на равном праве, где оба государства сохраняют суверенитет, в старой литературе нередко выдвигалось также учение об унии на неравном праве, с известным подчинением одного государства другому. В новое время большинство ученых высказывается против этого учения. Но отдельные представители его иногда встречаются и теперь, полагая, что примерами уний на неравном праве могут служить: соединения Хорватии с Венгрией, Исландии с Данией, Финляндии с Россией и нек. др. Эти области имели свои местные законодательные органы и управление, значительно обособленное от общего управления государств, в состав которых они входят, тем не менее, государствами не являются, а потому нельзя говорить в отношении их об унии, которая предполагает связь двух независимых государств, а лишь о более или менее широкой местной автономии. Правильнее всего в отношении этих образований говорить об автономных областях»³.

Коркунов, как Э.Н. Берендтс и Б.Э. Нольде, выступал против теории о «финляндском государстве» и преувеличения конституционной основы устройства Великого княжества, хотя и не отрицал, что оно пользовалось в своих внутренних делах известной долей самостоятельности. Коркунов в своих работах детально осветил организацию власти как Финляндии, так и Польши, их законодательство, а также структуру органа финляндского народного представительства, при этом указав на его архаичный характер, не соответствовавший современным требованиям.

---

¹ Романовский В.Е. Государственные учреждения древней и новой России. М., 1911. С. 440.

² Лазаревский Н.И. Русское государственное право. Т. I. СПб., 1913. С. 265.

³ Жилин А.А. Учебник государственного права. Пособие к лекциям. Пг., 1916. С. 164-165.

Коркунов справедливо сделал вывод о том, что обособление окраин зачастую вело к сохранению там отживших и устарелых государственных институтов. Автор подчеркивал бесперспективность унии в монархическом государстве. Он писал: «Уния, как форма соединения государств, есть наследие старины, лишенное будущности. Она не выражает собой стремления к национальному единству и, предполагая полную независимость и обособленность составляющих ее государств, не может дать такого единства. В современных условиях государственной жизни уния является малоподходящей формой. Резкое обособление политических и частноправовых отношений, широкое развитие общественной жизни, решительное преобладание национальных интересов над династическими – все это делает теперь унию совершенно непригодной формой соединения государств. Современным условиям государственной жизни может соответствовать не случайное соединение, какова уния, а обусловленные общностью народных интересов и стремлений политические соединения самих государств»¹.

В. фон дер Остен-Сакен подчеркивал, что в пределах принадлежности Финляндии к Империи она обладала автономией, особым законодательством и особым управлением. Большое внимание проблеме присоединенных к России территорий уделяли Лазаревский и Н.С. Таганцев.

Лазаревский писал: «Русский Император в пределах Финляндии самодержавным государем не был; власть его была ограничена правами сейма. С 1863 г. это ограничение перестало сказываться только отрицательно (в смысле приостановки законодательства, признаваемого сеймовым), но стало проявляться и положительным соучастием народного представительства в законодательстве, причем с 1869 г. конституционное ограничение власти монарха, прежде основанное на довольно неопределенных обещаниях Императора Александра I, стало основываться на прямом постановлении закона»².

Таганцев проанализировал правовой статус Финляндии путем сравнительного исследования уголовного законодательства³. Исследователь пришел к выводу, что анализ изложенных правовых

---

¹ Коркунов Н.М. Указ. соч. С. 143.

² Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 247.

³ Таганцев Н.С. Уголовное право (Общая часть). Часть 1. По изданию 1902 года. М., 2003.

актов свидетельствует о том, что в Финляндии существовало свое законодательство, отдельное от общероссийского. Отличался и порядок принятия законов. Законы, предназначенные для действия в России, докладывались императору русскими властями. Законы, призванные действовать в Финляндии, докладывались императору финскими властями.

По мнению Лазаревского, «даже ст. 10, говорящая, что "власть управления во всем ее объеме принадлежит Государю Императору в пределах всего Государства Российского", очевидно должна быть толкуема в том смысле, что власть управления в объеме и формах, определяемых русскими законами, принадлежит Государю в России, и в объеме и формах, определяемых финскими законами, – в Финляндии. Это был именно параллелизм двух законодательных порядков, не подчиненных один другому, но самостоятельно каждый в своей сфере. При этом, этот параллелизм несколько нарушался тем, что в Финляндии действовал ряд русских законов, а в России действовал ряд финляндских законов»¹.

В. фон дер Остен-Сакен и Лазаревский по-разному отвечали на вопрос: является ли Финляндия государством.

Фон Остен выделил три признака государства в Княжестве Финляндия – собственное законодательство, собственное управление, собственное правосудие. Он писал: «Финляндия имеет собственную территорию и собственных граждан, эти два необходимых для существования государства элемента. Однако собственную территорию и собственных граждан имеют и другие публично-правовые союзы – общины, коммуны. Решающими для вопроса о наличии государства является существование господствующей власти. Так как русскому государству принадлежит принципиальное право вторжения во внутреннее устройство Финляндии, то последней недостает существенного элемента государства, государственной власти. Поэтому Финляндия не может быть государством. Осуществляемая в Финляндии Монархом власть есть русская государственная власть, выступающая здесь особым образом»².

Лазаревский справедливо подчеркивал, что «...положение Финляндии к 1910 г. могло быть определено следующим образом. Финляндия была государством, входившим в состав Российской

---

¹ Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 249.

² Барон фон дер Остен-Сакен В. Указ. соч. С 104.

Империи и составлявшим ее нераздельную часть. Это государство имело монарха, Великого князя Финляндского, по закону слитого в одном лице с Русским Императором, но юридически отличавшегося от него объемом своих прав и порядком их осуществления. Во внутренних своих делах Финляндия управлялась "особыми управлениями на основании особого законодательства" (ст. 2 Осн. Зак. 1906 г.). С формально-юридической точки зрения получившееся положение вещей не может быть конструируемо как установление какого-либо ограничения власти Российского Государства в Финляндии. Власть Государства Российского действовала и в пределах России, и в пределах Финляндии, и там и тут она была неограниченна. Но в России она действовала в порядке, установленном одними законами, и через одни учреждения, а в Финляндии в порядке, установленном другими законами (рецепированными шведскими или изданными согласно им местными законами), и при посредстве других учреждений»¹.

В подтверждение этого суждения можно заметить, что Бессарабия и Прибалтика не располагали автономией, однако имели отличные от Империи особенности управления и правового статуса. В Бессарабии было учреждено наместничество, был учрежден Верховный совет, получивший определенные права, независимые от центральной власти. Он возглавлялся наместником-президентом. В Крае действовал Устав об управлении Бессарабской областью 1828 г., который сохранил в силе местные законы и обычаи впредь до приведения их «в известность и составления из них особого права». В число этих законов входили византийский свод законов, Краткое собрание законов, подготовленное А. Доничем, грамоты государей.

М.М. Ковалевский в работе «Очерки по истории политических учреждений России» также рассмотрел историю польско-русских и финско-русских отношений. Он писал: «Некоторые части империи пользуются своими особыми преимуществами или, наоборот, стеснениями, имеющими своими источниками либо признание за ними старинных прав, либо же возмездие за политические обиды, которым подверглась Россия свыше сорока лет тому назад и которые она до сих пор считает заслуживающими особого наказания. Некоторые из этих изъятий, которые могут быть квалифицированы ла-

---

¹ Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 258.

тинским прилагательным *odiosa*, произошли от того, что благодаря случайности войны и политическим комбинациям, в состав империи вошло довольно большое число независимых государств»¹.

Автор, проводя исторические параллели между Царством Польским и Финляндией, признает за последней широкую автономию, однако призывает не смотреть на ее политические учреждения, как на не подлежащие критике. Ковалевский писал: «Мы не видим никакой существенной разницы между политическим, по крайней мере, положением Царства Польского в том виде, как оно было создано или, вернее, восстановлено в более узких границах Александром I, и положением великого Княжества Финляндского, которое было призвано к национальному существованию территориальными и конституционными уступками, сделанными в его пользу тем же монархом. Если бы Польша была объединена с Россией одной общей династией, но имела бы свое собственное местное и центральное самоуправление, то могущество империи не только не уменьшилось бы от этого, но даже в значительной степени усилилось бы, не говоря уже о том, что все славянские народы стали бы прибегать к покровительству России и к ее политическому руководству»².

Яценко сделал вывод, что «в России федерализм мыслим лишь как дробление единой суверенной власти. И потому он должен быть, безусловно, осужден»³. При этом следует отметить, что Яценко трактовал унию как особую форму конфедеративных государственных соединений, т.е., по сути, соединение двух обособленных государств, имеющих одного и того же монарха. Такая категория в отношении Польши и Финляндии им не применялась. Конфедерация (союз государств) определялась в общем плане как особый вид государственного образования, отличающийся от федерации (союзного государства) более слабой степенью централизации⁴.

С.А. Котляревский в работе «Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзор» ссылаясь на Г. Еллинека⁵, который для объяснения переходных политических форм со-

---

¹ Ковалевский М.М. Очерки по истории политических учреждений России. СПб., 1908. С. 214.

² Там же С. 226.

³ Там же. С. 786.

⁴ Там же. С. 314-315.

⁵ Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 1908.

здал теорию так называемых «государственных фрагментов». При этом автор призывал исходить из различия между самоуправляющейся частью унитарного государства и государством, входящим в федерацию.

Исходным началом воззрений А.Д. Градовского на проблему государственного устройства можно считать его тезис о том, что «каждая народность, т.е. совокупность лиц, связанных единством происхождения, языка, цивилизации и исторического прошлого, имеет право образовать особую политическую единицу, т.е. особое государство. Основу национального вопроса необходимо, прежде всего, искать в условиях культурного развития каждого народа. Каждая естественная народность представляет некоторую собирательную личность, отличающуюся от других особенностями характера, своих нравственных и умственных способностей, а потому имеющую право на независимое существование и развитие. Разнообразие национальных особенностей есть коренное условие правильного хода общечеловеческой цивилизации. Опыт истории показывает, что самостоятельное культурное развитие народа, вошедшего в состав чужого государства, приостанавливается. Народности, утратившие свою политическую самостоятельность, делаются служебным материалом для других рас»¹.

Градовский исходил из представления о государстве как упорядочивающем и объединяющем начале, отрицал идеи неизбежного и непримиримого противостояния личности и государства, общества и государства. Понимая под государством народность, национальное общество, он считал, что его члены связаны между собой общностью происхождения, языка, территории, нравов, обычаев, общностью исторического прошлого, т.е. «страну с ее народом в их исторически сложившемся единстве»². Следовательно, прочность государства ученый напрямую связывал с идеей национального развития.

Итак, в русском государствоведении конца XIX-начала XX вв. можно выделить два основных направления. Одно – либеральное, выступавшее против политики русификации национальных территорий, другое – проправительственное, которое поддерживало

---

¹ Градовский А.Д. Национальный вопрос в истории и в литературе. М., 2009. С. 29.

² Градовский А.Д. Сочинения. СПб., 2001. С. 55.

унификаторский курс центральной власти по отношению к окраинам, являясь сторонником концепции инкорпорации.

Первое направление было представлено русскими учеными Лазаревским, Ковалевским, В.Д. Спасовичем, А.Л. Погодиным, Н.И. Кареевым, А.А. Корниловым, Градовским, Чичериным, Коркуновым; финляндскими учеными Л. Мелехиным, Р. Даниельсон-Кальмари и Р. Германсоном, а также польскими публицистами и учеными В. Студеницким, Э. Пильцем и С. Ашкенази.

Предметом исследования авторов либерального направления являлось, прежде всего, определение государственно-правового статуса присоединенных территорий, возможность его изменения, а также общий ход правительственной политики в национальном вопросе.

О.А. Харусь (Томск)

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЛИБЕРАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ В РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА¹

Одним из наиболее значимых качественных изменений и своеобразным прорывом в постсоветской историографии российского либерализма стала ориентация специалистов на комплексное исследование этого феномена с учетом взаимосвязи и взаимообусловленности различных его составляющих: философия, политическая доктрина, социальные основы, программатика, поведенческие стратегии, социально-политические технологии и практики, ценностные ориентиры и ментальные установки и проч. Системный подход открывает широкие возможности для формирования целостного, а потому и более объективного представления об отечественном либерализме, позволяет наметить и реализовывать новые исследовательские стратегии и методики в анализе его исторических судеб.

---

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) - проект № 10-01-64101а/Т.

Вместе с тем сложившаяся в советской историографии традиция изучения либерализма преимущественно (а в ряде случаев – и исключительно) как политического явления, в контексте расстановки классовых и партийных сил в их борьбе за власть, остается довольно устойчивой. Частным примером такого одномерного подхода может служить интерпретация деятельности кадетов в легальных культурно-просветительских и научных обществах как продиктованной стремлением либералов использовать эти организации в качестве «прикрытия» для консолидации своих сторонников, а также средства преодоления организационного кризиса в 1907-1914 гг.¹

Не оспаривая существование подобных мотивов поведения в данном случае, представляется, однако, необходимым обратить внимание на то обстоятельство, что отнюдь не только они побуждали кадетов к активности на поприще просветительства. Любое историческое явление становится результатом совокупного действия множества факторов объективного и субъективного свойства. Наличие значительного количества исследовательских нарративов о конкретных исторических фактах участия отдельных либералов и либеральных групп в просветительской деятельности не снимает проблемы определения истоков и глубинного смысла данной поведенческой модели. Характеристика просветительской, как, впрочем, и любой другой формы социальной деятельности, вне определявшего ее содержание и направленность либерального дискурса, может привести к аберрации восприятия, поскольку предполагает смещение акцента на ситуативность связанных с просветительством действий отечественных либералов и оставляет без внимания их мировоззренческие и доктринальные основания.

Между тем обращение к теоретическому наследию российских либералов позволяет расценивать просветительскую деятельность как одно из ключевых стратегических направлений. Фактически все ведущие идеологи отечественного либерализма (К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин, П.Н. Милюков и др.) магистральный путь преодоления отсталости России от Европы связывали с формированием и разви-

---

¹ См.: Толочко А.П. Политические партии и борьба за массы в Сибири в годы нового революционного подъема (1910-1914 гг.). Томск, 1989. С. 123-124; Его же. Современная историография партийно-политического движения в Сибири в начале XX века. Омск, 2001. С. 60.

тием зрелой личности и просвещением народа. В унисон корифеям либерального направления преодоление «народного невежества», «умственной нищеты» считали первым шагом на пути к процветанию Отечества и их единомышленники в Сибири. «Будет Россия ... образованна, будет и богата», – писал в 1903 г. профессор Томского университета, будущий активный член кадетской партии Н.Я. Новомбергский¹. Однозначно связывал выход России из «заколдованного круга отсталости» с движением «со всеми цивилизованными народами по одному пути культурного прогресса, ... к одному общему идеалу – дать всем людям ... возможность пользоваться благами света культуры, на основах гражданской свободы и равенства» и один из лидеров красноярских кадетов А. Саввиных².

Функцию просвещения народа, формирования сознательной, деятельной, зрелой личности идеологи возлагали, в первую очередь, на либерально настроенную часть интеллигенции. Рассматривая пробуждение личностного начала у соотечественников в качестве необходимого условия и гарантии воскресения России, профессор Томского университета кадет И.А. Малиновский выражал убежденность в том, что свершить революцию сложившихся взглядов, мнений, убеждений и тем самым подготовить почву для изменения существующего порядка во имя общественного прогресса призван «просвещенный разум», носителем которого является интеллигенция³. С Малиновским полностью солидаризировался в этом вопросе его коллега по профессиональной и партийной деятельности И.В. Михайловский, считавший основным предназначением русской интеллигенции создание атмосферы высокой культуры, способствующей осознанию собственного достоинства, уважению к личности, к установившимся культурным формам общежития, к учреждениям и традициям и порождающей социальную стабильность⁴. В целом ряде своих работ, включая фундаментальный научный труд «Очерки философии права», Михайловский дал развернутое обоснование значения культурного прогресса, порожден-

---

¹ Новомбергский Н.Я. По Сибири. Сборник статей по крестьянскому праву, народному образованию, экономике и сельскому хозяйству. СПб., 1903. С. 76.

² Саввиных А.А. Тяжкое наследие // Голос Сибири. 1905. 7 декабря.

³ Малиновский И.А. Начальная страница из истории русской интеллигенции. (Ответ авторам «Вех»). Томск, 1909. С. 6, 7, 34, 35.

⁴ Михайловский И.В. Культурная миссия юристов. Правовые прелюдии к грядущей культуре. Томск, 1910. С. 2-4.

ного синтезом самых разнообразных факторов – научного, эстетического, нравственного, религиозного и проч. – для обеспечения социальных гарантий правопорядка ¹.

В целом, создание социокультурной среды, способной к адекватному восприятию процесса модернизации и оказанию ему содействия «снизу», представало в либеральной доктрине столь же значимым направлением общественного переустройства, как и осуществление высшими законодательными инстанциями реформ «сверху». Более того, общие закономерности формирования гражданского общества, по мнению либералов, должны были воплотиться в органичном сочетании этих двух направлений для обеспечения торжества правового порядка. Раскрывая свое видение такой логики поступательного общественного развития, Новомбергский писал: «Когда гражданская жизнь достигает известной степени выработанности, когда падают национальные, религиозные и сословные перегородки между гражданами одного государства, когда просвещение и культура становятся всеобщим достоянием, то закон обобществляется, народное правосознание покидает свои изолированные пути развития и неизбежно сливается с общим течением национально-государственного правообразовательного творчества»². Основанная на комбинировании «реформаторского» и «просветительского» компонентов стратегия была продиктована ключевыми идеями либеральной теории прогресса: постепенность, преемственность развития, совершенствование существующего в противовес его радикальному отторжению.

Таким образом, просветительская деятельность либералов имела серьезные доктринальные основания. Во многих случаях мотивация деятельности на поприще просветительства определялась также личностными ценностными ориентациями и установками. П.И. Макушин, член томского отдела кадетской партии, снискавший себе славу выдающегося общественного деятеля именно на этом поприще, так формулировал свое жизненное кредо: «Из дорог, ведущих народы к прочной свободе и благосостоянию, мною была

---

¹ Михайловский И.В. Очерки философии права. Томск, 1914. Т.1. С. 597-598; Его же. Университет и наука. Вступительная лекция в курсе философии права. Томск, 1908. С. 8; Его же. Религия и народное образование. Новониколаевск, 1918. С. 2-8.

² Новомбергский Н.Я. Волостной суд, преобразованный по закону 2-го июня 1898 года. Практическое руководство. Томск, 1910. С. XIII.

выбрана самая длинная и медлительная: широкое распространение среди народных масс образования»¹.

Отмеченные выше обстоятельства отнюдь не исключают того, что активизация просветительской деятельности либералов на определенных этапах была обусловлена спецификой конкретного исторического момента, диктовавшей необходимость смещения акцентов в выборе поведенческой модели.

Так, на рубеже XIX-XX вв. легальные культурно- и научно-просветительские организации сыграли совершенно исключительную роль в консолидации либералов Сибири ввиду отсутствия в регионе земства, являвшегося основной организационной структурой либерального движения в центре страны. Приобщение многих будущих членов сибирских отделов либеральных партий, прежде всего кадетской, к общественно-политической деятельности началось через их активное участие (как правило, на руководящих постах председателей, членов советов и правлений) в работе таких организаций, как «Общество попечения о начальном образовании» (Томск, Барнаул, Красноярск, Омск), «Общество взаимного вспомоществования учившим и учащим» (Тобольск, Иркутск, Верхнеудинск), «Общество содействия физическому развитию» (Томск), отделы и подотделы Русского географического общества (Омск, Иркутск, Чита), юридическое общество (Томск), сельскохозяйственные общества (Курган, Омск, Красноярск) и др.

Осознание либерально настроенной интеллигенцией ограниченности возможностей развития общей культуры, образования и правосознания населения в условиях существовавшего политического устройства послужило основой для проявлений политизации в деятельности просветительских организаций накануне революции 1905-1907 гг. и на ее начальном этапе. Так, например, на заседаниях «Совета школьного дела» и «Общества попечения о начальном образовании» в Барнауле (в обеих организациях, по сведениям администрации, либералы пользовались заметным влиянием) прямо ставился вопрос о зависимости устранения «недостатков учебного дела в гор. Барнауле» от «перемены господствующего ныне в России бюрократического режима в частности и современного государственного строя вообще»². Весьма критическое отношение к сло-

---

¹ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф.р.1582. Оп.1. Д.26. Л.1.

² Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 190. Оп. 1. Д. 68. Л. 24, 25.

жившейся обстановке, которая «принижает человеческое достоинство, гнетет личность, лишает её всякой инициативы», обнаружили члены томского юридического общества при обсуждении на заседании в октябре 1904 г. доклада профессора Малиновского «Вопросы права в сочинениях А.П.Чехова»¹. «Горячие пожелания скорейшего установления в нашем Отечестве неприкосновенности личности, свободы слова, совести и собраний, как необходимых условий процветания науки» выразил в приветственной телеграмме по случаю 150-летнего юбилея Московского университета в январе 1905 г. совет «Общества распространения народного образования и народных развлечений в Иркутской губернии», в состав которого входили многие будущие активные деятели местной кадетской организации². Сельскохозяйственные же общества сосредоточили свое внимание на отстаивании необходимости введения земства в Сибири, усматривая в этом одно из важных проявлений общего переустройства на началах правопорядка и гражданской свободы³.

Если в конце 1904-начале 1905 гг. проявления политизации просветительных организаций в духе либеральных устремлений имели единичный характер, то по мере обострения общеполитической ситуации в стране они приобрели систематический характер, едва ли не оттеснив в какой-то момент на второй план изначальное предназначение этих легальных институтов. Важным стимулом для активного включения культурно-просветительных и научных обществ в процесс подготовки проектов политических реформ стал рескрипт 18 февраля 1905 г. на имя министра внутренних дел А.Г. Булыгина о создании законосовещательного органа, предоставивший право подачи петиций «по вопросам усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния». На собраниях томского юридического общества, общества врачей Енисейской губернии, «Обществ вспомоществования учащих и учивших» в Енисейской губернии, в Акмолинской области и в Томске, томского, барнаульского и красноярского «Обществ попечения о начальном образовании» и других подобных организаций выдвигались требования гражданских свобод (права личной непри-

---

¹ Право. СПб., 1904. № 47. Стб. 3277-3279.

² Восточное обозрение. Иркутск, 1905. 13 янв.; Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 601. Оп.1. Д.170. Л. 42.

³ Енисей. Красноярск, 1905. 19 января, 23 февраля; Восточное обозрение. Иркутск, 1905. 6 января, 8 февраля.

косновенности каждого, свободы совести, слова, печати, собраний и союзов), обсуждались принципы формирования представительного органа и возможный круг его полномочий.

С созданием же в конце 1905 - начале 1906 гг. сибирских отделов кадетской партии именно к ним естественным образом перешла роль организационных центров либеральной оппозиции и соответствующие политико-пропагандистские функции. Впоследствии местные либералы с определенной долей сожаления констатировали собственную пассивность в использовании возможностей культурно-просветительных организаций в период первой революции, объясняя это тем, что годы освободительного движения ... отвлекли все силы общества от так называемых «малых дел» и направили их на более широкую дорогу «гражданских подвигов»¹.

Очередной пик активности сибирских либералов в культурно-просветительных организациях и научных обществах был связан с глубоким организационным кризисом кадетской партии, порожденным целым рядом объективных и субъективных обстоятельств: запрет на основании правительственного указа 14 сентября 1906 г. членства в оппозиционных партиях должностным лицам, отсутствие у кадетов официального статуса легальной партии, различные формы репрессий по отношению к наиболее деятельным ее представителям, идейно-политическая разногласия в среде членов партии по ряду вопросов, политическая апатия, охватившая некоторых из них в период реакции и т.д. Ослабление, а затем и фактическая ликвидация партийных структур при отсутствии правительственного мандата на их легальную деятельность, побудили представителей нелиберального направления² перераспределить свои силы.

Акценты в практической деятельности были резко смещены с решения организационно-партийных проблем на задачи активизации работы в различных легальных обществах. Использование подобных форм деятельности воспринималось кадетами как средство сплочения сочувствующих им лиц, сохранения позиций в среде интеллигенции, распространения своего влияния на демократические

---

¹ Сибирские вопросы. СПб., 1910. № 5. С. 56.

² Октябристы как представители консервативно-либерального направления с началом периода реакции и распадом местных отделов «Союза 17 октября» все помыслы и политические ожидания связали с Государственной думой, а проявления социальной активности свели, соответственно, к участию в избирательных кампаниях в III и IV Думы.

слои населения и вместе с тем как рычаг для оживления общественной самодеятельности в условиях реакции и вызванной ими апатии. К тому же выход из организационного кризиса руководство партии народной свободы связывало с обеспечением легальных занятий ее членам. Состоявшееся 19-20 апреля 1908 г. в Москве совещание членов ЦК ПНС, фракции и представителей 15 губерний отвергло переход к нелегальным формам деятельности как совершенно неприемлемый для конституционных демократов и рекомендовало в качестве главного пути сохранения местных кадров, наряду с борьбой за местные самоуправления, участие в культурно-просветительных организациях. В докладе ЦК подчеркивалось, что вступать в просветительские общества следует «не для политической агитации, а для тех целей, которым они предназначены»¹.

С одной стороны, подобное заявление отражало характерное для *тактики* кадетского руководства в этот период стремление подчеркнуть аполитичность деятельности легальных организаций, через которые либералы рассчитывали укрепить свои позиции. Но вместе с тем его, по-видимому, можно расценивать и как свидетельство стремления активизировать усилия в реализации стратегических намерений партии по развитию общей культуры и формированию зрелого гражданского сознания. Во многом это стремление стало результатом рефлексии по поводу событий минувшей революции. Михайловский выражал убеждение в том, что огромная часть социальных и политических бедствий, выпавших на долю России в XX в., объяснялась именно необразованностью в самом широком смысле, под которой он подразумевал абсолютное невежество и темноту масс, устрашающе низкий уровень образования учащихся средней и высшей школы и, наконец, безнадежную путаницу в умах большей части интеллигенции². Это убеждение разделяло большинство либералов.

Стратегическое видение, конкретизированное в тактических установках руководства партии, определило модель поведения, неотъемлемым компонентом которой стало активное участие либералов в деятельности культурно- и научно-просветительных обществ. Сибирские кадеты закрепили свои позиции в руководящих органах общества «Просвещение» (Иркутск, Омск), «Общества

---

¹ Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство. Л., 1978. С.110.

² Михайловский И.В. Очерки философии права ...С. 597-598.

народных развлечений» (Иркутск) и «Общества сибирских инженеров» (Томск), в «Обществе самообразования и физического развития» (Омск), в местных отделениях «Общества для распространения просвещения между евреями России» (Иркутск, Томск) и «Лиги образования» (Красноярск). Продолжили свою деятельность и другие, созданные ранее легальные просветительские организации. С 1909 г. возобновило свою деятельность под председательством приват-доцента Томского университета кадета М.И. Боголепова юридическое общество, не собиравшееся более трех лет. Члены общества охотно выступали с публичными лекциями в самых различных аудиториях. Так, в марте 1912 г. Малиновский прочитал лекцию «О крепостном праве в русской художественной литературе» для членов «Общества взаимного вспоможения приказчиков в городе Томске» и их семейств, а Боголепов – публичную лекцию «Как иностранные города заботятся о нуждах горожан» на собрании, организованном по инициативе председателя томского «Общества попечения о начальном образовании» кадета С. Горохова¹.

Особое место в ряду культурно-просветительных и научных организаций региона в межреволюционный период занимало «Общество изучения Сибири и улучшения ее быта», созданное в марте 1908 г. по инициативе сибирской парламентской группы². Специфика общества определялась прежде всего его изначальным предназначением в качестве внедумской организации, призванной оказывать содействие сибирской парламентской группе в разработке законопроектов путем сбора материалов и научного исследования различных сторон жизни региона. И хотя устав общества ставил перед его членами вместе с тем и просветительские задачи – распространение научных сведений через публичные лекции и издание научных трудов, однако основные усилия либерально настроенной интеллигенции, находившейся у руководства отделов в губернских и областных центрах, а также в некоторых уездных городах Сибири, оказались сконцентрированными на научно-исследовательской деятельности, что парализовало интерес к обществу со стороны горожан.

В целом анализ опыта практической деятельности сибирских либералов в просветительных организациях свидетельствует о том,

---

¹ Право. СПб., 1909. № 9. Стб. 593; ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2821. Л. 21-24.

² Сибирская жизнь. Томск, 1909. 3 мая.

что наряду со стратегическими по своему характеру задачами развития культуры и общественного сознания населения, эти легальные институты решали и сугубо тактические задачи. Последние могли быть связаны, в частности, с консолидацией единомышленников, стимулированием общественной активности, пропагандой конституционных идей или научным обоснованием различных законодательных инициатив и преобразований. При этом как сам состав этих задач, так и их соотношение в практике отдельных организаций могли существенно различаться в зависимости от множества обстоятельств объективного и субъективного характера. Естественно, что оценка роли конкретных организаций в политической, социальной, экономической, научной и других сферах общественной жизни должна учитывать специфику их назначения и профиля деятельности в данный исторический момент.

Вместе с тем широкий спектр и разнообразие тактических задач в деятельности просветительских организаций не исключали единства их стратегической миссии. Представление о необходимости формирования адекватной либеральным преобразованиям социокультурной среды, в том числе на основе развития народного образования и распространения просвещения, являлось своеобразным маркером коллективной идентичности либерально настроенной интеллигенции и важным элементом интеллигентского дискурса о долге перед народом. Стратегия поведения интеллигенции в начале XX в. во многом определялись традиционной просветительской парадигмой¹. И эта же парадигма закрепляла в сознании ее представителей четкую демаркационную линию между интеллигенцией как носителем «просвещенного разума» и народом, нуждающимся в просвещении. В результате последнему (особенно с учетом низкого уровня образования) в рамках культурной коммуникации отводилась исключительно роль объекта, а сама коммуникация, во многом основанная на использовании недоступных восприятию реципиента кодов с оттенком патерналистского к нему отношения, оказывалась явно недостаточно эффективной. Однако следует признать и то обстоятельство, что просветительство как поведенческая

---

¹ См.: Сабурова Т.А. Конструирование идентичностей и социально-культурные практики интеллигенции в Сибири в конце XIX-начале XX вв. // Сибирское общество в условиях трансформаций конца XIX-начала XX вв.: идентичность и стратегии поведения. Омск, 2009. С. 204-211.

стратегия едва ли способна обеспечить ощутимые результаты в режиме короткого исторического времени. Возможности же для протяженной во времени социокультурной эволюции были заблокированы объективными реалиями России начала XX в.

Тем не менее, сам по себе выбор либералами просветительства в качестве ключевой поведенческой стратегии, основанный на не утратившем своей актуальности признании исключительной роли образования и культуры как факторов модернизации и цивилизационного развития в целом, имеет несомненное значение в широком историческом контексте.

Ф.А. Селезнёв (Нижний Новгород)

ОТНОШЕНИЕ СТАРООБРЯДЦЕВ К ПРОГРАММАМ КАДЕТОВ И ОКТЯБРИСТОВ

Русское старообрядчество никогда не представляло единого целого. Оно разделялось на разные толки и согласия. Самыми многочисленными и хорошо организованными были поповцы, приемлющие священство белокриницкой иерархии. Поскольку их церковный центр (Белая Криница), находился на территории Австро-Венгрии, их еще называли «австрийцами». За политическое лидерство внутри старообрядчества белокриницкой иерархии боролись три силы: попечители, духовенство и начетчики.

Попечители (богатые купцы во главе с нижегородским пароходчиком Д.В. Сироткиным) являлись организаторами всероссийских старообрядческих съездов. В эпоху, когда духовенство белокриницкой иерархии не признавалось и преследовалось властями, съезды играли главную роль в церковно-общественной жизни «австрийского согласия». Но и после снятия в 1905 г. религиозных ограничений руководство съездами не собиралось уступать своего лидерства Освященному собору во главе с архиепископом Иоанном.

Что касается начетчиков (мирян, допущенных к чтению религиозных текстов в церкви или на дому у верующих), то в старообрядчестве им принадлежала особая роль. Начетчики вели диспуты с миссионерами «господствующей церкви», выступали как авторы

религиозно-публицистических сочинений, просветители и пропагандисты. Они являлись интеллигенцией старообрядчества и, как правило, были негативно настроены по отношению светским и духовным властям.

Какая из этих сил политически доминировала в старообрядческой среде? И к кому были ближе старообрядцы в целом после 1905 г. – к сторонникам власти или к ее противникам? Для ответа на этот вопрос рассмотрим отношение старообрядцев к программам партии Народной свободы (наиболее влиятельная в Государственной думе оппозиционная сила) и «Союза 17 октября» (в 1906–1908 гг. – оплот правительства П.А. Столыпина), уделив особое внимание аграрному вопросу, вызывавшему тогда наибольшие разногласия в обществе.

Политическое кредо старообрядчества накануне выборов в I Государственную думу должно было определиться на II чрезвычайном старообрядческом съезде в Москве. Он открылся 2 января 1906 г. и привлек значительное внимание прессы и политических партий. На съезд прибыли корреспонденты газет, а также представители октябристов, широко распространявшие свои воззвания¹. Присутствовали на съезде и наблюдатели-кадеты (в лице журналиста С.П. Мельгунова).

Как полагал Мельгунов (историк, сотрудник газеты «Русские ведомости»), и кадеты, и октябристы в будущем могли собрать среди старообрядчества «богатую жатву». Из числа членов Совета съездов к числу явно выраженных сторонников «Союза 17 октября» на тот момент можно отнести П.П. Рябушинского и И.А. Пуговкина. Сложнее обстояло дело с председателем Совета, Сироткиным. Как писали кадетские «Русские ведомости», Дмитрий Васильевич разделял «взгляды прогрессивных партий и в том числе конституционно-демократической». Свое членство в Партии народной свободы он, по мнению этой (кадетской) газеты, не оформлял только потому, что «не мог, как член религиозной организации, вступить в ряды какой-либо политической партии»². Однако в открытой форме своих симпатий к конституционным демократам Дмитрий Васильевич никак не проявил. Более того, в дальнейшем кандидатом в выборщики в

---

¹ Мельгунов С.П. Старообрядчество и освободительное движение // Русские ведомости. 1906. 1 февраля.

² Русские ведомости. 1906. 3 марта.

Государственную думу его называли не кадеты, а октябристы. Отметим также, что доклад, сделанный на съезде заместителем Сироткина и его ближайшим сотрудником, М.И. Бриллиантовым, был выдержан скорее в октябристском, чем в кадетском духе. В частности, Бриллиантов заявил: «Несмотря на все преследования и гонения, страдальцы за свободу веры – предки наши, старообрядцы, – не покушались с оружием в руках и бомбами под мышкой на власть русских царей. Они, внимая словам Спасителя мира, шли иным путем – они покорно просили царскую власть даровать это благо свободы и пролитием не чужой, а собственной крови домогались получить просимое освобождение»¹. В этой тираде явно прослеживается скрытая полемика с жестко-оппозиционной лексикой левой оппозиции, употреблявшейся в предвыборной борьбе и кадетами.

Итак, Совет съездов в лице своих лидеров-предпринимателей больше склонялся к «Союзу 17 октября». Правда, по оценке кадета Мельгунова, избирательная платформа, предложенная Советом съездов II съезду старообрядцев, занимала «среднее положение между платформами партии 17 октября и конституционно-демократической»². Однако это суждение, скорее всего, было сделано кадетским публицистом в пропагандистских целях. Октябристские элементы в избирательной платформе старообрядцев явно преобладали.

В изложении Мельгунова эта платформа выглядела следующим образом:

- единство России;
- сохранение царской власти, опирающейся на решения народных представителей в лице Государственной думы;
- законодательный характер Государственной думы;
- всеобщее избирательное право;
- отмена всех сословных преимуществ;
- защита от произвола;
- свобода слова, совести, печати, собраний, союзов;
- демократическое местное самоуправление;
- отчуждение помещичьих земель;

---

¹ Труды VII Всероссийского съезда старообрядцев в Нижнем Новгороде 2 – 5 августа 1906 г. и 2 чрезвычайного съезда старообрядцев в Москве 2-3 января 1906 г. Нижний Новгород, 1906. С. 195.

² Мельгунов С.П. Указ. соч.

– решение вопросов фабрично-заводского быта сообразно справедливым желанием рабочих и применительно к тем порядкам, которые уже существуют в благоустроенных государствах с развитой промышленностью.

Чисто «октябристскими» элементами этой платформы были пункты о единстве России, о сохранении царской власти и о путях решения рабочего вопроса. (Кадеты выступали за автономию окраин, 8-часовой рабочий день и еще не отказались от лозунга Учредительного собрания). Законодательный характер Государственной думы был возведен Манифестом 17 октября 1905 г. и устраивал и кадетов, и октябристов. Требования об отмене сословных преимуществ присутствовали в первом пункте программы КДП¹. Но там они соседствовали с отменой ограничения прав поляков и евреев, чего старообрядцы в своей платформе не указали, проигнорировав, тем самым, одно из ключевых кадетских требований. Положения о свободе слова, печати, собраний и союзов, защите от административного произвола и возможности отчуждения частновладельческих земель присутствовали в программах и конституционных демократов, и октябристов, но «ударными», основополагающими они были именно у Партии народной свободы. Специфически кадетскими являлись лозунги о всеобщем избирательном праве и демократическом местном самоуправлении.

Избирательная платформа, предложенная Советом съездов, была детально обсуждена делегатами II съезда чрезвычайного старообрядцев. Некоторые ее пункты вызвали острые разногласия. Причем наибольшее сопротивление вызвали как раз «кадетские» элементы платформы. В конце концов, съезд все-таки пришел к единому мнению и решил поддерживать тех кандидатов, которые (помимо отстаивания старообрядческих вероисповедных интересов) будут защищать в Государственной думе:

1. Единство и целостность России;
2. Сохранение царской власти, опирающейся на решения народных представителей в лице Государственной думы;
3. Отмену всех сословных преимуществ и ограничений;

---

¹ Программа конституционно-демократической партии (партии народной свободы) // Российские либералы: кадеты и октябристы (документы, воспоминания, публицистика). М., 1996. С. 51.

4. «Изменение нынешнего чиновничьего строя и замену его народными, более доступными для населения учреждениями»;

5. Введение всеобщего начального бесплатного обучения;

6. Наделение крестьян новой землей «из государственных, удельных, монастырских и частных имений» «при помощи государства и при условии вознаграждения по справедливой оценке частных собственников за те земли, которые будут подлежать передаче крестьянам»;

7. Решение вопросов фабрично-заводского быта сообразно справедливым желанием рабочих и применительно к тем порядкам, которые уже существуют в благоустроенных странах с развитой промышленностью;

8. «Более правильное распределение налогов в зависимости от доходов»¹.

Как видим, все специфически кадетские элементы были изъяты из платформы. В отличие от кадетской программы, в старообрядческой платформе ничего не говорилось ни о 8-часовом рабочем дне, ни о страховании рабочих, ни о введении подоходного налога. Съезд отверг кадетский лозунг автономии окраин, выступив за «единство и целость России». Старообрядцы не поддержали кадетское требование всеобщего избирательного права. Таким образом, в ключевых пунктах съезд старообрядцев явно склонился в сторону «Союза 17 октября».

Такой исход не вызвал удивления у Мельгунова. По его мнению, съезд отражал «преимущественно интересы старообрядческой буржуазии», а старообрядцы-капиталисты, как считал Мельгунов, «в силу своего общественного положения» «будут принадлежать» партии октябристов².

Последнее замечание кадетского публициста очень важно для характеристики отношения конституционных демократов к буржуазии вообще. Оно еще раз показывает: кадеты не считали свою партию буржуазной. Более того, они не стремились привлечь буржуазию в свои ряды. А вот «Союз 17 октября» в их глазах являлся купеческой партией. Соответственно, октябристов, по Мельгунову, и должны были поддерживать «старообрядцы-капиталисты» – должны уже в силу своего «общественного положения».

---

¹ Труды VII Всероссийского съезда... С. 200 -201.

² Мельгунов С.П. Указ. соч.

Если кадеты не считали себя буржуазной партией, то и старообрядческое купечество не признавало конституционно-демократическую партию своей. Ее резко оппозиционной настрой не разделялся многими предпринимателями-старообрядцами. Именно так нужно рассматривать изъятие из предвыборной платформы наиболее конфронтационных пунктов.

Политическая позиция старообрядческой буржуазии, обозначенная на II чрезвычайном съезде, в целом оставалась неизменной до конца революции. Она была близка к линии «Союза 17 октября», взявшего курс на сотрудничество с правительством Столыпина.

Состоявшийся 2-5 августа 1906 г. в Н.Новгороде VII съезд старообрядцев по предложению Сироткина послал телеграмму Столыпину с просьбой о том, чтобы выработанное на предыдущем, VI съезде «Положение о церковно-приходской старообрядческой общине» было издано до созыва новой Государственной думы царским указом (по 87 статье Основных законов). Напомним, что незадолго до этого была распущена I Государственная дума. Конституционные демократы требовали ее восстановления и крайне негативно воспринимали законодательные меры, проводившиеся кабинетом Столыпина в обход Думы, по 87 статье.

Столыпин быстро откликнулся на просьбу старообрядцев. 17 октября 1906 г. издан Указ Николая II Сенату о введении в действие «Правил о порядке устройства последователями старообрядческих согласий общин, а также правах и обязанностях сих лиц». (В этом указе были максимально учтены пожелания старообрядческой буржуазии, что вызвало нарекания со стороны старообрядческого духовенства и начетчиков, соперничавших с купцами-попечителями за влияние в общинах).

В свою очередь правительство Столыпина решило использовать потенциал старообрядчества для реализации программы переселения малоземельных крестьян на Дальний Восток.

29 марта 1907 г. Главное управление земледелия и землеустройства в лице главноуправляющего, князя Васильчикова, направило в Совет старообрядческих съездов письмо с предложением обеспечить бесплатный железнодорожный проезд на Амур представителям старообрядцев, чтобы они выбрали удобные места для переселения. Совет съездов оповестил об этом старообрядческие приходы, а 25-26 июля 1907 г. организовал в Москве съезд

крестьян-ходоков уполномоченных своими общинами для поездки на Дальний Восток.

Самое деятельное участие в переселении крестьян-старообрядцев на Дальний Восток приняли Сироткин и Рябушинский (несмотря на то, что последний в 1906 г. перешел из проправительственного «Союза 17 октября» в Партию мирного обновления).

Переселение малоземельных крестьян на Дальний Восток было составной частью столыпинской аграрной реформы. А эта реформа, как и политика Столыпина вообще, вызывала резкое неприятие всех левых, оппозиционных партий – от кадетов до большевиков. Как выяснилось в ходе дебатов о переселении крестьян-старообрядцев на Дальний Восток, и среди старообрядцев в этом вопросе тоже имелись сторонники оппозиции. Решающее столкновение сторонников и противников переселения произошло на IX Всероссийском съезде старообрядцев, работавшем 2-4 августа 1908 г. в Нижнем Новгороде.

На нем был прочитан доклад Совета Съезда по переселению заграничных старообрядцев на Дальний Восток. О своих впечатлениях от Амурской области рассказали вернувшиеся оттуда ходоки-старообрядцы из Румынии. Они сообщили, что на Амуре «добрая» земля, есть возможность заработать, и они сами получали до 5 рублей в день. На это близкий к кадетам священник Авив Бородин заявил, что жизнь в Сибири «слишком хорошо рисуется». Т.С. Бирюков (редактор оппозиционного журнала «Старообрядцы») также утверждал, что доклад о переселении «составлен односторонне»¹.

Тогда Сироткин поставил на закрытую баллотировку вопрос о доверии Съезду и одобрении действий его по переселению. Доверие было единогласно выражено (воздержался только Авив Бородин). Это стало крупной победой Сироткина и Рябушинского. Работа по содействию переселенцам была продолжена.

Таким образом, в 1906-1908 гг. большинство старообрядческой элиты действовало в русле правительственной политики. С оппозицией старообрядцам оказалось не по пути, и, прежде всего, потому, что правительство в указанный период реально удовлетворило важнейшие нужды приверженцев Древлеправославной церкви.

---

¹ Труды Девятого Всероссийского съезда старообрядцев в Нижнем Новгороде 2-4 августа 1908 г. Нижний Новгород, 1908. С. 18-21.

А.В. Репников (Москва)

КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ НАЧАЛА ХХ В. В ОЦЕНКАХ КОНСЕРВАТИВНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ

Русские консерваторы неоднозначно оценивали процесс капитализации России и связанные с ним социальные проблемы. Правовед и этнограф А.А. Башмаков полагал этот процесс естественным: «По переводным книжкам, занесенным к нам из стран, где отрицательные стороны капитализма успели вызвать страдания масс, мы начали проклинать у себя капитал, когда он у нас еще не сложился и не успел даже оплодотворить нашу страну. Так с малолетства русский человек на основании чужого опыта настраивается против одной из тех сил, развитие которых особенно необходимо, дабы вывести его из варварства»; в результате в ходе революционных выступлений происходит процесс слияния инстинкта "коммуниста-степняка" с "умствованиями Маркса и Каутского", и воззрения, прирожденно имеющиеся у человека, «не доросшего до собственности, совпадают с поздним умом пресыщенных избытком цивилизации. Так растет молодой человек в России, заранее, как баран на заклание, предназначенная жертва всепроникающего социализма»¹.

Черносотенный публицист П.Ф. Булацель, напротив, критиковал капитализм с правых позиций: «Тысячи изувеченных и погибших в пламени людей, десятки тысяч потерявших все свое имущество, стоны и проклятия по адресу промышленных заведений и бессердечных слепых машин, ежегодно убивающих в Европе больше народу, чем самые убийственные войны, все это громко взывает к человеческой справедливости и ясно указывает на необходимость предоставить частным лицам более широкие права для борьбы со злоупотреблениями фабрикантов и заводчиков»². Он писал, что «в любом промышленном центре тысячи людей ютятся вблизи фабрик и заводов, наполняющих зловоньями, дымом и копотью окрестный воздух, портящих проточную воду, заражающих

---

¹ Вещий Олег [Башмаков А.А.]. Великое рушение. СПб., 1907. С. 14–15.

² Булацель П.Ф. Борьба за правду. СПб., 1912. Т. 2. С. 280.

источники для питья, докучающих соседям гулом, шумом и свистом. Большинство таких данников промышленности сами избрали себе столь неудобное местожительство под гнетом нужды, заставляющей рабочий люд ютиться и в сырых подвалах, и душных чердаках»¹. В своей юридической практике Булацель, в частности, поддержал иск ревельского домовладельца купца К.Н. Менда к акционерному обществу Р. Майера о закрытии химического завода, деятельность которого наносила вред окружающей среде, полагая, что «как бы сильно не было заинтересовано правительство в поощрении заводской промышленности... общее благо требует, чтобы жизнь большинства людей не укорачивалась, не подвергалась беспокойствиям и стеснениям, чтобы здоровье и душевное спокойствие не терпели слишком много от неприятного соседства все более и более развивающихся промышленных предприятий»².

Историк Д.И. Иловайский связывал возникновение социалистических учений на Западе с существовавшими там «ненормальными отношениями» между массой населения и количеством земли. Проникновение этих идей в Россию он объяснял исключительно антинациональным настроением части отечественной интеллигенции. В статье «По поводу марксизма и сумбура в умах» Иловайский оценивал «Капитал» К. Маркса как «удивительную смесь экономических положений с историческими и практическими осложнениями», полагая, что Маркс руководствовался «слепой ненавистью к капиталистическому производству» и «буржуазному строю», а его выводы «менее всего подходят к нам, т.е. к России»³. Неприменимость марксизма к России Иловайский обосновывал ее географическими особенностями, отличными от Запада исторической почвой, общественным и государственным укладом: «Могут ли иметь какое-либо серьезное отношение к нам все эти интернационалки и коммуны? Никакого, кроме возможности делать поучительные наблюдения и уяснять себе уроки истории»⁴. Иловайский не признавал наличие в России пролетариата: «Известно, что особого рабочего сословия в России почти нет, что наши заводско-фабричные рабочие суть те

---

¹ Там же. С. 276.

² Там же. С. 77.

³ Цит. по: Рогожин Н.М. Д.И. Иловайский (1832–1920) // Историография истории России до 1917 г.: учебник для студентов высших учебных заведений. М., 2004. Т. 2. С. 107.

⁴ Там же.

же крестьяне, которые не находят себе достаточно занятий в деревне... рабочего вопроса у нас не было бы, если бы его искусственно не возбуждала противурусская часть интеллигенции с помощью еврейской печати»¹.

Националист М.О. Меньшиков считал, что «капитализм – самое страшное, что выдвинуло последнее полу столетие... На капитал мечут громы... Под колесницей его, под миллионом фабричных колес, выжимаются действительно соки народные», признавая при этом, что «капитализм пока единственное средство спасти человечество от анархии»². Успехи социализма он объяснял «упадком личности» и тем, что «для обессиленных, обесцвеченных, измятых душ из всех состояний самое подходящее – рабство, и XX век, вероятно, для многих стран осуществит эту надежду»³. Описывая механизм превращения человека в «винтик» грядущего общества, Меньшиков отмечал: «Когда от человека отойдет забота о самом себе, когда установится земное провидение в виде выборного или иного Олимпа земных богов, тогда человек окончательно превратится в машину. За определенное кол-во работы эту машину будут чистить, смазывать, давать топлива и т.п. Но малейшее отклонение машины от указанной ей роли встретит неодолимые преграды. Меня лично, эта утопия не прельщает»⁴. В позиции Меньшикова прослеживается влияние Ф. Ницше. Свободная конкуренция, по его мнению, помогает выживать сильнейшим; происходит «дарвиновский отбор жизнеспособных». Государство, обеспечивая «свободу соревнования» обеспечивает и «свободу самоопределения каждого». Одни используют эту свободу для государственного и своего блага, а другие бездельничают и живут в нищете: «Подобно блондинам и брюнетам, верующим или неверующим, умным или глупым, типы бедных и богатых — *рождаются*. Кто по натуре своей богат, то даже родившись в подвале, он в большинстве случаев выберется из нищеты и добьется богатства... кто по натуре бедняк,

---

¹ Кремль. 1906. 19 октября. № 26/28.

² Меньшиков М.О. Национальная империя. М., 2004. С. 211.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 42–43.

то родившись в семье миллионера, он всю жизнь будет безотчетно стремиться к бедности»¹.

Капитализм и буржуазия для многих правых воспринимались как нечто синонимичное и совершенно противоположное самодержавию и аристократии. По мнению члена Союза русского народа А.А. Майкова, «учреждение в России парламентаризма, связанного с ограничением царской власти, отдало бы весь русский народ в руки богачей капиталистов», поскольку именно богатые получают преимущество при выборах². Член Союза русских людей А. Григоров считал, что термин «власть народа» является фикцией, поскольку во всех парламентах «главнейшими представителями народа являются... денежная интеллигенция и буржуазия»³. Булацель подозревал правительство П.А. Столыпина в том, что оно хочет «достигнуть всеобщего недовольства всех правых, затем сравнить их с крайними левыми и на костях русских патриотов и русских фанатиков революционеров создать конституцию, которая быстро превратится в буржуазно-банкирскую республику...»⁴. Он полагал, что «доказать всю призрачность и лживость конституционных теорий можно, только вступив в ожесточенную борьбу с представителями могучей буржуазно-капиталистической шайки, которая всеми средствами стремится к власти. Эта шайка алчных честолюбцев имеет своих агентов и руководителей повсюду, начиная от рабочих казарм и кончая дворцами. Слугами этой партии зачастую являются не только чиновники, министры, но даже и герцоги и короли. Эта партия под видом конституции добивается *власти для денег*, а деньги затрачивает опять на то, чтобы приобрести еще больше власти»⁵.

Дипломат и геополитик Ю.С. Карцов выражал свое убеждение, что хотя в России и проходят реформы, «тем не менее, к самодержавию... европейское общественное мнение при всяком случае выражает свою антипатию... Искать объяснения в мотивах идеологи-

---

¹ Российский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX века). Вып. IV. М.О. Меньшиков. Материалы к биографии / Публ. М.Б. Поспелова. М., 1993. С. 28.

² Майков А.А. Революционеры и черносотенцы. СПб., 1907. С. 28.

³ Григоров А. Земский собор и Русская государственность // Мирный труд. 1907. № 5. С. 42.

⁴ Булацель П.Ф. Борьба за правду. СПб., 1908. Т. 1. С. 130.

⁵ Там же. С. I.

ческих, любви к свободе и т.п. было бы не только ошибочно, но и наивно. Дело в том, что, сколько бы в это вино воды ни вливали, по существу своему самодержавие есть начало мистическое, глубоко народное и боевое. В страхе за свои карманы западные капиталисты предвидят минуту, когда оно найдет себе выражение и вдруг сделается стягом самобытности и освобождения. Напротив, конституция знаменует подчинение. Санкцией народного согласия она захватам международного капитала придает вид легальности»¹. Председатель Астраханской монархической партии Н.Н. Тиханович-Савицкий в «Основных положениях народных монархических союзов» (1916 г.) писал, что «народу нужен царь самодержавный, богачам нужны – конституция и парламент. Банки, синдикаты, богачи-промышленники при поддержке содерж[имых] ими газет, буржуазных классов общества и части так называемой интеллигенции... требуют конституции... Требование богачами конституции вполне понятно, – она в их интересах: когда государь будет ограничен и министры будут в зависимости от Думы, то банки, капиталисты и т.п. при помощи поставленных из своих людей или подкупленных членов Гос[ударственной] думы и Гос[ударственного] совета начнут проводить нужные им законы, поддерживающие их интересы и взгляды, совершенно противоположные интересам и взглядам средних и низших классов трудящегося населения, которое попадет в полную зависимость от богатых»².

Л.А. Тихомиров, имевший большой опыт практического общения с социалистами, признавал неизбежность капитализма, но призывал власть принять ряд мер с целью сглаживания неизбежных социальных и экономических противоречий. С точки зрения Тихомирова, усиленная эксплуатация в капиталистическом обществе «своими недостатками и злоупотреблениями создала социализм, который выдвинул много справедливого как протест против буржуазного общества»³. Он также отмечал, что, прикрываясь рассуждениями о свободе и равенстве, буржуазное общество привело к господству капиталиста над пролетариатом, лишенным элементарных

---

¹ Карцов Ю.С. В чем заключаются внешние задачи России (Теория внешней политики вообще и в применении к России) / Публ. А.В. Репникова // Философская культура. Журнал русской интеллигенции. Январь – июнь 2009. № 4. С. 185.

² Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы / Сост. Ю.И. Кирьянов. Т. 2. 1911–1917 гг. М., 1998. С. 553.

³ Тихомиров Л.А. Критика демократии. М., 1997. С. 268.

прав, а «на почве крайней бедности и – слишком часто – прямого притеснения неизбежно должны были возникать революционные движения народных масс, в теории объявленных владыками государства, а на практике сплошь и рядом чувствовавших себя рабами»¹. В социалистическом учении Тихомиров видел стихийный протест против обнищания. Он утверждал, что государство обязано проявлять заботу о своих гражданах, задаваясь вопросом: «Каково положение человека, которого заработок если и позволяет жить кое-как, однако не дает никакого обеспечения? Потерял работу – и сразу очутился в положении бродячей уличной собаки, если не в худшем», и считал, что социализм «совершенно прав, взывая в этом случае не к простой филантропии, а, утверждая, что общество обязано принять меры к изменению такого положения»².

Церковный деятель и один из лидеров московских монархистов протоиерей И.И. Восторгов в проповеди, посвященной взаимоотношению «труда и капитала», утверждал: «Слово Божие нигде не говорит нам, чтобы богатство было само по себе грех, а бедность – добродетель. Если бедность не порок, то и богатство – не укоризна... Господь не запрещает богатства, ...но вместе с тем Господь заповедует человеку труд и труд... Таким образом, право на радости и удовольствия дает труд»³. Он видел «здоровое ядро» учения А. Смита в том, что «прогресс промышленности зиждется на соревновании... При регламентации же экономической жизни хотя бы социалистическим укладом соревнованию нет места»⁴.

Правый публицист К.П. Степанов считал, «капитализм не по душе русскому человеку». Критиковал изъяны капитализма и видный мыслитель, ученый и путешественник С.Н. Сыромятников: «Русское правительство не есть правительство фабрикантов и заводчиков. Рабочий такой же русский гражданин, как и заводчик, помещик, и его интересы так же дороги Государю, как и интересы каждого из нас... И в государстве Царя-плотника, исповедующего веру Христа-ремесленника, труд не может быть отдан в жертву капиталу»⁵.

---

¹ Там же. С. 326.

² Там же. С. 272.

³ Восторгов И.И. ПСС. СПб., 1995. Т. 2. С. 143.

⁴ Он же. ПСС. СПб., 1998. Т. 5. С. 517.

⁵ Цит. по: Лукьянов М.Н. Российский консерватизм и реформа, 1907–1914. Пермь, 2001. С. 132.

Неославянофил Д.А. Хомяков полагал, что современного человека поработило поклонение науке, которое способствовало еще большей его эксплуатации со стороны предпринимателей. «Благодаря научным средствам Европа (и Америка как ее продолжение) овладела миром! Именно овладела, т.е. европейский капитализм, вооруженный всеми силами науки, обратил европейские массы в машины, сбыт труда которых возможен лишь на мировых рынках. Поэтому все отношение Европы к миру стало чисто грабительским, а не просветительским в христианском смысле»¹.

Большой общественный резонанс имела социально-острая повесть казачьего писателя и убежденного монархиста И.А. Родионова «Наше преступление. (Не бред, а быль)» с подзаголовком «Из современной народной жизни» (СПб., 1909; в 1910 выдержала 5 изданий; неоднократно переиздавалась за границей), содержащая описание убийства потерявшими человеческий облик крестьянами своего трудолюбивого односельчанина, что породило цепь трагедий в семье последнего. В повести подробно описан суд над убийцами, вынесший им мягкий приговор. «Эту книгу, – сообщал Родионов, – я писал с единственной мыслью, с единственной целью – обратить внимание русского образованного общества на гибнущих меньших братьев. Народ спился, одичал, озлобился, не умеет и не хочет трудиться... Причина... – разобщение русского культурного класса с народом... Я потому и назвал свою книгу “Наше преступление”, что считаю те ужасы, которые описаны в ней и которые стали обыденным явлением в деревне, нашей виной, виной бросившего народ на произвол стихий образованного русского общества»². Родионов писал о преступности, пьянстве и разврате в пореформенной деревне: «Деревня одичала и озверела, и всего больше одичала и озверела молодежь ... Точно все помешались и принялись истреблять друг друга. В крестьянской среде, особенно между молодежью, убийства стали обычным явлением. Среди них это даже не считается преступлением, а перешло в обычное времяпровождение... Тут уж поднимается брат на брата, сын на отца, отец на сына... такая война ведет к одичанию, к анархии, т.е. к полному распадению государства, когда уже не будет существовать ни властей, ни суда, а следовательно, и порядка, потому что некому будет

---

¹ Хомяков Д.А. Православие. Самодержавие. Народность. М., 2005. С. 163.

² Родионов И.А. Наше преступление. М., 1997. С. 3–4.

охранять и поддерживать порядок. Тогда восторжествуют лихие люди, потерявшие стыд и совесть»¹. Эти наблюдения пересекались с выводами М.О. Меньшикова, В.Л. Величко и др. правых публицистов. Либерально-демократические и народнические критики и публицисты (А.В. Амфитеатров, П.Ф. Якубович, М.В. Морозов, В.П. Полонский, Д.В. Философов, М. Горький и др.) назвали повесть Родионова «клеветой на крестьянство» и «одной из самых гнусных и бесчеловечных книг» и т.д.² Вместе с тем, произведение Родионова получило широкую известность в консервативных кругах. В.В. Розанов полагал, что книга Родионова «есть вся до некоторой степени вздох по исчезающему “дураке Иване” в деревне, который матери повинуется, Богу молится, дрова рубит, избу поправляет, живет и никого “при своей глупости” не обижает»³. Митрополит Вениамин (Федченков) считал, что повесть Родионова «поразительно сильная книга», но «читая лекции в Петербургской академии, для характеристики современной нашей паствы не мог перед взрослыми студентами цитировать некоторые страницы с кощунствами. А то была фотография с подлинных фактов»⁴. Меньшиков посвятил книге восторженный отклик: «В удивительной книге г. Родионова *все правда*, и в самом деле это “не бред, а быль”, как он сам рекомендует свою книгу. Все фактически здесь не сочинено, а снято с натуры... Вот это реализм, художественный реализм! ... После “Воскресения” гр. Л.Н. Толстого я не читал более важного по значению романа, как “Наше преступление”. В писательской манере Родионова вообще много сходного с Толстым: почти то же проникновение в душу людей и почти та же способность простейшими движениями вскрыть самую сущность жизни»⁵. Толстой, которому Родионов подарил свою книгу, заметил: «Талантливо, но мысль нехороша. Описывает разврат народа. Это хорошо описано: он знаток, но односторонне... Прекрасный язык, народный... Суд... прекрасно, верно описан»⁶. С.Е. Крыжановский полагал, что «в книге, как водится, сгущены краски, но описанные в ней проявления деревенского хулиганства

---

¹ Там же. С. 208–210.

² Запевалов В.Н. Родионов И.А. // Русские писатели, 1800–1917. Биографический словарь. М., 2007. Т. 5. С. 314.

³ Розанов В.В. Среди художников. М., 1994. С. 381.

⁴ Вениамин (Федченков), митрополит. На рубеже двух эпох. М., 2004. С. 330.

⁵ Меньшиков М.О. Русское пробуждение. М., 2007. С. 159, 162.

⁶ Литературное наследство. Т. 90. Кн. 4. С. 91, 92.

представлялись для данной местности явлением обыденным» и зафиксировал мнение императора Николая II о книге: «Нет, я все-таки этому не поверю. Человек, который это написал, просто не любит народа»¹.

Таким образом, можно сделать вывод, что русские консерваторы одними из первых стали задумываться о «цене прогресса» и побочных последствиях капитализации. В своей критике технического прогресса правые, как оказалось, заглянули на годы вперед, выявив оборотную, негативную сторону научно-технической модернизации, и поставив вопрос об ответственности человека перед природой и другими людьми. За редким исключением они не принимали капитализации России, однако, верно отмечая «язвы капитализма», они так и не смогли предложить реальной социально-экономической альтернативы, что во многом предопределило их политическое крушение.

Н.В. Антоненко (Мичуринск)

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ДОКТРИНА В ЭМИГРАЦИИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ИДЕЙНО-ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ПРОГРАММНО-ТАКТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПАРТИИ КАДЕТОВ

Либерализм как «доктрина плюралистической демократии»² и «исповедовавшие» его идеи буржуазные партии традиционно выступали оппозиционными русскому самодержавному правительству. В эмиграции либеральная доктрина стала трактоваться иначе: она представлялась уже не революционно-оппозиционной, а государственной доктриной, призванной помогать правительству осуществлять социальные реформы и конструктивно решать государственные проблемы³. В связи с этим ее постулаты предоставления демократических свобод (свободы совести, печати, собраний, сою-

---

¹ Воспоминания: Из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. СПб., 2009. С. 142.

² См.: Модели общественного переустройства России. XX век / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004. С. 43.

³ См.: Вандалковская М.Г. Историческая мысль русской эмиграции. 20-30-е гг. М., 2009. С. 368.

зов, хозяйственной свободы) при действительной реализации идеи равных возможностей (равенства перед законом, общедоступности социального роста, имущественного восхождения, участия в политической жизни страны) стали логически увязываться с трансформированной в условиях эмиграции консервативной доктриной с ее неизменной приверженностью идеалам сильной организованной государственной власти.

В эмиграции как таковые исчезли классические понятия идеологии либерализма и консерватизма, границы между ними размылись, обусловив их слияние в одно широкое течение либерально-консервативной мысли. Амплитуда идеологических колебаний «разбросала» либерально-консервативных идеологов от монархического (П.И. Новгородцев, П.Б. Струве, И.А. Ильин) до республиканского (Н.С. Тимашев, С.Н. Прокопович, П.Н. Милюков) политических спектров. Либерально-консервативные теоретики, склонные к монархизму, активно участвовали в создании политических программ, являясь «генераторами идей» монархического лагеря Зарубежья. Идеологи, тяготевшие к республиканизму, в демонстрации своих взглядов стремились уйти от конкретики, будучи убеждены, что на этапе пребывания вне России важна не подготовка конкретной программы, а принципы, на базе которых она будет создана. Эти принципы выстраивались, исходя из сравнительного анализа советской действительности и идей и традиции европейского общества: 1) свобода лиц и групп против деспотизма коммунистического режима власти, 2) народная воля против партийной воли, 3) всеобщее гражданское равенство против классовых привилегий, 4) передача земли и хлеба крестьянству, а не партии и власти.

Основная задача эмиграции, по мнению либеральных теоретиков, заключалась в пристальном наблюдении за Советской Россией, выявлении причин недовольства политикой большевиков с целью адекватной и взвешенной подготовки программы общественного переустройства. Эмиграции при разработке программной основы отводилась роль «фермента брожения»¹. Именно в плюрализме предложенных эмиграцией политических проектов либералы усматривали залог формирования в освобожденной от большевиз-

---

¹ См.: Федорова М.С. Либерально-консервативное направление общественно-политической мысли русского зарубежья 20-40-х гг. XX в.: Дисс... к.и.н. М., 2003. С. 162.

ма России подлинно демократического общества. Будущая Россия представлялась либеральным теоретикам буржуазным государством с развитой промышленностью, социальной сферой, культурой, институтами гражданского общества; многонациональным государством, признающим местные традиции и культурные особенности. Лозунгом построения возрожденного государства выдвигался: «новая жизнь и старая мощь».

Проводником либеральной идеологии традиционно выступала партия кадетов. Широкая амплитуда идеалов государственного устройства (от конституционной монархии до республики) обуславливала возможность сотрудничества конституционных демократов практически со всеми эмигрантскими политическими направлениями: от монархистов до социалистов. В то же время внешняя открытость и «политическое дружелюбие» кадетов являлись следствием глубоких внутривнутрипартийных расхождений в разработке политической программы, способной в полной мере отразить «готовое решение» вопроса государственного устройства постбольшевистской России¹. Значительное большинство сторонников партии понимало, что в сложившихся условиях программу необходимо выстраивать на обновленной идейно-теоретической основе, однако, какие именно идеологические принципы должны быть встроены в формулу политического успеха представлялось по-разному.

Сторонники левого крыла партии предлагали строить программу, не изменяя старым установкам, но, дополняя их так, чтобы привлечь в партийные ряды «разумных людей и социалистов, которые отрезвились»². Ее правое крыло тяготело к вариации политической программы монархического толка. Представители правокадетского лагеря вполне допускали синтезирование либеральных идей с доктринальными установками монархизма.

Идеологическая доктрина кадетского центра позиционировала его сторонников как приверженцев традиционной партийной платформы с ее негосударственной надклассовой сущностью. Векторы их устремлений были направлены от парламентарной монархии до демократической федеративной республики с сохранением отдельных элементов советской системы. Отсутствие четко определенной позиции в вопросе государственного устройства обуславливало по-

---

¹ ГА РФ. Ф.Р-7506. Оп. 1. Д. 53. Л. 70.

² Там же. Д. 52. Л. 39.

пулярность среди центристов идеи непредрешения, за что его представители подвергались яростной критике. По словам идеолога партии Милюкова, «в послереволюционной борьбе средняя позиция (ни монархия, ни республика) невозможна»¹.

В начале 1920-х гг. центральное крыло кадетов начало активно работать над формированием своих программных установок. Исходя из убеждения о возможности разных вариантов перехода от советской системы государственности, они предложили программу временной организации власти и управления, сочетающей в себе элементы диктатуры и постимперских традиций. Диктатуру (переходную форму власти) центристы организационно представляли как всенародно избранную Директорию во главе с Верховным правителем². Местное самоуправление ориентировалось на организационную модель марта-октября 1917 г.: административно-полицейская власть сосредотачивалась в органах местного самоуправления, контролируемых из центра.

В 1923 г. под влиянием республиканских настроений идеологами кадетского центра был подготовлен проект республиканского толка, нацеленный на демократическую республику с широкими правами входящих в ее состав национальных образований. Новая программа базировалась на комплексе идей буржуазного реформирования страны и широкой демократизации общества. В то же время центристы остались верны принципу непредрешения, предполагая переход к республике либо мирным путем (через большинство в Советах), либо (в случае революции) – через всероссийское Учредительное собрание, призванное решить судьбу российской государственности. При этом не исключалась возможность восстановления монархии. Эти программные положения сближали центристов с правым крылом кадетов.

В начале 1920-х гг. правые кадеты не исключали возможности диктаторской власти как переходной формы от советской к новой политической системе. В перспективе они добивались установления «демократической парламентарной монархии» посредством принятия соответствующего решения на Учредительном собрании. Залогом «государственной крепости» правые кадеты считали «старую казенную идеологию» с ее стержневой основой «единой силь-

---

¹ Милюков П.Н. Либерализм и монархия // Последние новости. 1924. 14 мая.

² ГА РФ. Ф.Р-5913. Оп. 1. Д. 261. Л.12.

ной многонациональной империи». Будучи приверженцами унитарной государственности, сторонники правого крыла кадетской партии допускали возможность сохранения советской системы национально-государственных отношений при условии ее модернизации.

Левое крыло партии народной свободы разрабатывало свои программные положения, абстрагируясь от реставраторской позиции. Заявка его представителей «найти преимущественно новые пути» к национальному возрождению выразилась в стремлении заимствовать все «лучшее», что было создано советской властью. Исходя из этого, левые категорически отвергали монархию и диктатуру (в том числе и как переходную форму власти), ратовали за демократическую федеративную республику с широкими правами национальных автономий. Установление республики (как и у всех кадетских группировок) ожидалось через волеизъявление народа на всероссийском Учредительном собрании. Опасаясь повторения судьбы Учредительного собрания 1918 г., сторонники Милюкова уделяли особое внимание системе выборов, а для их успешного проведения – формированию местного аппарата управления. Реализацию последней задачи они намечали путем постепенного перехода от советов к системе земских учреждений, привлекая к самоуправлению заслуживающих доверие лиц.

Представители левого крыла конституционных демократов ставили перед эмиграцией задачу «ковать идеологию для новой демократической России»¹. Сообразно с политической конъюнктурой Советской России, либерализм его лидера Милюкова в эмиграции стал не только республиканским, но и приобрел новый социальный облик, ориентируясь, прежде всего, на интересы крестьянина-собственника, на политическое сотрудничество с наиболее «подходящими элементами» среди крестьянства².

В эмиграции кадетами ставились важные экономические задачи: возрождение разрушенного народного хозяйства, восстановление частной собственности, решение продовольственного вопроса. Их реализация напрямую зависела от подъема отраслей сельского

---

¹ ГА РФ. Ф. 6845. Оп. 1. Д. 209. Л. 6, 7.

² См.: Протокол заседания Парижской демократической группы партии народной свободы 12-го июня 1922 г. № 37-й // Протоколы Центрального Комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии. В 6-ти т. / Т.6, Кн. 1. Протоколы зарубежных групп конституционно-демократической партии. 1922 г. М., 1999. С. 226.

хозяйства. В связи с этим актуализировалось решение болезненного для России земельного вопроса. В этом направлении определялся ряд последовательных задач: 1) окончательное оформление произошедшего в годы революции перераспределения земельного фонда; 2) закрепление земли в частную собственность; 3) установление трудовой нормы земли; 4) предотвращение концентрации земельных ресурсов в руках иностранного капитала. Кадеты практически единодушно признали наиболее оптимальным для будущей России сочетание форм мелкого трудового крестьянского хозяйства и крупного капиталистического; право собственности на землю для «труда» («индивидуального или «коллективного»), право арендного пользования для капитала.

Кадеты были едины во мнении о необходимости предоставления гражданских прав и возможности самоуправления всем народам бывшей Российской империи. Вместе с тем они не имели однозначного представления об оптимальной форме строительства национально-государственных отношений. Кадетский центр высказывался за федеративную республику с широкими правами национальной автономии¹. К центристам приближались левые кадеты, с одной стороны, выступавшие за единство и целостность России с широкой автономией ее частей, с другой – не исключавшие возможности федерации. Более уверенными в вопросе государственного устройства казались сторонники правого крыла партии. Отстаивая принцип единства и целостности России, они, тем не менее, рассматривали его реализацию через тернистый путь от распада к «собиранию» постсоветского национального пространства.

До революции кадетами отдельно рассматривался украинский, еврейский, польский и финляндский вопросы. Тогда для большинства членов партии требования национально-территориальной автономии для Украины были неприемлемы, лишь отдельные члены партии относились к ним сочувственно. Как компромисс они поддерживали только национально-культурную автономию. В эмиграции кадеты провозгласили национально-культурную автономию не только в отношении Украины, но и в отношении всех бывших российских национальных образований. Они выражали готовность поддержать независимость Финляндии, Польши, Чехии, Словакии, рассматривая их как дружелюбных соседей.

---

¹ ГА РФ. Ф. Р-5913. Оп. 1. Д. 259. Л. 110.

Партия народной свободы, ориентированная, прежде всего, на парламентскую работу, не имела достаточных навыков подготовки к свержению правящего строя. Оказавшись в эмиграции перед необходимостью координировать свою деятельность с методами подпольной борьбы и организацией нелегальной работы в России, кадеты обнаружили свою полную недееспособность. Как и все эмигрантские партии, они являлись теоретиками, а не практиками. Однако многолетняя работа над политической программой не прошла даром, она позволила партийным идеологам значительно продвинуться в их политических планах, найти консенсус по отдельным вопросам. Вместе с тем эмигрантская платформа кадетизма, стремившаяся, с одной стороны, не изменить либеральным идеалам, с другой – приспособиться к изменениям в Советской России и адаптироваться к национальным традициям, оставляла у самих кадетов чувство незавершенности, ощущение «отсутствия точки опоры» и «идейно-политического вдовства»¹.

В.К. Кантор (Москва)²

КОНСТАНТИН КАВЕЛИН – НЕВОСТРЕБОВАННЫЙ ОБЩЕСТВОМ МЫСЛИТЕЛЬ³

1. Зачем нам история?..

Константин Дмитриевич Кавелин (1818-1885) – один из самых крупных и влиятельных мыслителей 40-80-х гг. XIX в., первый мыслитель, вполне сознательно объявивший себя либералом и западником. Историк, философ, правовед, публицист и мемуарист, он

---

¹ Канищева Н.И. Центральное течение кадетской партии в эмиграции // Призвание историка. Проблемы духовной и политической жизни России / Сборник статей. К 60-летию профессора, доктора исторических наук В.В. Шелохаева. М., 2001. С. 273.

² Профессор философского факультета Государственного университета – Высшей школы экономики

³ Индивидуальный исследовательский проект В.К. Кантора, профессора философского факультета ГУ-ВШЭ № 10-01-0033 «Крушение кумиров: критический пафос русской философии» выполнен при поддержке Программы «Научный фонд ГУ-ВШЭ».

оказал неизгладимое влияние на разработку проблем русской философии истории и культуры – и прежде всего именно ему принадлежит впервые отчетливо поставленная проблема бытия личности в России. Оглядываясь на русское прошлое, он сурово отмечал: «У нас не было начала личности: древняя русская жизнь его создала; с XVIII в. оно стало действовать и развиваться»¹. Но в этой суровости был и элемент надежды. Все-таки личность появилась, а потому появился шанс на выход из многовекового безмолвия и замкнутой в себе жизни, чтобы страна из этнографического объекта превратилась в вещь для себя, в самостоятельную величину.

К 40-м гг. XIX в. история приобрела впервые статус самостоятельной дисциплины, а русские историки по влиянию своему на публику, по интересу, вызываемому их концепциями, могли соперничать с писателями и критиками. Развитие великой русской литературы было бы невысказано без великих философов и историков, без полноценной духовной жизни, то есть того напряженного интеллектуального поля, которое определяло проблемы и направление русской культуры. Разные концепции исторического развития России, оказывая влияние на общественно-литературную борьбу, безусловно лежали в основе и многих собственно литературно-критических анализов произведений искусства.

Но как совмещалась идея об отсутствии личностного характера русской истории с появлением искусства нового типа – хотя бы с творчеством Пушкина? Значит, в какой-то момент наступил перелом... Когда? Идеи молодого историка находились на самом пересечении наиболее болезненных тем, над которыми размышляли русские писатели. Как и Кавелин, Пушкин полагал: «Словесность наша явилась вдруг в 18 столетии, подобно русскому дворянству, без предков и родословной»². XVIII в. – это период петровских реформ, укрепления государственного могущества и выход России на сцену европейской истории. Случайно ли это совпадение: укрепление государства и становление личности? Того самого государства, которое чуть не раздавило – каждого по-своему – Чаадаева и Гоголя, которому так отчаянно сопротивлялся Лермонтов и позитивный

---

¹ Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. Составление и вступительная статья В.К. Кантора. Подготовка текста и примечания В.К. Кантора и О.Е. Майоровой. М., 1989. С. 66 (В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте).

² Пушкин А.С. Полн. собр. соч. В 10-ти т. Т. VII. М.-Л., 1951. С. 226.

смысл деяний которого пытался понять Пушкин, говоря, что государство – единственный европеец в России, связывал появление новой литературы с реформами Петра.

Это была одна из центральных проблем русской духовной жизни, весьма важная для самоопределения русской жизни и культуры. Нужна была историческая концепция, которая увязала бы распадавшиеся противоречивые факты взаимоотношений личности и государства. Одной из самых существенных попыток такого рода стало творчество Константина Дмитриевича Кавелина.

2. Формула русской истории

Выросший в семье, принадлежавшей, по определению Ф.М. Достоевского, к «средне-высшему кругу» русского дворянства, Кавелин отказывается от традиционной для этого служилого сословия военной или чиновной карьеры. Его влечет научная деятельность, желание понять окружающую действительность, выступить не передвигаемой другими пешкой, а независимой личностью, самостоятельно отвечающей за свое место в мире. Учеба в университете укрепила тягу юноши к научным занятиям. Несмотря на сопротивление семьи (профессорство казалось матери Кавелина лакейской должностью), он с начала 40-х гг. читает в Московском университете лекции по истории русского права. Тогда же он тесно сошелся с А.И. Герценом, который позднее, в «Колоколе» 1861 г., с любовью вспоминал Кавелина, ставя его в ряд ведущих деятелей русской культуры: «Лермонтов, Белинский, Тургенев, Кавелин – все это наши товарищи, студенты Московского университета»¹.

Первые лекции и первые, еще не вызвавшие заметного шума в публике журнальные публикации Кавелина обратили на себя внимание одного из самых проникательных критиков 40-х гг. – Валериана Майкова. В статье 1846 г. он сравнивает деятельность Кавелина в науке с переворотом, произведенным в искусстве Н.В. Гоголем: «В то же время, как зарождалось у нас, славянофильство, зарождался и противоположный взгляд на прошедшее и настоящее России. Это был взгляд спокойного, беспристрастного анализа, взгляд, который сначала произвел такой же ропот в науке, как сочинения Гоголя в искусстве, но который мало-помалу делается господствующим. В последнее время представителями его являются

---

¹ Герцен А.И. Собр. соч. в 30-ти т. Т. XV. М., 1958. С. 20. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте.

профессоры Московского университета, гг. Кавелин и Соловьев, которым, может быть, суждено сделать для русской истории то же, что сделал Гоголь для изящной литературы»¹.

Но заметное влияние Кавелина на русскую общественную мысль надо отсчитывать с 1847 г., когда в журнале «Современник» публикуется его статья «Взгляд на юридический быт древней России». Статья эта была составлена из его лекций по просьбе В.Г. Белинского, считавшего выраженный в этих лекциях взгляд «гениальным». На статью обрушились славянофилы (Ю. Самарин), в ее защиту выступил Белинский; полагавший, что статья Кавелина – эпоха в истории русской истории, с нее начнется философическое изучение нашей истории.

Прежде чем формулировать историософскую позицию Кавелина, стоит посмотреть, в контексте каких идей и проблем она зародилась и ответом на какую позицию была. Как известно, в XIX в. первой попыткой философии русской истории явилось «Философическое письмо» П.Я. Чаадаева, опубликованное в 1836 г. в «Телескопе». Журнал, опубликовавший это письмо, был закрыт, цензор отстранен от должности, редактор сослан, а сам автор объявлен сумасшедшим. Причиной тому был поразительно мрачный взгляд мыслителя на историю России и на ее настоящее. Письмо это было воспринято современниками как «обвинительный акт» против России. Да и позднее; даже смягченное временным расстоянием, такое отношение к первому чаадаевскому письму сохранялось. Действительно, оптимизма было в первом письме Чаадаева маловато: «В самом начале у нас дикое варварство, потом грубое суеверие, затем жестокое унижительное владычество завоевателей, владычество, следы которого в нашем образе жизни не изгладились совсем и доныне. Вот горестная история нашей юности... Мы живем в каком-то равнодушии ко всему в самом тесном горизонте без прошедшего и будущего. <...> Мы идем по пути времен так странно, что каждый сделанный шаг исчезает для нас безвозвратно. Все это есть следствие образования совершенно привозного, подражательного. У нас нет развития собственного, самобытного...»² Но в такой позиции и была **постановка проблемы**.

---

¹ Майков В.Н. Литературная критика. Л., 1985. С. 47-48.

² Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М., 1989. С. 477, 478.

По сути дела, Чаадаев заявил, что Россия и Западная Европа развиваются на разных основаниях, ибо Россия не имела **личностей**, способных определить ее самобытно-прогрессивное движение. Славянофилы, опровергая Чаадаева, тем не менее признали «разность оснований», все заимствования и подражания объявив случайностью; они искали национальную самобытность в общинности, православной соборности, отказе народа от политической жизни, отсутствии активной личностной деятельности, – то есть те определения, которые выступали у Чаадаева со знаком минус, получили у них положительную оценку. Однако и Чаадаев, и славянофилы, по замечанию П.Н. Милюкова, «искали идей в истории, <...> стояли высоко над материалом, над действительностью в русской истории, не только не объясняя ее, но даже и не соприкасаясь с ней»¹. В этих словах есть явное преувеличение, но все же именно Кавелин был первым профессиональным историком, «работавшим в материале» и при этом сумевшим философски подойти к проблемам истории, дать «свою формулу русской истории»².

Что же он сказал в своей статье? А то, что «внутренняя история России – не безобразная груда бессмысленных, ничем не связанных фактов. Она, напротив, – стройное, органическое, разумное развитие нашей жизни, всегда единой, как всякая жизнь, всегда самостоятельной, даже во время и после, реформ. Исчерпавши все свои исключительно национальные элементы, мы вышли в жизнь общечеловеческую, оставаясь тем же, чем были и прежде – русскими славянами». (*Кавелин*, 65). Вопрос этот стоит прояснить. Кавелин искал через свою «формулу» исторического развития России путь не к «самодостаточной» (в отличие от славянофилов), а к «общечеловеческой жизни». Как ему казалось, он нашел и ценностную точку отсчета, способную дать единство мировому прогрессу, на которую этот прогресс может опереться — **личность**. На Западе, писал он, «человек давно живет и много жил, хотя и под односторонними историческими формами, у нас он вовсе не жил, и только начал жить с XVIII века. Итак, вся разница только в предыдущих исторических данных, но цель, задача, стремления, дальнейший путь один». (*Кавелин*, 66).

---

¹ Милюков П.Н. Юридическая школа в русской историографии // Русская мысль. 1886. Кн. VI. С. 82.

² Там же. С. 80.

Нельзя, однако, забывать, что и Европа прошла период дикости, даже людоедства (там еще в IX в., по словам Гегеля, «на рынках открыто продавалось человеческое мясо»¹), пережила самые архаичные формы быта, но под влиянием христианства, обогащенного возвращением к античности, на почве которой укрепились германские племена, процесс гуманизации шел достаточно успешно, не прерываемый нашествиями извне, дойдя до Возрождения. И все это в отличие от Руси, испытавшей страшные разрушения татаро-монгольского завоевания, вполне напоминающие катастрофические последствия эпохи переселения народов. «Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией...»² В результате татаро-монгольского ига в России устанавливается «монгольское государственное право», по которому «вся вообще земля, находившаяся в пределах владычества хана, была его собственностью»³. Не только о праве на собственность, но о праве на собственную жизнь не могло идти речи. Жизнь человеческая перестала цениться. Московские самодержцы, как замечал Герцен, переняли монгольские принципы управления. После разгрома Новгорода (до которого не докатилось татарское нашествие) последовательно Иваном III, а затем Иваном IV – о правах личности было прочно забыто. И все же, когда произошло некоторое успокоение исторической жизни, ее, так сказать, «нормализация» (воспользуюсь термином Д. Фурмана), постепенное возвращение России в Европу⁴, возникает и внутренняя потребность культуры в появлении личности как естественного инициатора внутреннего развития. Кавелинские поиски предпосылок, позволявших надеяться, что личность не привозной плод, не заморское растение, которое погибнет, не приживется на российской почве, были обусловлены требованием времени, наиболее чутко выразившимся в литературе. Уже состоялся Пушкин, который не только, как замечал Белинский, сумел усвоить навсегда русской земле поэзию как искусство, но и усвоил России всю европейскую культуру в основных ее

---

¹ Гегель. Сочинения. Т. VIII. М.-Л., 1935. С. 352.

² Пушкин А.С. Ук. соч. Т. VII. С. 306.

³ Неволин К.Н. История российских гражданских законов // Неволин К.Н. Полн. собр. соч. Т. IV. СПб., 1858. С. 136.

⁴ «Но и в эпоху бурь и переломов, - писал Пушкин, - цари и бояре согласны были в одном: в необходимости сблизить Россию с Европою» (Пушкин А.С. Ук. соч. Т. VII. С. 307).

проявлениях. Кавелинские поиски предпосылок, позволявших надеяться, что личность не привозной плод, не заморское растение, которое погибнет, не приживется на российской почве, были обусловлены требованием времени. Пушкин своим творчеством показал возможность в России незамкнутой, развивающейся, открытой и отзывчивой личности. Необходимо было историческое обоснование этого феномена.

3. Споры вокруг Кавелина

Строго говоря, Кавелин принял чаадаевский ход мысли, что история движется там, где есть развитая личность, что только при этом условии страна входит в круг цивилизованных наций, способных к прогрессу образования, просвещения, промышленности. Для народов, утверждал он, призванных ко всемирно-исторической деятельности, существование без начала личности невозможно. Личность есть необходимое условие духовного развития народа. А спустя менее, чем двадцать лет, в 1863 г., «на чтениях в профессорском клубе» в Бонне об освобождении крестьян, он в своем «Кратком взгляде на русскую историю» четко сформулировал: «Если мы – европейский народ и способны к развитию, то и у нас должно было обнаружиться стремление индивидуальности высвободиться из-под давящего ее гнета; индивидуальность есть почва всякой свободы и всякого развития, без нее немислим человеческий быт» (Кавелин, 162). Дело в том, что и Чаадаев, и славянофилы апеллировали к Европе, как точке отталкивания. Чаадаев утверждал, что русские не европейцы; славянофилы же, что именно русские и есть европейцы, что подпочва Европы славянская, но русские – другие европейцы, нежели на Западе, с другой (истинной) христианской верой и другой ментальностью (общинностью вместо западной индивидуальности). Заслуга Кавелина перед русской общественно-литературной мыслью, его успех объясняются тем, что он дал личностную, и в этом смысле антиславянофильскую, но **оптимистическую** (и потому – античаадаевскую, не отвергавшую, а преодолевавшую Чаадаева) версию русской истории. По Кавелину, распадение родового быта, укрепление быта семейного, последующий его кризис привели к возникновению могучего государства в России. А «появление государства было вместе и освобождением от исключительно кровного быта, началом самостоятельного действия личности» (Кавелин, 48).

Отвечая на кавелинскую статью в «Современнике», Ю. Самарин в «Москвитянине» за 1847 г. сформулировал это понимание: «Общинный быт славян основан не на отсутствии личности, а на свободном и сознательном ее отречении от своего полновластия». В защиту Кавелина выступил Герцен, но уже из-за рубежа, ибо мог там свободно договорить то, что нельзя было сказать в русской подцензурной печати. «В возражении «Москвитянина», – писал Герцен в трактате «О развитии революционных идей в России», – почерпнувшем свои доводы в славянских летописях, греческом катехизисе и гегельянском формализме, опасность, которую представляет собой славянофильство, становится очевидной. Автор славянофил полагал, что личный принцип был хорошо развит в древней Руси, но личность, просвещенная греческой церковью, обладала высоким даром смирения и добровольно передавала свою свободу особе князя... Этот дар самоотречения и еще более великий дар – не злоупотреблять им – создавали, по мнению автора, гармоническое согласие между князем, общиной и отдельной личностью, – дивное согласие... на замечание, что все мы рабы, что личное право не развито в России, отвечают: “Мы спасли это право, увенчав им князя”. Это издевка, возбуждающая презрение к человеческому слову» (Герцен, VII, 244-246).

Кавелин связывал развитие личности с самодержавным государством, от него ожидая свобод. Отметим, что наиболее суровый приговор этой концепции, связывавшей свободу личности в России с самодержавием, был произнесен русскими мыслителями XX в., пережившими опыт революции и сталинизма. «Русская интеллигенция, – писал в статье “Россия и свобода” Г. Федотов, – предпочла усвоить московскую историческую традицию митрополита Макария и Степенной Книги, пропущенную сквозь Гегеля. С необычайной легкостью, без ощущения всего трагизма русской истории, она вслед за Соловьевым и Ключевским (которые шли здесь за Кавелиным. – В.К.) – приняла, как нечто нормальное (вроде европейского абсолютизма), московско-татарское поглощение Руси, с непонятным оптимизмом ожидая всходов западной свободы на этой почве»¹.

4. Противостояние «николаевщине»

---

¹ Федотов Г.П. Россия и свобода. Сборник статей. Нью-Йорк 1981. С. 190.

Уход Кавелина в 1848 г. из университета совпал с наступлением так называемого «мрачного семилетия». Европейские революции оказались поводом для внутрироссийских репрессий. В своих мемуарных «Записках» С.М. Соловьев так вспоминал это время: «В событиях Запада нашли предлог явно преследовать ненавистное им просвещение, ненавистное духовное развитие, духовное превосходство, которое кололо им глаза. Николай не скрывал своей ненависти к профессорам. <...> Это был стрелецкий бунт своего рода; грубое солдатство упивалось своим торжеством и не щадило противников, слабых, безоружных. <...> Стоило только Николаю с товарищами немножко потерять лоск с русских людей – и сейчас же оказались татары. <...> Что же было следствием? Все остановилось, заглохло, загнило. Русское просвещение, которое еще надобно было продолжать возвращать в теплицах, вынесенное на мороз, свернулось»¹. Картина, как видим, нарисована безрадостная, хотя очень даже знакомая человеку, выросшему уже в середине XX столетия в России.

Но все это не поколебало кавелинскую «формулу» русской истории. В сентябре 1848 г. он писал Грановскому: «Я верю в совершенную необходимость абсолютизма для теперешней России; но он должен быть прогрессивный и просвещенный. Такой, каков у нас, – только убивает зародыши самостоятельной, национальной жизни». А в том, что культура, просвещение, национальная жизнь и литература должны быть самостоятельны и что это совместимо с абсолютизмом, Кавелин был уверен вполне. Поэтому так энергично выразился он по поводу смерти Николая спустя семь лет, в марте 1855 г.: «Калмыцкий полубог, прошедший ураганом, и бичом, и катком, и терпугом по русскому государству в течение 30-ти лет, вырезавший лица у мысли, погубивший тысячи характеров и умов, истративший беспутно на побрякушки самовластия и тщеславия больше денег, чем все предыдущие царствования, начиная с Петра I, – это исчадие мундирного просвещения и гнуснейшей стороны русской природы – околел, наконец, и это сущая правда! До сих пор как-то не верится! Думаешь, неужели это не сон, а быль?.. Экое страшилище прошло по головам, отравило нашу жизнь и благословило нас умереть, не сделавши ничего путного! Говори после этого,

---

¹ Соловьев С.М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // Соловьев С. М. Сочинения. Книга XVIII. М., 1995. С. 620-621.

что случайности нет в истории и что все совершается разумно, как математическая задача. Кто возвратит нам назад тридцать лет и призовет опять наше поколение к плодотворной и вдохновенной деятельности!»¹

Но складывать руки Кавелин – «оптимист», «вечный юноша», по определению современников, – не собирался, тем более что правление Николая для него – историческая случайность. Он опять начал читать лекции, и они имели успех, казались одним из факторов обновления жизни, его новые выступления в печати и исследования русской истории оказывали бесспорное влияние на духовную жизнь общества. В журналах писали: «...Разработка русской истории, благодаря трудам новой исторической школы (гг. Соловьев, Кавелин и др.), получила для общества важность, какой не имела прежде»².

Однако Кавелин был занят еще и потаенной работой, начало которой относится еще к периоду до смерти Николая. Вот что вспоминал Чичерин: «На юбилей прибыл из Петербурга Кавелин. Однажды он приехал ко мне и стал говорить, что положение с каждым днем становится невыносимее и что так нельзя оставаться. О каком-либо практическом деле думать нечего, печатать ничего нельзя; поэтому он задумал завести рукописную литературу, которая сама собою будет ходить по рукам». Не случайно герценовские «Голоса из России» начались статьями Кавелина. В лондонской печати он выступил даже раньше, чем в российской.

Разумеется, кавелинский «самиздат» и «тамиздат» оставались безымянными. При этом авторитет Кавелина в научных и придворных кругах как специалиста-историка и прогрессивного деятеля был в те годы столь высок, что его приглашают в воспитатели к наследнику. Перед Кавелиным возникает перспектива общественного служения, рифмующегося с позицией В.А. Жуковского, воспитавшего, как многим казалось, «просвещенного монарха» – Александра II. Но такой – вторичной в каком-то смысле, во всяком случае опосредованной, рассчитанной на десятилетия – деятельности ему явно было недостаточно. Он хотел активного участия в общественной борьбе. И прежде всего возможно более быстрого и безболезнен-

---

¹ К.Д. Кавелин о смерти Николая I. Письма к Т.Н. Грановскому // Литературное наследство. 1959. Т. 67. С. 596.

² Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. в 15-ти т. Т. IV. М., 1948. С. 297-298.

ного упразднения крепостного права, этого проклятия русской жизни. По разлитому в воздухе эпохи настроению было понятно, что самодержец этот собирается решать. Но говорить об отмене крепостного права в печати было, однако, еще запрещено. В продолжение своей «рукописной литературы» Кавелин пишет своего рода трактат – широко разошедшуюся по рукам «Записку об освобождении крестьян». Часть этой записки – без имени автора – печатает в «Голосах из России» Герцен, в «Современнике» другую часть, тоже безымянно, печатает Чернышевский. Имя автора «Записки» становится тем не менее известным, и Кавелина отстраняют от преподавания наследнику. Но профессором Петербургского университета он остается по-прежнему.

Это годы студенческих волнений в университете, требований студенческого самоуправления. Кавелин поддерживает студентов и в знак протеста против их преследования демонстративно подает в отставку. Он на стороне Герцена в полемике с либералом-охранителем Б. Чичериным, бывшим своим соратником, даже соавтором. Кавелин публикует в «Колоколе» статьи в защиту Герцена. Эта активная общественная деятельность продолжалась, несмотря на семейную трагедию - безвременную смерть сына, последовавшую спустя несколько месяцев после смерти Добролюбова. Герцен пишет Кавелину сочувствующее письмо, говорит, что посвящает ему, чтоб хоть как-то его утешить, лучшую свою статью последних лет – о Роберте Оуэне.

5. Разрыв с радикалами

1862 год. Петербургские пожары, Кавелин, как и многие современники (Достоевский, Лесков), поверил, что это дело рук «революционной партии». Начинается расхождение, а затем и разрыв Кавелина с радикальной частью общественного движения. В 1862 г. он писал Герцену в связи с арестом Чернышевского: «Аресты меня не удивляют, и признаюсь тебе, не кажутся возмутительными. Это война: кто кого одолеет. Революционная партия считает все средства хорошими, чтоб сбросить правительство, а оно защищается своими средствами». Как показал исторический опыт, революционная партия, пришедшая к власти, и в самом деле в первые же дни прибегла к суровым репрессивным мерам, а затем и к террору. Это важно отметить, ибо именно данное письмо Кавелина, своего рода

полупророчество, прежде всего ставится ему в вину – как реакционное.

В 1862 г. Кавелин печатает за рубежом брошюру «Дворянство и освобождение крестьян». 22 мая 1862 г. он писал Герцену: «Брошюра моя написана в мае 1861 года, когда российское дворянство драло горло о конституции, разумея под нею *отмену Положения 19-го февраля*. <...> Брошюра слишком несогласна с общим настроением и потому не пошла»¹. Действительно, брошюра вызвала неудовольствие русской эмиграции разного толка. Князь П. Долгорукий в газете «Правдивый» (12 мая 1862 г.), издаваемой им в Лейпциге, объяснил факт публикации брошюры карьерными соображениями Кавелина. Герцен высказал публично сожаление о «доброшюрном Кавелине» и 7 июня 1862 г. писал старому другу: «Твоя брошюра кладет между нами предел, через который один мост и есть – твое отречение от нее...» (Герцен, XXVII, 227).

Хотя разрыв долголетних дружеских отношений с Герценом был тяжел для Кавелина, отречься от брошюры он отказался, послав своему другу оппоненту письмо с ответом по всем пунктам обвинения. Кавелин исходил из того соображения, что крестьянская реформа была проведена правительством вопреки желанию большинства дворянства, опасавшегося губительных для себя последствий. Таким образом, появление «дворянской конституции», «дворянского парламента» могло создать сильное противодействие дальнейшим реформам, что привело бы к революционному взрыву и, на взгляд Кавелина, отбросило бы Россию назад. В своем ответе Герцену от 11 июня 1862 г. он замечал: «Выгнать династию, перерезать царствующий дом – это очень не трудно, и часто зависит от глупейшего случая; снести головы дворянам, натравивши на них крестьян, – это вовсе не так невозможно, как кажется... Только что будет за тем? То, что есть, не создаст нового, по той простой причине, что будь оно новым, – старое не могло бы существовать двух дней. И так выплывает меньшинство, – я еще не знаю какое, – а потом все скристаллизуется по-старому...»²

Что касается среднего, третьего, сословия, то оно, по мнению Кавелина, было столь малочисленно, что пока еще могло не приниматься в расчет. Стало быть, говорить о всеобщем представи-

---

¹ Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену. Женева, 1892. С. 82.

² Там же. С. 56.

тельном правлении можно, только учитывая крестьянство, *мужицкое царство*, составлявшее 80% населения. Крестьяне же, справедливо полагал Кавелин, не были еще готовы даже к гражданскому самоуправлению. Герцен обиделся за народ и обвинил бывшего друга во вражде к народу, публично утверждая, что свои рассуждения Кавелин основывает «на том, что народ русский – скот и выбрать людей для земства не умеет, а правительство – умница». Правда, спустя менее десяти лет в своих предсмертных письмах «К старому товарищу» Герцен по сути согласится с Кавелиным: «Всеобщая подача голосов, навязанная неприготовленному народу, послужила для него бритвой, которой он чуть не зарезался». Однако, как замечали позднее отечественные историки (Н. Эйдельман, например), своевременное принятие конституции, приучавшей бы постепенно народонаселение, слой за слоем (в том числе уже появившееся и расширявшееся третье сословие), к представительному правлению, к структуре правового государства, могло бы еще в тот период, до возникновения сильных революционных партий, направить Россию на европейски-эволюционный путь развития, вводя в общественное сознание **понятие свободы**.

6. Личность, свобода, самодержавие

Кавелин боялся, что конституция окажется только дворянской, а тем самым власть захватит аристократическая олигархия, сопротивляющаяся реформам. Имеет смысл напомнить мысль многих западноевропейцев прошлого столетия, что реформы в России, необходимые для выживания страны, проводятся в жизнь враждебной этим реформам бюрократией. Это оказывается возможным только благодаря абсолютной власти самодержца. Получалось, что эту в очередной раз возникшую квадратуру круга самодержавная власть вроде бы могла решить, но, как мы знаем, мудрости у русского царизма на решение этой проблемы не хватило, ибо заключалось это решение в сознательном ограничении своей власти. Употребить свою абсолютную власть на сокращение своего всемогущества царизм не осмелился. Действительно, сочетать необходимость полной власти с ее сокращением – задача, требующая не только точного политического расчета, но и желания. Желания не было, а потому Кавелин не без основания полагал, что конституционное ограничение самодержавия свернет политику реформ. А отечественное управление, и местное, и центральное, писал он в

брошюре «Дворянство и освобождение крестьян», требует «коренных преобразований; наши законы спутаны и обветшали; наше финансовое положение беспорядочно, расстроено и опасно; судопроизводство никуда не годится; полиция ниже критики; народное образование встречает на каждом шагу препятствия, гласность предана произволу, не ограждена ни судом, ни законом. <...> Преобразования, вводящие прочный, разумный и законный порядок в стране взамен произвола и хаоса, по самому существу дела должны предшествовать политическим гарантиям, ибо готовят и воспитывают народ к политическому представительству» (Кавелин, 152-153). Именно поэтому считал он, что общество и народ еще не доросли до политических реформ.

Кавелин переходит на позиции твердого консерватизма. Однако консерваторы европейских государств полагали неперенным условием стабильности свободу личности. И вообще возможно ли «политическое представительство» без свободы? Демократы были убеждены, что человек не может выработаться в личность, если он не свободен. А стало быть, исключается и историческое развитие народа. Герцен полагал, что «...дома нет почвы, на которой может стоять свободный человек», а «свобода лица – величайшее дело; на ней и **только на ней** может вырасти действительная воля народа» (Герцен, VI, 14). Индивидуальность, личность вырабатывается только в условиях свободы. Именно понятие свободы и выпало из концепции Кавелина, во многом предопределив неосуществимость его построений. Русские либералы-консерваторы парадоксальным образом боялись свободы. Хотя парадокс вполне объясним страхом перед возможной пугачевщиной, которая вырастет на всеобщей свободе, а тем самым уничтожит и действительную свободу личности. Выбраться из этой неразрешимой дилеммы Кавелин и пытался, опираясь на идею просвещенной монархии.

Если демократы, не принимая идей дворянской олигархии, вместе с тем твердили о губительности самодержавной централизации, всепоглощающей государственности для развития экономики, общественной жизни, культуры, то Кавелин полагал, что царская власть всегда была «в России деятельным органом развития и прогресса в европейском смысле» (Кавелин, 221). Более того, он считал, что в России и вообще все благотворные перемены шли сверху, начиная с Крещения Руси: «Это великое событие было делом

князя и меньшинства народа и шло, как и все великие реформы у славян, сверху вниз» (Кавелин, 190). Сверху шло и постепенное раскрепощение сословий – от дворянства до крестьянства, как утверждал историк. Надеяться на так называемую *народную* самостоятельность он не мог, полагая правовое и культурное воспитание народа крайне низким.

7. Против российской «запредельности»

Миросозерцание Кавелина в 70-80-е гг. становится пессимистичнее. Его надежда на «великий компромисс» между сословиями и партиями явно терпела неудачу. Договориться могут личности, а их-то он и не видел. В «Задачах психологии» он писал: «Живое чувство истины и лжи, правды и неправды, добра и зла меркнет в сердцах и совести людей, не находя себе пищи в господствующих воззрениях. <...> Личностям предстоит обратиться в безличные человеческие единицы, лишённые в своем нравственном существовании всякой точки опоры и потому легко заменимые одни другими. <...> Мы уже больше не боимся вторжения диких орд; но варварство подкрадывается к нам в нашем нравственном растлении, за которым по пятам идет умственная немощь»¹. Тема «вертикального, внутреннего вторжения варварства» безусловно предвещает размышления европейских мыслителей от Н.А. Бердяева и Ф.А. Степуна до Х. Ортеги-и-Гассета по поводу победы большевизма и фашизма.

Из писателей в конце 70-х гг. он чувствует внутреннюю солидарность с И.С. Тургеневым, но полемизирует с «пушкинской речью» Достоевского. Упрекая писателя в нереалистичности взгляда на народ, в несправедливом шельмовании либеральной интеллигенции, Кавелин закончил свое письмо достаточно резко: «Стало быть, – скажете вы мне, – и вы тоже мечтаете о том, чтоб мы стали европейцами? – Я мечтаю, отвечу я вам, только о том, чтобы мы перестали говорить о нравственной, душевной, христианской правде, и начали поступать, действовать, жить по этой правде!» (Кавелин, 475) Но, к несчастью, безумные, трагические герои Достоевского больше говорили о возможном будущем России и тем самым были много реалистичнее, чем публицистические lamentации историка. Можно ли было с таким, как некогда говорилось, «человеческим материалом» (вроде героев Достоевского) строить либерально-прогрессивное общество? Думаю, что, называя Достоевско-

---

¹ Кавелин К.Д. Виноваты все // Кавелин К.Д. Собр. соч. В 4-х т. Т. 3. СПб., 1897-1900.

го «пророком русской революции», Мережковский угадал много больше, чем сам в то время мог разглядеть.

Допустить, что не все подчиняется позитивистски ориентированной науке, ее логике, Кавелин не смог. Даже в романе «Новь» близкого ему по духу Тургенева Кавелин не заметил одной тревожной ноты, на которой, однако, заканчивается роман. Выступая в защиту «Нови» (большую восторженную статью о романе написала дочь Кавелина – С. Брюллова), используя его образы в своих статьях, в опубликованной за рубежом брошюре «Разговор с социалистом-революционером» (1880), Кавелин словно сознательно закрывал глаза на, так сказать, **нелиберальные структуры сознания**, характерные не только для героев Достоевского, но и для всех **действующих** героев этого романа Тургенева. «Безымянная Русь!» – так устами Паклина определяет писатель будущих делателей русской истории, включая роман. Иными словами, Тургенев предчувствовал период, когда идея личности на долгое время вновь уйдет на периферию исторического процесса в России. Самодержавный запрет на свободу личности поневоле отзеркаливал в деятельности революционных кружков и партий. Пытаясь реформировать, «воспитать» самодержавие, либералы «упустили из виду» радикалов, чувствовавших себя «орденом меченосцев», ибо только такой психологический тип мог противостоять абсолютистскому государству, а впоследствии оказаться его строителем и камешком в фундаменте.

В обществе шло заимствование западных идей и теорий без учета российского коэффициента преломления. Между тем, как считал Кавелин, по-прежнему не обращается внимание на кардинальнейшее условие внутреннего самостоятельного развития – личность, которая способна отвечать на запросы русской жизни. Даже в теоретических изысканиях проблеме личности отводилось одно из последних мест. «Нам не следует, – писал Кавелин в статье «Наш умственный строй», – как делали до сих пор, брать из Европы готовые результаты ее мышления, а надо создать у себя такое же отношение к знанию, к науке, какое существует там. В Европе наука служила и служит подготовкой и спутницей творческой деятельности человека в окружающей среде и над самим собой. Ту же роль должны мысль, наука играть и у нас. <...> Такой путь будет европейским, и только когда мы на него ступим, зародится и у нас

европейская наука. <...> Очень вероятно, что выводы эти будут иные, чём те, до каких додумалась Европа. <...> Предвидеть у нас другие выводы можно потому, что условия жизни и развития в Европе и у нас совсем иные. Там до совершенства выработана теория общего, отвлеченного, потому что оно было слабо и требовало поддержки, наше большое место – пассивность, стертость нравственной личности. Поэтому нам предстоит выработать теорию личного, индивидуального, личной самодеятельности и воли» (Кавелин, 317-318).

Однако самодеятельная личность возможна только на основе «свободы лица». Но призывы к свободе были прочитаны молодыми радикалами таким образом, что обернулись кровавой большевистской революцией, при этом творчество либерально-консервативных мыслителей не получило широкой общественной поддержки. Трагическая судьба Кавелина – лучшая иллюстрация на эту тему. Все последние годы он пишет интереснейшие письма и трактаты, призывая к труду как основе человеческой жизнедеятельности, пытается восполнить недостаток психологических разработок проблемы личности (трактат «Задачи психологии», 1872), надеется на воспитательную силу искусства («О задачах искусства», 1878), пишет трактат по этике, посвященный молодежи («Задачи этики», 1884). Россия может превратиться в деловую созидательную страну, а русские люди из Обломовых в Штольцев, полагал он. Кавелин чувствовал себя *призванным* проделать подготовительную для этого работу в умах русских образованных людей. Но все кавелинские призывы к труду, к нравственности, к насаждению грамотности словно повисали в воздухе, не имея серьезного общественного резонанса, особенно среди молодежи, на которую он так надеялся.

Скончался Кавелин в 1885 г. Его провожали в последний путь как одного из выдающихся мыслителей своего времени, «учитель правды и права», как было написано на надгробном венке, возложенном его студентами-учениками. Но таких студентов было тогда не так много. Похоронен историк на петербургском Волковом кладбище рядом с другом своей юности Тургеневым.

О.А. Жукова (Москва)

ЛИБЕРАЛИЗМ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ПРОЕКТ: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ П.Б. СТРУВЕ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ СОВРЕМЕННОСТИ

В перспективе развития русской либеральной традиции политический опыт и интеллектуальное наследие П.Б. Струве обретают новое звучание. Его либерально-консервативный проект политического и культурного обустройства России в силу разных причин неожиданно стал «современен» современности, а идеи и концепты заново переосмысляются в реалиях российского социума. Идеинотворческая эволюция Струве в целом ясна. Она представляет собой путь от легального марксизма к консервативному либерализму, от леволиберальной позиции к праволиберальной, от «Освобождения» к «Возрождению», от съезда РСДРП к Зарубежному съезду русской эмиграции. От чего освобождался и что хотел возродить Струве, активно участвуя в истории и переосмысляя ее события? Известно, что переломным моментом для редактора «Освобождения» стала русская революция 1905 г. В результате этой идейной перестройки возникла концепция Великой России и идеология «Вех». В русле данных программ происходило дальнейшее развитие политической и мировоззренческой позиции Струве. Великая Россия осталась своеобразным духовным и политическим завещанием мыслителя, предельно честного в своих исканиях и отстаивании правды личностной и гражданской.

При рассмотрении ключевых моментов философии политики и культуры Струве неизбежно возникает вопрос: применима ли его программа к опыту современности, насколько совпадает образ чуждой им России с внутривнутриполитической и геополитической повесткой дня сегодняшнего. Очевидно, Струве оперировал реальностями государства, нации, культуры, оставаясь в исторической парадигме эпохи модерна. Современность их активно пересматривает и видоизменяет. Вместе с политическими институтами и социальными практиками трансформируются и привычные границы культурных миров. «Ментальные карты» культур в сознании их носителей не совпадают с сегодняшними координатами времени и пространства – истории и географии государств. Одна из тенденций такова, что культуры в их языковой, религиозной, бытовой, хозяйственно-экономической и политической форме выражения все менее привя-

заны к национальным традициям, а государства, включаясь в систему глобального рынка, делегируют часть своего суверенитета иным структурам – политическим, военным, финансово-экономическим. Миграционные потоки рабочей силы изменяют этноконфессиональный состав населения. Метафизические смыслы культуры, о воплощении которых в реальной практической и политической жизни говорил Струве, теряют свое значение вместе с деактуализацией религиозно-культурных традиций, в первую очередь, христианской. Культурная идентичность теперь не является «наследственным» фактором – акцент с усвоения традиции как готового культурного образца жизни переносится на рефлексию исторического опыта, во многом конструируется заново. Завершилось ли время национальных государств и культур? Если ответ положительный, то концепт Великой России сгодится, увы, для политических спекуляций записных традиционалистов, как справа, так и слева, овладевших патриотической риторикой, но озабоченных только своим выживанием. В этом случае вся жизнь и борьба Струве, его послание в будущее должны быть признаны утопией, пусть блестящим по замыслу и идейному уровню, но нереалистическим культурно-историческим проектом. Ведь фундаментом всей политической концепции Струве и, главное, духовным стержнем его личности – мыслителя, политика, общественного деятеля, христианина, человека русской культуры – является общенациональная и общегосударственная идея России и именно России исторической. Что вкладывал в эти понятия Струве?

В полемике с Ф.А. Степуном и новоградцами он обосновывает свое понимание этой метафизической и культурно-политической реальности. Быть носителем исторической России означает чувствовать «себя едиными со всей историей России, с тем длинным рядом “памятников” и с той непрерывной цепью “памятей”, о которых знаменитый русский историк говорил как о “нравственном запасе, завещанном нам великими строителями нашего нравственного порядка”»¹. Струве делает ссылку на речь В.О. Ключевского (1892) о «Значении преподобного Сергия для русского народа и государства». Здесь раскрывается и глубинная христианская интуиция Петра Струве. Человек был призван Богом к соработничеству, к

---

¹ Струве П.Б. О нечуткости проповедников «Нового града» // Дневник политика (1925-1935). М., Париж. 2004. С. 693.

возделыванию сада. Это культурная работа. Смысл культуры – возделывание. Предельная цель – совершенствование самого человека. Проповедь совершенствования универсальна, а векторы деятельности многообразны, поскольку культура – это и материально-предметный мир, и тип отношений, и социально-политический уклад. Струве убежден, что русская культура в своем национальном развитии достигла мирового значения, и в этом смысле представляет собой развитие христианской цивилизации, ее ценностей, смыслов и культурных практик. Национальная культура стала проводником христианского универсализма. Как отмечал Д.С. Лихачев, в основании ценностно-смысловой сферы европейской культуры, находятся три моделирующих ее категории: личностность, универсализм, свобода¹. Безусловно, историческая Россия Струве – это вариант русской Европы как основы культурной и цивилизационной идентичности российской государственности. Поэтому, если свести итог творческой эволюции русского философа к какой-то одной, самоценной для него идее, то справедливо говорить о национально-культурной формуле европейского либерализма.

После революции 1917 г. концепция Великой России разрабатывается как некий идеальный образ общественного устройства. Он включает в себя сильное государство, способное осуществлять власть, гарантировать свободу и права личности, дисциплинировать социальную жизнь; нацию, которая является выражением духовного единства государства и народа; религию, выступающую в качестве духовной основы жизни; империю, репрезентирующую мощь национального государства. Объединяющим началом для государства, нации и личности выступает культура, в которую вкладывается смысл духовного переживания человеком истории и общественной солидарности. Знаменитая фраза Струве, подтверждающая «спайку» общества, государства и культуры: «мы – государственники, патриоты и националисты, и потому для нас Россия превыше всего»². Признавая неразвитость гражданского общества, бесформенность государства, деградацию национального самосознания, тем не менее, Струве видит образ Великой России как

---

¹ Лихачев Д.С. Три основы европейской культуры и русский исторический опыт // Наше наследие. 1991. № VI (24). С. 15-16.

² Струве П.Б. Простая речь о трудных делах // Дневник политика (1925-1935). С. 142.

национальную версию европеизма. Он вынужден признать, что русская государственность покоилась на монархической форме правления: «В прошлом России были стихии пагубные и тлетворные – таковыми были и крепостное право и личный произвол власти, то “самовластие”, то “тиранство”, которое наши предки очень хорошо умели отличать от “самодержавия”, но русская национальная власть на протяжении веков была великим творцом культуры»¹. В общий ход рассуждений о формах социально-политического устройства примешивается и скептицизм в отношении европейского парламентаризма. По мнению Струве, современные партии не правят, а общественные лидеры только политиканствуют: «Вопреки той распространенной доктрине, которая суть современной демократии видит в господстве политических партий, – я полагаю, наоборот, что эта демократия спасается от поражения и гибели преодолением партийности. Совершается это на разных путях, но совершается неуклонно и основательно»².

Анализируя события прошлого и настоящего, Струве предлагает культурно-политический проект Великой России как действенный план борьбы за Россию историческую. Струве противостоит мнению И. Бунина, что России конец. Он как бы не хочет слышать горькие размышления бунинского героя, плывущего на пароходе в Константинополь, в рассказе с характерным названием «Конец»: «России конец, всей прежней жизни тоже конец». Один из самых ярких патриотов, Струве страшно переживает эту катастрофу. Но, расставаясь с Россией, он ее не хоронит. В 1934 г. в Белграде Струве выступает с изложением восьми положений, где признает свершившуюся революцию политической, культурной и моральной катастрофой, но утверждает вечность России как национально-исторической личности, ставит перед ней задачу изживания язвы большевизма, подчеркивает, что большевики произвели первый раздел России – ее расчленение. Однако, по глубокому убеждению Струве, «России нужна не реставрация, а возрождение или новое рождение. Возрождение потому нужно, что только оно и возможно. Реставрация же невозможна»³. Струве излагает свое кредо полити-

---

¹ Струве П.Б. «Младороссы». Социал-легитимисты. «Крестьянская Россия». Национал-республиканцы // Там же. С. 382.

² Струве П.Б. Десятилетие царствования короля Александра I // Там же. С. 607.

³ Струве П.Б. Не социализм, не реставрация, а освобождение и возрождение // Там же. С. 351.

ка, патриота и человека русской культуры: «Как тогда, так и теперь я продолжаю верить в белую идею, в национальное освобождение, в предания и заветы исторической России. Мой национализм и мой консерватизм стали для меня на шестом десятке лет подлинной второй натурой»¹.

Струве ставит диагноз: главное бедствие современной России – потеря чувства исторической связи большого времени культуры. На это самоощущение русского человека, приведшее Россию как историческую личность к великой катастрофе XX в., он указывает со всей силой своего публицистического таланта. Струве предлагает вернуться в историю, т.е. в христианский универсализм и европейскую идентичность, через национальное государство. По Струве, русский человек обязан стать европейцем, идя по пути освоения национальной культуры. Рассуждая в «Вехах» о русской интеллигенции, он подчеркивает, что «русская идейная жизнь связана с духовным развитием других, дальше нас ушедших стран, процессы в них происходящие, не могут не отражаться на состоянии умов в России»². В другой работе Струве отмечает отсутствие критической традиции в русской философии и говорит о том, что надо учиться у Запада: «В этом отношении мы должны многому еще учиться на Западе, где критический дух есть ход многовекового развития культуры и науки... в русских умах есть какая-то философская свежесть... но, для того чтобы пустить в ход эту свежую силу, необходимо и ее дисциплинировать и настоящим образом ввести в русло мировой науки»³.

Проблема дисциплины мышления – это проблема культурной работы, которая преобразует человека в личность, это проблема европеизации и окультуривания русского социума, в широком смысле слова, о необходимости которой постоянно говорил Струве. Его интеллектуальная биография представляет собой именно попытку восполнения дефицита знаний и рациональной рефлексии, продолжая в то же время традицию русской культуры, создающей себя в языке и духовно-эстетическом переживании. Своей программой культурной работы философ и политик пытался выстроить

---

¹ Струве П.Б. Несколько признаний и заветных мыслей // Там же. С. 369.

² Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. М., 2007. С. 222.

³ Струве П.Б. Основные мысли книги М.О. Гершензона // На разные темы. Сб. ст. М., 1997. С. 265.

пространство «серединной» культуры, на отсутствие которой обращали внимание и Н.А. Бердяев, и Степун. В «Русской идее» Бердяев замечает: «У русского народа была огромная сила стихии и сравнительная слабость формы. Русский народ не был народом культуры по преимуществу, как народы Западной Европы, он был более народом откровений и вдохновений, он не знал меры и легко впадал в крайности. У народов Западной Европы все гораздо более детерминировано и оформлено, все разделено на категории и конечно»¹. Отсюда и эсхатологичность русского мироощущения, связанная с «самой структурой русского сознания, мало способного и мало склонного удержаться на совершенных формах серединной культуры»². Со всей отчетливостью на эту проблему укажет и Степун. Отсутствующим звеном в его видении является культура как инструментальная форма знаний и правового порядка, вкупе с простой моральной порядочностью: «Как стиль русской равнины и русского отношения к земле, так и стиль русского философствования явно свидетельствует о том, что религиозная тема России роковым образом связывается в России со своеобразным тяготением к бесформенности – с каким-то специфически русским формоборчеством. Есть нечто в русской душе (нечто очень глубокое и очень правдивое), что затрудняет всякий переход религиозной жизни в религиозную культуру и тем тесно связывает русскую религиозность с некультурностью России»³. Русской философии, по мнению Степуна, не удалось сформировать срединную культуру России, позволившую бы ей преодолеть бесформенность и непроясненность своей социальной и духовной жизни. Более того, «не став философией, она осталась полуфилософским и полурелигиозным отрицанием философии»⁴.

Как показали события, и Бердяев, и Степун были правы в оценке бесформенной религиозности русской культуры, приведшей к созданию коммунистического мифа. Струве же увидел проявление этой болезни русского духа в интеллигенции – носительнице отрицательного заряда русской религиозной стихии, настаивая на том, что «в безрелигиозном отщепенстве от государства русской интел-

---

¹ Русская идея в кругу писателей и мыслителей русского зарубежья: В 2 т. Т. 2. М., 1994. С. 205.

² Там же. С. 232.

³ Степун Ф.А. Жизнь и творчество. Избранные сочинения. М., 2009. С. 412.

⁴ Там же. С. 413.

лигенции – ключ к пониманию пережитой и переживаемой нами революции»¹. Это суть материализм и позитивный радикализм, «религиозность без ее содержания»². Отсюда следует у Струве идея воспитания и личной ответственности: «Вне идеи воспитания в политике есть только две возможности: деспотизм или охлократия»³. Интеллигенция возбудила народ, но не выступила его воспитателем в политике. Струве призывает русскую интеллигенцию пересмотреть свое мирозерцание и главный его устой – «социалистическое отрицание личной ответственности»⁴. За этим последует необходимый возврат к религиозному мировоззрению – т.е. к принципу «личного самоусовершенствования человека», безразличному для социализма⁵. Отвечая на извечный русский вопрос «что делать?», автор и идеолог «Вех» сформулирует стратегическую задачу, которой сам будет неукоснительно следовать до конца своей жизни: «Нам нужна, конечно, упорная работа над культурой. Но именно для того, чтобы в ней не потеряться, а устоять. Нужны идеи, творческая борьба идей»⁶. Позже, в 1927 г., на страницах «России» Струве выступит с «признанием и заветными мыслями» о русской интеллигенции, подчеркнув, что она знала страсть к свободе, но не обладала страстью к государственности и государственной мощи. Пройдя через крушение государственности, национальный позор и унижение, она сама должна возродиться на здоровой и зиждительной силе «государственного самоутверждения и национального самопризнания»⁷. На наш взгляд, подобная ситуация может быть объяснена только одним – констатацией разрыва между бытием культуры и ее общественно-политическим оформлением, что не позволяет проявлять человеку свое личное достоинство во всех сферах духовно-культурного и социально-политического творчества.

Как нам представляется, Струве нашел способ создания «срединной» культуры, выдвинув тезис о единстве политики и культуры.

---

¹ Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. С. 212.

² Там же. С. 216.

³ Там же. С. 217.

⁴ Там же. С. 220.

⁵ Там же. С. 210.

⁶ Там же. С. 224.

⁷ Струве П.Б. Несколько признаний и заветных мыслей // Дневник политика (1925-1935). С. 369.

Развивая мысль о демократии культуры, он шел от идеи воспитания культуры, под которой понимал общественную эволюцию на основе политических преобразований, чьей целью является воспитание человека-гражданина. Для Струве человек социума, гражданской общественности – это человек культуры. Русская мысль, как пишет Струве, именно культуру вычеркивала в своих идейно-политических проектах. По его словам, «она создана утилитаристами и аскетами, отрекшимися от культуры, то во имя мужика, то во имя Бога... и жало этого мирозерцания направлено, прежде всего, против идеи культуры, против самодовлеющей ценности духовных идеалов, воплощаемых в исторической жизни»¹. Справедливо говорить, что культуру Струве понимает как, своего рода, ресурс самоорганизации. Она дает возможность определенные идеи – политические и религиозные – «верифицировать» своим личностным опытом. Именно культура становится полем борьбы за человека. Культура диалогична, организуя собой пространство идейной борьбы и социальной коммуникации, влияющее на политику. Политика же, по Струве, это конкретная форма культурной работы, где метафизические ценности утверждаются через определенный набор инструментальных действий. Всем своим опытом интеллектуальной и социальной активности Струве пытался преодолеть сложившийся в русской культуре катастрофический для ее эволюционного развития разрыв метафизических и инструментальных ценностей – небом идеала и жизненными реалиями. Как нам видится, этот разрыв стягивался посредством мифа, который становился самообоснованием исторического и культурного предания: срыв развития после царствования Ивана Грозного, последовавшей Смутой, интервенцией и национальным ответом русской земли, который свелся к традиционной формуле порядка – царской власти. Срыв развития национального государства, произведенный церковными реформами Никона, когда произошел катастрофический раскол общества, его базовых консолидирующих ценностей. Затем петровская модернизация, казалось бы, вернувшая Русь в большое время истории через трансляцию империи, вестернизовавшая одну часть общества, а другую оставившая в средневековье, в веке XVI. И, наконец, разрыв между традиционалистским общественно-политическим устройством русского государства и об-

---

¹ Струве П.Б., Франк С.Л. Очерки философии культуры. Сб. ст. М., 1999. С. 134-135.

щим процессом культурного и экономического развития на рубеже XIX-XX вв., приведший к революции. Российская цивилизация не выдержала мистической истерии правых и революционной агрессии левых, сорвавшись в бездну...

В статьях и выступлениях послереволюционного периода Струве возвращается к центральной для него теме: воспитание свободного человека в личность есть основа общественной стабильности и развития. Она зиждется на идее личной годности, впервые высказанной в статье «Интеллигенция и народное хозяйство» в 1908 г.: «Прогрессирующее общество может быть построено только на идее личной годности, как основе и мериле всех общественных отношений.... в идее личной годности перед нами вечный реалистический момент либерального мирозерцания»¹. Создание личности невозможно без культурной и политической работы. Струве категорически заявляет: «Бессмысленно и нельзя противопоставлять политику и культуру. Только партийная, доктринерская, сектантская, т.е. порочно направленная и ослепленная, политика может быть противопоставляема национально-культурной работе. Разумно и верно направляемая, зрячая политика в своих психологически и технически правильных средствах и подходах и в своих все мелкое и одностороннее, все мелко-личное и случайно-внешнее преодолевающих высших целях и идеалах, такая политика, наоборот, как-то всецело совпадает с национально-культурным деланием, им питается, его подпирает»². Более того, как пишет Струве, «...возведение политической работы к ее высшему культурному и, в конечном счете, религиозному смыслу... в то же время... означает объединение политического действия и культурной работы в некое единое и напряженное национальное служение»³. Еще раз к определению политики он возвращается на последних страницах «Дневника политика»: «Это нечто гораздо большее, но без чего всякая политика и мелка, и скучна, и немощна. Я это чувствую всем своим существом. Чувствую и исповедую»⁴.

---

¹ Струве П.Б. Интеллигенция и народное хозяйство // Избранные сочинения. М., 1999. С. 80.

² Струве П.Б. По поводу статей Н.А. Цурикова // Дневник политика (1925-1935). С. 164-165.

³ Струве П.Б. По поводу статьи Н.А. Цурикова // Там же. С. 708.

⁴ Струве П.Б. На путях к церковному объединению // Там же. С. 816.

В отстаиваемой Струве позиции, действительно, можно видеть нечто большее, а именно – программу культурно-творческого христианского гуманизма. Культура духовна. Без христианства, по Струве, нас ожидает новое варварство. Христианство смогло включить в себя науку и дать светскую (гражданскую) концепцию права, защищающую онтологию личности – свободы лица, открытую искупительной жертвой Христа. Очевидно, в XX в. страны христианской традиции выступили авторами нового глобального мира. Европа и Америка как своего рода локомотив современности втянули в этот процесс неевропейские цивилизации. В современном геополитическом формате концепция христианского либерализма Струве видится как идея нового религиозного сознания и нового универсализма, где религия в большей степени не социальный институт, а духовный опыт личности – мера его нравственного самосознания. Эту программу Петр Бернгардович излагает в докладе «Метафизика и социология» (1934): «Я думаю, что на смену современному религиозному кризису идет новое подлинно религиозное мирозерцание, в котором воскреснут старые мотивы религиозного, выросшего из христианства, либерализма – идея личного подвига и личной ответственности, осложненная новым мотивом свободы лица, понимаемой как творческая автономия»¹.

Носителем христианского универсализма является свободно-творческая личность и нация, идущая путем социально-культурных преобразований – путем постоянной социальной, политической, экономической работы и духовного творчества. На этом понимании и основывается проект созидания Великой России, выношенный Струве в процессе борьбы за историческую Россию и отложенный в качестве стратегической задачи ее будущего созидания. В нем он выступает с призывом объединения гражданских сил страны для осуществления задачи вхождения России в современную европейскую цивилизацию. Идеиный базис и инструментарий, который содержит программа Великой России, сверхактуален. Ее целью является новое культурное и политическое сознание русского человека, задачей – мощь страны как результат внутривнутриполитического, экономического и культурного развития, конкретными направлениями работы – дисциплина труда, идея права и прав, свобода лица.

---

¹ Струве П.Б. Религия и социализм. Сб. ст. М., 1999. С. 97.

Версия национального либерализма Струве сегодня – это формирование государственности как одной из задач культурной модернизации, а также воспитание культурой личности и общества. Данный путь развития противостоит и советскому традиционализму, и ультра-либерализму, скорее, напоминающему большевизм и по идеологии, и по практике с жесткой прагматической целью обогащения малой группы за счет обрушения и деградации социально-культурной, государственной и экономической сфер. Потому для сохранения государства, культуры, нации возвращение метафизических идеалов свободы лица в высшем религиозном смысле в политике кажутся сегодня безальтернативными. Тем самым должно быть удержано срединное пространство жизни и культуры. К сожалению, следует признать: в перерождение российской олигархии в бизнес-элиту, заинтересованную в соработничестве со своим народом, верится с трудом, да и постсоветская бюрократия не стремится приобрести рациональные черты. Духовные же ценности и для одних, и для других находятся за пределами «иерархии потребностей». Данная властная и экономическая элита подчинена стратегии выживания любой ценой и за любую цену. Поэтому ни одна социальная группа или общественный слой не могут считать свое положение устойчивым и перспективным. Продуктивные ниши существования практически отсутствуют, поскольку доминирует стратификационная несовместимость, колоссальный разрыв в уровнях дохода на фоне разрушенного аграрно-производственного комплекса страны, хаотизированной системы образования и отсутствия социальных лифтов.

Но если сегодня задать вопрос молодому поколению об их отношении к историческому образу и опыту России, то ответ может вселить определенную надежду на возрождение страны – не реставрацию, а именно возрождение. В этом был абсолютно убежден автор, на наш взгляд, одной из самой интеллектуально продуманной, культурно укорененной и практически ориентированной концепции Великой России – П.Б. Струве. Идя по пути, предложенному Струве, можно обеспечить историческую преемственность социально-экономического, государственно-политического, религиозного и художественного опыта на уровне самосознания и поведенческих моделей человека русской европейской культуры. Версия либерального развития, предложенная Струве, предполагает много-

векторную культурную работу общества. В этом можно видеть и перспективу становления гражданской нации в современной России, и конкретную политическую задачу, которая будет заключаться в освоении исторического предания в живом творческом опыте культуры.

А.Н. Егоров (Череповец)

КАДЕТЫ И П.А. СТОЛЫПИН: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Проблема взаимоотношений кадетской партии с П.А. Столыпиным является одной из ключевых для понимания глубины и остроты тех противоречий, которые привели к революционным потрясениям 1917 г. На первый взгляд, кадеты и Столыпин должны были являться союзниками, ибо преследовали в общем одну и ту же цель – модернизацию государственных, социальных и правовых институтов, вершиной которой должно было стать гражданское общество и правовое государство западного капиталистического образца. Почему же они не смогли найти общий язык друг с другом?

Первое серьезное столкновение кадетов со Столыпиным произошло в июне 1906 г., когда резко обострился конфликт между правительством и I Государственной думой. Стремясь найти выход из кризиса, дворцовый комендант Д.Ф. Трепов вступил в переговоры с П.Н. Милюковым о формировании правительства из представителей кадетской партии. Одновременно либералы вели переговоры со Столыпиным, бывшим тогда министром внутренних дел, и министром иностранных дел А.П. Извольским о формировании коалиционного кабинета с участием общественных деятелей. По мнению Милюкова, инициатива Трепова о создании кадетского кабинета была серьезна, но она натолкнулась на мощное сопротивление Столыпина, которого кадетский лидер считал «злейшим врагом парламентского министерства», стремившимся с самого начала расстроить комбинацию, в которой для него самого не находилось места. Взяв курс на роспуск I Думы, Столыпин вел переговоры с кадетами о коалиционном кабинете не для достижения реального со-

глашения, а только чтобы «формально исполнить данное ему поручение и при этом найти мотивы для подкрепления собственного отрицательного мнения о кадетском министерстве»¹.

Столыпин действительно был убежденным противником парламентского строя, сторонником сильной монархической власти, и, поэтому соглашался лишь на создание коалиционного кабинета из «бюрократов и общественных деятелей». Но вступление в такое министерство означало для либералов простую продажу за министерские портфели, поскольку правительство отказывалось принять их политическую программу, рассчитывая лишь ослабить остроту политического кризиса, сманив лидеров оппозиции на свою сторону. Меньшинство, в котором оказались бы либералы в таком коалиционном правительстве, не позволило бы им практически вести борьбу за политические реформы. Поэтому, не только кадеты, но даже и поддержавшие Столыпина октябристы не соглашались вступать в правительство на таких условиях.

На роспуск I Государственной думы кадеты ответили Выборгским воззванием с призывом к пассивному сопротивлению властям. И хотя этот документ остался только на бумаге, его оказалось достаточно, чтобы кадеты оказались в глазах властей настоящими революционерами. Столыпин начал борьбу с либералами под лозунгом «вырвать кадетское жало» из страны. Кадетской партии было отказано в легализации, специальным указом запрещено чиновникам состоять в нелегализованных партиях, на выборах во II Думу власти делали все возможное, чтобы не допустить либералов в парламент. Не ограничиваясь административными мерами, Столыпин вел и идейную борьбу с кадетами, поручив ответственному редактору правительственного официоза газеты «Россия» И.Я. Гурлянду подготовить ряд брошюр, компрометирующих либералов. О содержании этих брошюр говорит характерная цитата: «Центральная группа партии – лицемеры, политические мошенники, люди, обратившие ложь, подлоги, клевету и плутовство в основную прием своей политической деятельности»².

Кадеты не оставались в долгу и высказали немало резких слов в адрес премьер-министра. Самые известные принадлежат Ф.И.

---

¹ Самодержавие и либералы в революцию 1905-1907 годов / Сост. С.А. Алексеев. М.-Л., 1925. С. 60.

² Васильев Н.П. Правда о кадетах. СПб., 1912. С. 18.

Родичеву, назвавшему в ноябре 1907 г. на заседании III Государственной думы виселицу «столыпинским галстуком», и это выражение осталось одним из символов того времени. Позднее, в эмиграции В.А. Маклаков упрекал свою партию в том, что она не смогла найти общего языка со Столыпиным. Причины этого он видел в личных амбициях, взаимных обидах, недальновидности либералов и непонимании ими сущности столыпинской политики. Из эмигрантского далека, после всех потрясений революции и гражданской войны стало казаться, что будь кадеты более благоразумны и умеренны, они смогли бы договориться с властью в лице ее лучшего реформатора, и вся история России могла бы пойти совсем другим путем. Точка зрения Маклакова была поддержана в эмиграции некоторыми либералами и получила признание в современной историографии. Однако сводить весь конфликт кадетов со Столыпиным только к личным амбициям и недальновидности либералов было бы большим упрощением проблемы.

Первым камнем преткновения был важнейший вопрос того времени – аграрный. Столыпин стремился ликвидировать общину, сделав тем самым труд крестьянина более производительным, а самого крестьянина превратить в зажиточного собственника. Кадеты предлагали другое решение аграрного вопроса. Рассматривая крестьянское малоземелье в качестве важнейшей проблемы, они предлагали передать крестьянам государственные, удельные, кабинетские и церковные земли, а также провести принудительное отчуждение части помещичьих земель за выкуп. Именно идея принудительного отчуждения и привела к столкновению либералов с правительством. Столыпин назвал кадетский вариант решения аграрного вопроса утопическим и едва ли не родственным программам социалистических партий, увидев в нем покушение на сам институт частной собственности. Он говорил, что «если признать принцип обязательного количественного отчуждения... в конечном выводе – это приведет к той же национализации земли»¹. Соратники Столыпина называли кадетские требования «криминальными», характеризуя их как «грабеж» в форме «насильственной экспроприации».

---

¹ Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия... Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906-1911. М., 1991. С. 91.

Для кадетов основанием для отчуждения выступал примат общественного блага над частным. Л.И. Петражицкий отмечал, что выдвигаемый правительством на первый план вопрос о неприкосновенности частной собственности «не только не может иметь решающего значения в области аграрной реформы, но и вообще не относится к делу», ибо в российском (как и в мировом) законодательстве неприкосновенность собственности отнюдь не означает абсолютной ее неотъемлемости. Соблюдение данного принципа не только не противоречит, но вполне согласуется с началами принудительного отчуждения со справедливым вознаграждением, если того требует общественная и государственная польза¹.

Столыпин, как известно, считал, что для полного реформирования стране необходимо 20 лет покоя. Однако либералы понимали – этих 20 лет может и не оказаться. В 1907 г. А.А. Кауфман писал, что «история привела нас к такому кризису, при котором *нельзя* (здесь и далее курсив автора – А.Е.) ни сложа руки ожидать постепенной пролетаризации и расцвета капитализма, ни возлагать надежды на постепенное улучшение положения дел под влиянием предстоящих... преобразований. Мы стоим перед таким кризисом народной и государственной жизни, который требует быстрых и решительных, хотя бы и паллиативных мер, способных если не излечить болезнь, то устранить остроту кризиса и подготовить почву для более радикального, но по необходимости медленно действующего решения». Другое обстоятельство, на которое указывал Кауфман – это психология народных масс, с которой «практический политик *обязан* считаться: полезно ли частное землевладение и владельческое хозяйство, или нет, – во всяком случае народные массы настроены к нему крайне враждебно, – и если аграрный вопрос... не будет разрешен законодательным путем, он, неизбежно, разрешится... «явочным порядком»². Исходя из этих положений, кадеты в своей аграрной программе стремились воплотить ту меру социального компромисса, на которую можно было, как им представлялось, склонить помещиков, и в разумности и целесообразности которой убедить, в конечном счете, крестьянство. А стремление

---

¹ Дебаты о земле в Государственной думе (1906-1917 гг.): Документы и материалы. М., 1995. С. 16.

² Кауфман А.А. Рец. на: А.И. Скворцов. Аграрный вопрос и Государственная Дума // Русская мысль. 1907. Кн. 1. С. 15.

Столыпина любой ценой защитить помещичье землевладение превращало его в глазах либералов (как, впрочем, и революционеров) в защитника интересов помещичьего дворянства.

В одной из своих речей Столыпин произнес знаменитые слова о том, что правительство делает ставку «не на убогих и пьяных, а на крепких и сильных». В ответ кадеты упрекали Столыпина в попытке расслоить крестьянство и опереться на его зажиточную часть. Обсуждая центральное звено аграрной реформы – указ 9 ноября 1906 г., либералы подчеркивали: «Укрепляя за домохозяевами лишнюю землю, вы экспроприируете ее у общества, у других многосемейных крестьян. Указ производит принудительное отчуждение земли у бедных в пользу богатых... Указ вносит раздор и злобу в крестьянскую среду»¹. По мнению Милюкова, столыпинская реформа проводилась по принципу: «богатым прибавится, у бедных отнимется», чем вбивался клин между зажиточными и бедными крестьянами. Либералы резонно опасались, что крутые меры по осуществлению реформы вызовут недовольство в крестьянской среде и приведут к революции, а потому призывали к постепенности и осторожности. Кадеты не отрицали недостатков общинного хозяйства, признавали факт постепенного разложения общины, соглашались и на облегчение выхода из нее. Но, как подчеркивал Милюков, они «решительно протестовали против насильственного разрушения этого единственного оплота, который все еще представляла община, против хищнического захвата и распродажи ее наделов сильными элементами деревни, и признавали возможность эволюции общины в направлении кооперации и артельного хозяйства»².

Наиболее серьезный исследователь либеральной программы В.В. Шелохаев отмечал, что аграрно-крестьянский вопрос ставился и решался русскими либералами как широкая комплексная проблема, включавшая в себя различные аспекты: политические и правовые, экономические и социальные, духовные и нравственные³. Вкладывая в аграрные преобразования не только экономический, но и социальный смысл, кадеты выступали, прежде всего, за сглаживание социальных контрастов в крестьянской среде. При

---

¹ Изгоев А.С. Русское общество и революция. М., 1910. С. 124.

² Милюков П.Н. Воспоминания. В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 50.

³ Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996. С. 137.

этом частная собственность на землю не выступала панацеей от всех бед. А.А. Корнилов подчеркивал, что земля должна быть передана крестьянам «соответственно тем обычным формам землеустройства, которые в каждой данной местности складываются, т.е. вопрос о том, на каких основаниях земля будет наделена крестьянам – в постоянное владение или в общинное пользование, или личное, – это мы предоставляли решить в каждой данной местности местному населению»¹. Поэтому кадеты, не сводя все только к принципу защиты частной собственности, выступали за разумное сочетание, но не противопоставление различных форм земельной собственности (частной, общинной, государственной).

Отношение к частной собственности выпукло показывает мировоззренческие различия между Столыпиным и либералами. Столыпин выводил права человека из частной собственности, считая, что вначале нужно обеспечить экономические условия, а потом уже осуществлять «свободы». Отсюда и его формулы: «сперва гражданин, потом гражданственность», «сначала успокоение, потом реформы». А кадеты на первое место ставили права человека, рассматривая частную собственность лишь как один из факторов обеспечения свободы личности. С их точки зрения, провозглашение частной собственности «священной и неприкосновенной» может быть понято либо как проявление защиты своекорыстных интересов отдельных социальных групп, либо как ошибочный шаг, исходящий из преувеличения ее возможностей. Выступая в Государственной думе, соратник Столыпина В.И. Гурко, говорил: не богатство населения зависит от того или иного правопорядка, а правопорядок является следствием той или иной степени богатства. Нет, господа, заявлял в ответ кадет А.И. Шингарев, в стране, где нет свободы личности, «никогда вы не получите благ личной собственности; в этой стране, если вы не освободите земледельца, если вы не создадите политических условий для него, вы не получите его обогащения, вы не достигнете той цели, к которой вы желаете идти»². По мнению кадетов, попытка провести либеральную аграрную реформу вне связи с демократическими преобразованиями в стране была обречена. Даже высоко ценивший Столыпина П.Б. Струве отмечал, что «его аграрная политика со всеми ее следствиями стоит в кричащем

---

¹ Корнилов А.А. Аграрная программа партии Народной Свободы. Пг., 1917. С. 23.

² Цит. по: Анфимов А.М. П.А. Столыпин и российское крестьянство. М., 2002. С. 112.

противоречии с его остальной политикой. Она изменяет экономический "фундамент" страны, в то время как вся остальная политика стремится сохранить в возможно большей неприкосновенности политическую "надстройку" и лишь слегка украшает ее фасад»¹.

Конечно, Столыпин не замыкался только на аграрных преобразованиях. С трибуны Государственной думы он декларировал широкую программу реформ, но многие из них так и остались лишь на бумаге. Либеральная оппозиция отмечала явный разрыв между обещаниями и реальностью, что порождало недоверие к власти, сомнения в искренности объявленных преобразований. «Получается странное, кошмарное впечатление, – иронизировал А.С. Изгоев. – Сотни важных, существенных для населения реформ, точно волшебные шары, вылетают неизвестно откуда, прыгают, мешаются один с другими и затем неизвестно куда исчезают. Точно и на самом деле это не реформы, а баллоны, выпускаемые с разведочными целями. Невольно возникает мысль, что этих реформ тем больше и тем они шире, чем меньше шансов на их осуществление. Серьезно ли все это или тут преследуются какие-то особые цели?»²

Кадеты понимали, что за спиной Столыпина стоят Николай II и консервативные придворные круги, для которых конституционные идеи оставались чуждыми и враждебными. Столыпин не мог не учитывать их мнение, прямая и открытая борьба с правыми за конституционные реформы означала для него потерю власти. Либеральная публицистика отмечала постепенный крен правительственного курса вправо, отказ от декларированных реформ. Отсюда постоянные упреки в адрес Столыпина в том, что он ради сохранения власти шел на все большие уступки придворным кругам. Подобная политика низводила его, по мнению Милюкова, «на роль исполнителя чужих приказаний»³. Струве в отклике на убийство Столыпина назвал его жертвой старого строя: «История политического отступления Столыпина есть не столь сенсационная, но, в сущности, гораздо более трагическая повесть о том, как все еще живучий старый порядок обессилил и засосал государственного деятеля, который многими головами возвышался над уровнем русской бюрократии»⁴.

---

¹ Струве П.Б. *Patriotica: Политика, культура, религия, социализм*. М., 1997. С. 151.

² Изгоев А.С. П.А. Столыпин // *Русская мысль*. 1907. Кн. 12. С. 137.

³ Милюков П.Н. *Воспоминания*. В 2 т. Т. 2. С. 69.

⁴ Струве П.Б. *Преступление и жертва* // *Русская мысль*. 1911. № 10. С. 142.

Немаловажным был и вопрос о методах проведения реформ. Кадеты были убеждены, что «способы и приемы борьбы за известные идеалы сами по своему существу не должны этим идеалам противоречить, но должны представлять собою школу, воспитывающую людей в духе этих самых идеалов»¹. Столыпин считал вполне возможным ради государственного блага переступить через те или иные формально-правовые ограничения. Об этом говорит и роспуск первых Дум, и антиконституционное изменение избирательного закона 3 июня 1907 г., и указ о военно-полевых судах, и проведение целого ряда законов в обход Думы по 87 статье Основных государственных законов. Для всех этих мер можно найти немало оправданий, но одно очевидно: политическая партия, провозгласившая своей целью борьбу за правовой строй, не могла поддержать меры, шедшие вразрез с правом. Как писала А.В. Тыркова-Вильямс, правительство «своими военно-полевыми судами роняло саму идею справедливости и правосудия. Эти суды были похожи на расправу с неприятелем в завоеванной стране, к ним с одинаковым справедливым негодованием относились и социалисты и либералы»².

Столыпин пытался наладить работу с парламентом, но в его представлении движущей силой реформ должно было стать правительство, которое превращалось в важнейшую самостоятельную инстанцию между монархом и законодательными учреждениями. «Правительство, – говорил премьер-министр, – не является теперь исключительно высшим административным местом, ведущим текущие дела, ему присвоены теперь и другие задачи политического свойства»³. Поэтому Совет министров и вводил в практику собственное законодательство по 87 статье, не стесняясь поставленными этой статьей условиями. Столыпин мотивировал это тем, что «законодательные учреждения обсуждают, голосуют, а действует и несет ответственность правительство». В глазах либералов это было низведением Государственной думы до роли совещательного органа. «Теория, развитая П.А. Столыпиным, – писал Изгоев, – есть теория просвещенного абсолютизма, соглашающегося терпеть около себя представительные учреждения, если они согласны одоб-

---

¹ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881-1914. М., 1997. С. 281.

² Тыркова-Вильямс А.В. Воспоминания. То, чего больше не будет. М., 1998. С. 457.

³ Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия... С. 346.

рять правительственные мероприятия»¹. Опираясь на свои правовые взгляды, кадеты считали, что 87 статья должна применяться только в исключительных ситуациях, когда малейшее промедление недопустимо. «Между тем, – отмечала либеральная публицистика, – у нас она применяется без всякого соображения с действительной настоятельностью предпринимаемой меры... Такой способ пользования 87 статьей естественно наводит на мысль, что правительство намерено через посредство этой статьи сохранить за собой фактическую возможность законодательствовать по прежнему без народного представительства»².

Другая немаловажная проблема, разделявшая кадетов и Столыпина – это отношение к революционному терроризму. В дни работы II Государственной думы Столыпин пытался добиться от либералов публичного осуждения «красного террора». Он даже обещал Милюкову легализовать кадетскую партию, если тот сделает символический жест – опубликует в «Речи» статью с осуждением революционного насилия. Кадетское руководство не пошло на этот шаг, считая подобное заявление «моральной гибелью партии», так как в осуждении террора общественное мнение увидит одобрение действий правительства. Маклаков так объяснил позицию кадетов: «Мы политические убийства не осудили потому, что думали, что эти осуждения скроют от глаз народа их настоящую причину. Мы считаем, что это наше горе, которое только в России есть, и это горе питается условиями русской жизни... Мы думали, что осудить политические убийства – это значило дать повод власти думать, что она права»³.

Кадеты видели причины террора в неправомерных действиях правительства, которое, декларируя на словах приверженность праву, на деле постоянно его нарушало. Военно-полевые суды, с точки зрения Столыпина, были вполне законной самозащитой государства, а, с точки зрения либералов, подрывали само понятие законности и государственности. Причем дело было не только в военно-полевых судах, но и в общей атмосфере произвола на местах, вызванной жесткими мерами по подавлению революции. Либе-

---

¹ Изгоев А.С. П.А. Столыпин // Русская мысль. 1907. Кн. 12. С. 136.

² Линд В. Рец. на: Г. Штильман. Внепарламентское законодательство в конституционной России // Там же. С. 246.

³ Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. В 2 т. Т. 1. М., 1996. С. 277.

ральная публицистика постоянно подчеркивала: «Дело не в неувлечительности закона, а в неисполнении, в нарушении закона, в полном разладе, существующем у нас между юридически признаваемым полным разрывом с прошлым и практически торжествующими наиболее ненавистными атрибутами старого режима». В теории в стране были декларированы различные права и свободы. «Но все это в условиях окружающей нас действительности звучит вполне отвлеченно, а на практике, как известно, происходит как раз диаметрально противоположное. В этом противоречии и заключается современный трагизм нашей государственной жизни»¹.

Несложно заметить, что одни и те же действия выглядели в глазах правительства и либералов по-разному. Если для Столыпина военно-полевые суды являлись врачебными мерами, то для кадетов они были произволом. Подобная разница во взглядах вытекала из различного менталитета власти и общества: если для правительства интересы государства превыше всего и ради них можно пойти на жесткие меры, то для либералов на первом месте стояли интересы личности. Оставаясь наиболее последовательными защитниками прав человека, с какой бы стороны они не нарушались, кадеты не могли поддержать насильственные меры Столыпина по подавлению революции. Недаром Милюков писал в эмиграции, что вопрос об «амнистии террористам» был основным пунктом расхождений кадетов со Столыпиным, «даже более серьезным, чем аграрная реформа»².

Немаловажную роль играл и психологический настрой. Либералы, неоднократно сталкивавшиеся с административно-полицейскими преследованиями, привыкли не ждать от власти ничего хорошего, видеть в ней своего врага. Отсюда и известное либеральное положение о противостоянии двух лагерей: власти и общества, правительства и оппозиции. Тыркова-Вильямс отмечала, что между правящими кругами и либеральной общественностью «громоздилась обоюдная предвзятость. Как две воюющие армии, стояли мы друг перед другом. А ведь мы одинаково любили нашу общую родину»³. С точки зрения Милюкова, противостояние Сто-

---

¹ Линд В. Указ. соч. С. 246.

² Самодержавие и либералы в революцию 1905-1907 годов ... С. 69.

³ Тыркова-Вильямс А.В. Указ. соч. С. 460.

лыпина и кадетов отражало борьбу двух тенденций общественного развития – дворянской и демократической, причем между ними «не могло быть примирения: шла классовая борьба, в которой правительство приняло сторону «правлящего класса»¹.

В эмиграции Маклаков отмечал: «Я не могу понять, почему мы не возражали, что кадеты были профессорами или судьями, но не могли допустить, как могут сделаться те же кадеты губернаторами или полицмейстерами... Но, одобряя эту политику у других, я все-таки сам на эту роль не пошел бы... Не пошел бы даже в сенаторы, в чем состояло, по моему взгляду, мое призвание; не мог бы, потому что была моральная преграда; был известный Рубикон, который можно было переступить, чтобы оказаться в правительственном аппарате». Маклаков писал, что, соглашаясь с идеей Струве об «оздоровлении власти», он, тем не менее, со Столыпиным боролся и «помогать бы ему не пошел... между Столыпиным и мною стояла такая моральная и политическая стена, что совместная работа была невозможна, и если бы даже я отказался от оппозиции, то не пошел бы в ряды сторонников Столыпина»².

Таким образом, кадетов и Столыпина разделял целый комплекс объективных и субъективных противоречий, что и привело к невозможности компромисса между ними. При этом вряд ли правомерно ставить вопрос в плоскости «кто виноват?» – кадеты или Столыпин и его команда. И те и другие ставили благие цели и шли к ним теми методами, которые считали правильными. История рассудила по-другому. Россия не пошла ни по «кадетскому», ни по «столыпинскому» пути, и проигравшим осталось лишь сожалеть в эмиграции о том, что разрыв, происшедший между государственным аппаратом и либеральной интеллигенцией, принес свои горькие плоды.

Н.Б. Хайлова (Москва)

**«ДРУГ ПОРЯДКА, ОСНОВАННОГО НА СВОБОДЕ И ПРАВЕ»:
М.М. КОВАЛЕВСКИЙ ПРОТИВ П.А. СТОЛЫПИНА³**

---

¹ Милюков П.Н. Воспоминания. В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 49.

² Цит по: Будницкий О.В. Маклаков и Милюков: два взгляда на русский либерализм // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. Материалы международной научной конференции / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 1999. С. 424-425.

³ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-01-00168а.

В биографиях Максима Максимовича Ковалевского (1851-1916) и его почти ровесника С.А. Муромцева много общего: оба были представителями старинных дворянских родов, знатоками права, блестящими профессорами, признанными лидерами либерального движения в России на рубеже XIX-XX вв., чьи взгляды позволяют отнести их к «выкристаллизовавшемуся» тогда в событиях русской Смуты новому типу политика – политика-центриста¹. Знакомство Ковалевского с Муромцевым состоялось в 1877 г. в кружке молодых профессоров Московского университета, объединенных «готовностью послужить своим знанием и своей энергией не отвлеченной науке, а запросам жизни»². Реализацией этой потребности стала деятельность Муромцева (председатель) и Ковалевского в университетском Юридическом обществе, а также их участие в редактировании журнала «Юридический вестник». Дружеские отношения между ними сохранились на всю жизнь. Летом 1884 г. Ковалевский, отличавшийся независимостью нрава, во время своего выступления на 6-м археологическом съезде в Одессе устроил «мирную демонстрацию» в знак солидарности с уволенным из университета Муромцевым – «одним из лучших лекторов» и «наиболее выдающимся» в России знатоком римского права³. В 1887 г. и самого Ковалевского постигла та же участь, что послужило причиной его вынужденной эмиграции. В начале 1900-х гг. он считал настоящим «праздником» для организованной им в столице Франции Русской высшей школы общественных наук «случайные выступления в ней при их проезде через Париж» ряда известных деятелей, в т.ч. Муромцева⁴. По возвращении в Россию летом 1905 г. Ковалевский, сразу же вовлеченный в водоворот общественных событий, был неприятно поражен разворачивавшейся на его глазах «либерально-демократической комедией» во главе с «торжественно-надутым Муромцевым», «каркающим Кокошкиным в роли конституционного советника, с Милюковым, пробирающимся в дамки, и Петрункевичем, мечтающим пока только о портфеле»⁵. Накал политических

---

¹ См. подробнее: Аронов Д.В. Первый спикер: опыт научной биографии Сергея Андреевича Муромцева. М., 2006; Хайлова Н.Б. Максим Максимович Ковалевский // Ковалевский М.М. Избранные труды: в 2-х ч. Ч. 1. М., 2010. С. 5-52.

² Ковалевский М.М. Моя жизнь. Воспоминания. М., 2005. С. 203.

³ Там же. С. 221.

⁴ Там же. С. 278.

⁵ Там же. С. 528.

страстей нередко таил в себе опасность обострения отношений между «старыми товарищами» и «неизменными приятелями». Так, например, Ковалевский с удивлением узнал о том, что Муромцев обратился «с подобием какого-то циркуляра», воспрещавшего кадетским публицистам «снабжать своей прозой» редакцию газеты «Страна». В свою очередь, не встретили сочувствия Муромцева – председателя I Думы – как мнение Ковалевского («в смысле утвердительном») насчет того, «своевременно ли говорить об амнистии»¹, так и его полемика («не без задора») с правительством по поводу государственного выкупа помещичьих земель. По словам Ковалевского, в период работы I Думы раздражала кадетское руководство и его независимость от какой-либо партийной программы («недисциплинированность»)². Тем не менее, встретившись с Муромцевым вскоре после роспуска первого парламента на похоронах Герценштейна, Ковалевский был рад возможности общения с давним соратником («у нас было о чем поговорить») и искренне раздосадован обстоятельствами, помешавшими этому³. Неподдельным сочувствием проникнуты воспоминания Ковалевского о последних днях жизни Муромцева, вынужденного «искать добавочного заработка»: «Читать более 20 лекций в неделю [...] это своего рода самоубийство»⁴.

По словам Ковалевского, Муромцев продолжал оставаться «несомненным вождем русского освободительного движения» и после того, как за участие в подписании Выборгского воззвания был лишен возможности участвовать в парламентской работе. Следует заметить свойственное им обоим (как, впрочем, и большинству представителей оппозиции) резко критическое отношение к столыпинской политике, что, в свою очередь, на наш взгляд, дает основания усомниться в обоснованности той апологии П.А.Столыпина, которая стала заметным явлением в последнее время. В ответ на распространенный аргумент сегодняшних почитателей последнего реформатора в истории Российской империи («лицом к лицу лица не увидеть...») можно сослаться на мнение А.М. Рыкачева (1876-1914) – экономиста, публициста, одного из идеологов отечествен-

---

¹ Там же. С. 362.

² М. Ковалевский. Моя жизнь... С. 365-366.

³ Там же. С. 377.

⁴ Там же. С. 385.

ного национал-либерализма. Рыкачев предостерегал исследователей социального законодательства от впадения в одну из крайностей: либо в «чрезмерный субъективизм» (руководствуясь «только желанием осудить или оправдать»), либо в «бесплодный объективизм», когда «исследователь пренебрегает субъективными оценками людей, получающих от закона пользу и вред». Призывая коллег основывать «свой объективизм на субъективных оценках заинтересованных сторон», Рыкачев полагал, что именно «односторонние мнения заинтересованных лиц, партий и классов населения обнаруживают места наименьшего и наибольшего сопротивления, встречаемого законом, а, следовательно, выясняют объективное значение закона в жизни всего народа»¹.

В 1906 – начале 1907 гг. как одну из трибун для распространения дорогих ему взглядов («развития сознания необходимости тесной, сплоченной организации всех общественных сил, действующих во имя свободы и народного блага, для борьбы с произволом и насилием самодержавной бюрократии»²) Ковалевский использовал газету «Страна», в редакции которой ему принадлежала ведущая роль. Газета фактически являлась органом Партии демократических реформ (ПДР) (1906-1907), ставшей первым опытом партийного самоопределения либералов-центристов. Идеологи ПДР видели суть столыпинского курса в том, чтобы «подавить, заодно с анархией, и общественную самодеятельность, а в то же время, осчастливить народ помимо его воли и без его содействия», превратить Думу в «декоративное дополнение» правительственной политики³. По мнению ПДР, политика Столыпина не отличалась оригинальностью, а лишь в наиболее концентрированном виде выражала давнишние устремления российской бюрократии⁴. Задачей момента объявлялась «полная реорганизация государственной власти» путем установления в России «строго гарантированного и основанного на свободе порядка»⁵. Не находя никаких оснований (с позиций «общественного блага») для практики военно-полевых судов, Ковалевский убеждал правительство «отбросить все помыслы о том, что

---

¹ Рыкачев А. Рабочий вопрос в Новой Зеландии. [Отчет В. Кларка в «Бюллетене Бюро Труда»] // Народное хозяйство. 1904. Кн. 5. С. 71.

² Страна. 1906. 19 февраля.

³ Там же. 1906. 21 сентября.

⁴ Там же. 1906. 18 августа.

⁵ Там же. 1906. 24 августа; 20 сентября.

оно может победить народ и править Россией как завоеванной страной»¹: «Государственным человеком можно признать только того, кто своевременными уступками общественному мнению ослабляет силу его напора. Обещание же согнуть в бараний рог может оказать воздействие на слабые души, но не на целый народ, руководимый желанием добиться свободы и справедливости»². «Единственный здравый метод политики: реформы как источник успокоения, а не наоборот»³.

Характеризуя «конституционализм г. Столыпина», Ковалевский и его единомышленники отмечали: «Кабинет г. Столыпина продолжает дело г. Горемыкина – дело развенчания акта 17-го октября и демобилизации всех обещанных свобод». Настаивая на том, что правительству глубоко чужда идея, «которой оно призвано служить», редакция «Страны» заявляла: «Правительство стоит у раскрашенной, набитой всякими снадобиями мумии акта 17-го октября. Оттого оно неподвижно, как древний жрец, по внешности – строго и корректно, а внутренно – беспомощно и жалко. Новорожденную нашу свободу задушили и из трупа соорудили египетскую мумию, с головоломными надписями, напоминающими о блеснувшем было счастье, о нерасцветших правах и обязанностях граждан. Эту мумию крепко обнимает кабинет г. Столыпина. Может ли он с нею двинуться вперед?»⁴

Характерен повторяющийся призыв Ковалевского в период выборов в I и II Думу – «развернуть над знаменами отдельных партий одно великое знамя русской свободы и законности»⁵: «Благо целого, с которым неразрывно связано строгое соблюдение права всех, – вот тот предел, о котором в равной степени забывают и министры, делящие народ на покровительствуемую ими опричнину и преследуемую земщину, и партии, для которых чужое знамя является тряпкой»⁶. Подвергаясь политическим преследованиям («"столыпинская банда" меня терпеть не может»⁷), Ковалевский на завершающем этапе выборов во II Думу зимой 1907 г. был исклю-

---

¹ Там же. 1906. 31 августа.

² Там же. 1906. 7 декабря.

³ Там же. 1906. 25 ноября.

⁴ Там же. 1906. 4 ноября.

⁵ Там же. 1906. 14 октября.

⁶ Московский еженедельник. 1907. 24 февраля. С. 8.

⁷ Ковалевский М.М. Моя жизнь. Воспоминания. М., 2005. С. 530.

чен Петербургской губернской избирательной комиссией из числа выборщиков. Однако 8 февраля 1907 г. состоялось его избрание (от Академии наук и университетов) в Государственный совет, где он вскоре возглавил т.н. прогрессивную группу.

«Целости и единству империи не грозит удовлетворение справедливых требований всех подданных на равенство в свободе, а населяющих ее национальностей – на беспрепятственное развитие их культурных особенностей. Серьезную опасность для нее представляет только разрыв правительства с общественным мнением»¹, – таков был лейтмотив многочисленных выступлений Ковалевского, в т.ч. в связи с обсуждением в III Думе «финляндского вопроса». Разоблачая курс правительства на создание «воинствующего» земства в шести губерниях Западного края, Ковалевский настаивал на том, что «только предоставление местных нужд ведению избранных местного населения, без различия этнографических и исповедных групп его составляющих, и при полной свободе выборов, ведет к сближению и сплочению различных пластов населения, объединяемых общим служением не одним хозяйственно-административным интересам края, но и его [...] внутреннему миру и общественному согласию». Ковалевский неизменно призывал представителей законодательных палат России проникнуться мыслью: «монархия, ставящая во главе государства человека независимого и возвышающегося над партиями, призвана спасти общество от национальной и религиозной, сословной и классовой борьбы»².

Подобно Муромцеву и другим представителям оппозиции, Ковалевский характеризовал складывавшийся в пору пребывания Столыпина у власти политический режим как мнимоконституционный, полагал, что деятельность правящих кругов направлена на то, чтобы повернуть развитие событий вспять. Как ученый-правовед Ковалевский считал своим долгом разьяснять «различие закономерного строя и строя революционного», убеждая, что не существует «иного способа установления чувства законности вне закона и его точного применения»: «Целость и единство Империи требуют, чтобы закон, действующий в Петербурге, также считался законом и в Ялте и в Вологде, каковы бы ни были соображения о государственных пользах и нуждах и понимание этих государственных

---

¹ Страна. 1907. 11 января.

² Вестник Европы. 1911. № 3. С. 258-259.

польз и нужд администратором Ялты или администратором Вологды»¹. Ковалевский особо подчеркивал мысль о том, что «только при развитии и упрочении законности» возможен «подъем общего благосостояния всей России»². Еще одной важнейшей составляющей успеха экономических реформ в России он считал их социальную ориентацию – учет интересов большинства населения страны, каковым на рубеже XIX-XX вв. являлось крестьянство.

Приветствуя стремление России стать «страной промышленной, торговой, страной кредитных операций, банков и биржи», Ковалевский настаивал на том, что «прогресс промышленности может совершаться лишь рядом с прогрессом земледелия», а не в ущерб последнему³. Сторонник свободного саморазвития общины, он разделял мнение разработчиков Крестьянской реформы 1861 г. «о желательности предоставить разрешение вопроса об общине самой жизни и о нецелесообразности принятия каких-либо искусственных мер к поддержанию или уничтожению общины»⁴. Подчеркивая принудительный и антиправовой характер аграрной реформы, Ковалевский характеризовал указ 9 ноября 1906 г. как «*coup d'état* министерства Столыпина»⁵, рассматривая его как нарушение Манифеста 26 февраля 1903 г. и Основных законов, а также как «узурпацию законодательных прав Думы». «Гигантский переворот», «земельная революция, какой мир еще не знал», – эти определения столыпинского землеустройства рефреном проходили через все публикации и речи Ковалевского в Государственном совете, посвященные аграрной политике правительства. Он предупреждал: «Произвол сверху всегда сопровождался произволом снизу [...] Министры, сами нарушающие законы и конституцию, [...] готовят гибель тому порядку, который они призваны охранять»⁶. «Мне, кажется, суждено играть в России роль Кассандры, – делился Ковалевский грустными размышлениями. – Я постоянно предсказываю падение правительственного авторитета ввиду ряда промахов и ошибок. [...] Мне до-

---

¹ Государственный совет. Стенографические отчеты. 1907-8 годы. Сессия третья. Заседания 1-44 (1 ноября 1907 г.–5 июля 1908 г.). СПб., 1908. Стб. 838.

² Государственный совет. Стенографические отчеты. 1908-9 годы. Сессия четвертая. Заседания 1-44 (15 октября 1908 г. – 12 июня 1909 г.). СПб., 1909. Стб. 593.

³ Ковалевский М.М. Экономический строй России. СПб., 1900. С. 65.

⁴ Запросы жизни. 1910. 21 марта. С. 705.

⁵ Страна. 1906. 14 ноября.

⁶ Там же. 30 ноября.

рог правительственный авторитет, но я знаю, что его сила не в штыках и не в чиновниках, а в нравственной поддержке народа. Но она обеспечена ему лишь до тех пор, пока народ верит в справедливость власти»¹.

Отвечая апологетам столыпинского аграрного законодательства, Ковалевский подчеркивал коренные отличия в судьбе общины на Западе и в России: «Феодализация земельной собственности [...] совершилась на Западе медленно, в течение столетий и, может быть, в большей степени под влиянием внутренних причин, чем благодаря прямому вмешательству законодателя. Упразднение феодализма и тесно связанного с ним крепостного права также растянулось на ряд столетий. [...] У нас не законом, а административным распоряжением – указом проложен путь к упразднению коллективных форм собственности, и Государственная Дума третьего призыва, как и Государственный Совет, только уступая настойчивым требованиям правительства, дает согласие на эти мероприятия случайным большинством то двух, то нескольких десятков голосов. В таких условиях еще не происходило “реформ”, столь тесно связанных с дальнейшими судьбами многочисленного класса населения, а потому и со всем будущим государства». Ковалевский солидаризировался с мнением С.Ю. Витте, обратившим также внимание на то, что в отличие от Крестьянской реформы 1861 г., которая «была произведена после многолетней подготовительной работы и двукратного опроса заинтересованных», столыпинская аграрная реформа представляла собой «поход против крестьянских порядков землепользования», затеянный и осуществленный исключительно «канцелярией»².

Ссылки защитников правительственной политики на опыт Западной Европы Ковалевский считал не всегда убедительными: «Справедливо, что общинное владение стало быстро разрушаться в ней с XVIII века, но делать отсюда вывод, что и нам нужно последовать по тому же пути, уже потому неправильно, что в наши дни законодательная практика, вместе с наукой, признает ошибочным искусственное разрушение общины. [...] Не представляя собою наиболее совершенной формы землевладения, сельская община со временем несомненно уступит место другим порядкам; но дале-

---

¹ Там же. 30 декабря.

² Вестник Европы. 1910. № 6. С. 58-59, 81.

ко небезразлично, падет ли она под ударами законодательства, или разрушится постепенно под влиянием изменения условий хозяйственной жизни страны и пробудившегося в населении сознания выгод перехода к другим занятиям, требующим отлива части его в города»¹. Ковалевский до последнего надеялся на то, что в России все-таки удастся «придумать средства к тому, чтобы примирить свободный выход из общины с ее сохранением»².

Предвидя вследствие реформы «неизбежную экспроприацию значительных народных масс» и нарастание «раздражения и смуты» в стране, Ковалевский приходил к выводу: «При отсутствии серьезных средств борьбы с последствиями безработицы и невозможности быстрого удешевления нашей промышленности, идти на опыт грандиознейшего искусственного разложения старинных общественных устоев русского народа сельской земельной общины и семейной собственности значит делать то, что консерватор Ю. Самарин давно окрестил названием *революционного консерватизма*»³.

Ковалевский всегда рассматривал решение аграрно-крестьянского вопроса в широком контексте обновления России. Обращая внимание на необходимость агрономического просвещения народа, развитие мелкого сельскохозяйственного кредита⁴, важнейшей задачей государственной политики он считал заботу о развитии образования – приобщении народных масс к «основным началам современной культуры и гражданственности». В этом Ковалевский видел главный смысл Великих реформ Александра II и Манифеста 17 октября 1905 г. Насколько продвинулось правительство Столыпина в исполнении этих «заветов» к началу 1910 г.? Ковалевский отвечал на этот вопрос так: «Если не иметь в виду не раз повторенное обещание “в более или менее близком будущем” ввести у нас систему дарового и обязательного обучения да еще о затрате с этой целью лишнего десятка миллионов, что при населении в сто пятьдесят миллионов дает всего 6 ½ копеек на человека, то придется сказать, что нами ровно ничего не сделано с эпохи освободительного движения для внесения в народные массы недоста-

---

¹ Вестник Европы. 1910. № 1. С. 265-266.

² Государственный Совет. Стенографические отчеты. 1909-10 годы. Сессия пятая. Заседания 1-64 (10 октября 1909 г.–17 июня 1910 г.). СПб. 1910. Стб. 13, 1207-1217.

³ Запросы жизни. 1910. 21 марта. С. 714-716.

⁴ Государственный Совет. Стенографические отчеты. 1910-11 годы. Сессия шестая. СПб. 1911. Стб. 1721-1722 [Заседание 35-е, 31 марта 1911 г.].

ющего им света знания». При этом Ковалевский признавал объективную причину неудачи властей в решении «давно назревшей потребности» – «отсутствие свободных средств» («последняя война вовлекла нас в неоплатные долги»)¹. В этой связи свои надежды на скорейшую реализацию в России принципа всеобщего обучения Ковалевский связывал с развитием широкой частной и общественной инициативы (в т.ч. земств) в сфере образования. «Бить в набат» Ковалевского призывало и «безотрадное положение» высшей школы в России («ее бытие равно небытию»)². «При 150.000.000 населения мы имеем 9 университетов, а маленькая Италия имеет их 21 (17 государственных и 4 провинциальных), Германия имеет их 23»³, – приводил он неопровержимые статистические данные.

По мнению редакции газеты «Слово», одного из «рупоров» либералов-центристов («защитников конституционной монархии от посягательств и слева, и справа»)⁴, именно Ковалевскому принадлежала «мастерски выполненная картина государственной деятельности г. Столыпина в эпоху всех трех Дум в очень сжатом и живом изложении», представленная им на страницах венской газеты «Neue Fr. Press». «Кабинет г. Столыпина, – приходил к выводу Ковалевский, – не находится под контролем палат. Сам председатель совета министров заявил однажды публично, что как для него, так и для его товарищей существует лишь два вида ответственности: перед Монархом и перед судом истории. Никто не сомневается в том, что г. Столыпин делает все из любви к Престолу и отечеству; но многие, и я в их числе, держатся того взгляда, что достигнутый им порядок есть порядок только полицейский, а в прочность такого порядка верится с трудом»⁵.

Подводя итоги развития России в первом десятилетии XX в., Ковалевский подчеркивал фактически «нулевой» результат правительственной деятельности в сфере реализации «всех обещанных видов свободы»: «Отбой, начавшийся с роспуска первых двух Дум,

---

¹ Запросы жизни. 1910. 28 февраля. С. 517-526.

² Государственный совет. Стенографические отчеты. 1910-11 годы. Сессия шестая. СПб., 1911. Стб. 1049 [заседание 16 февраля 1911 г.].

³ Государственный совет. Стенографические отчеты. 1908-9 годы. Сессия четвертая. Заседания 1-44 (15 октября 1908 г. – 12 июня 1909 г.). СПб., 1909. Стб. 2296.

⁴ Слово. 1906. 19 ноября.

⁵ Цит. по: Слово. 1909. 4 июня.

все еще продолжается: искоренение крамолы, столько же действительной, сколько и мнимой, идет вовсю [...] Что еще не упразднено – над тем висит Дамоклов меч». Как и прежде, Ковалевский резко критически отзывался о тех, кто «хотел бы положить в основу нашего обновления принцип: *“помогай сильному, оставляй слабого на произвол судьбы”*»¹. Этим же настроением была проникнута и его выступления в поддержку подоходного налога при обсуждении законопроекта налоговой реформы, в т.ч. последняя речь в Государственном совете 10 февраля 1916 г.

Вскоре после гибели Столыпина Ковалевский отмечал как положительный симптом «некоторое затишье в правительственной политике» в противоположность «недавней эпохе “волевых импульсов”»: «Нет прежних *наскоков*, вызываемых патриотической горячностью и принесением закона в жертву государственной необходимости. [...] Это успокоение на верхах не вызывает никаких попыток нарушить порядок снизу, что впрочем вполне понятно и может вызывать недоумение только в тех, кто верит в спасительность всякого рода нажимов на закон и не проникся еще мыслью о том, что правительство воспитывает общество своим примером». Ковалевский рассматривал «наступившее затишье» как благоприятную предпосылку для проведения в жизнь ряда социальных реформ, а также для внешнеполитической деятельности правительства. «Затишье для того и желательно, чтобы в течение его излечить наши внутренние язвы и тем самым дать возможность «русскому богатырю» с новыми силами и новым разумом вступить в мировое и мирное соперничество из-за обладания не одними материальными, но и духовными благами»².

Р.А. Циунчук (Казань)

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ФРАКЦИИ И ГРУППЫ ПЕРВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ТИПОЛОГИЯ, СОСТАВ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

---

¹ Русские ведомости. 1911. 1 января.

² Запросы жизни. 1911. 23 декабря. С. 706-712.

Созванная 27 апреля 1906 г. Государственная дума и преобразованный Государственный совет явились новыми важными компонентами обновляющейся российской политической системы начала XX в., делающей первые шаги в направлении конституционного государства и представительной формы правления. Важную роль в развитии этих процессов сыграл факт образования в Думе фракций и групп – объединений депутатов по политическим и иным признакам. Следует констатировать, что вплоть до недавнего времени в отечественной исторической науке основное внимание уделялось думским фракциям представителей общероссийских политических партий, в том числе либеральных¹. С 1960-70-х гг. в зарубежной литературе начала разрабатывалась история либерального Польского кола в Думе², а также появились первые работы об украинском и белорусском вопросах в Думе³. С 1990-х гг. появляются первые отечественные исследования проблем национального и вероисповедального состава Думы и деятельности ее национальных фракций (в том числе, либеральных)⁴. Характеризуя литературу, иссле-

---

¹ Слепков А.Н. Классовые противоречия в I-й Государственной думе. М.-Пг., 1923; Томсинский С.Г. Борьба классов и партий во второй Государственной думе. М., 1924; Сидельников С.М. Образование и деятельность I Государственной думы. М., 1962; Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970; Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (нач. XX в. – 1920 г.). М., 1977; Шелохаев В.В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905-1907 гг. М., 1983; Его же. Партия октябристов в период первой русской революции. М., 1987; Его же. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907-1914 гг. М., 1991; Козбаненко В.А. Партийные фракции в I и II Государственных думах России. 1906-1907 гг. М., 1996; Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти. М., 2003; Аронов Д.В. Законотворческая деятельность российских либералов в государственной думе (1906-1917 гг.). М., 2005 и др.

² Werzchowski.M. Sprawy Polski w III i IV Dumie Państwowej. Warszawa. 1966; Lukawski Z. Koło Polskie w Rosyjskiej Dumie państwowej w latach 1906-1909. Wrocław, 1967; Chmielewski E. The Polish Question in the Russian State Duma. Knoxville, 1970; Brzoza C., Stepan K. Poślowie polscy w Parlamencie rosyjskim 1906-1917. Słownik biograficzny. Warszawa, 2001; Jurkowski R. Sukcesy i porażki.Ziemianstwo polskie Ziem Zabraných w wyborach do Dumy Państwowej i Rady Państwa 1906-1913. Olsztyn. 2009.

³ Herus O. The Ukrainian Question in the Russian State Dumas, 1906-1917 // Studia Ukrainika. 1982, № 4; Запрудник Я.Палітычнае змаганьне за Беларусь у царскіх Дзяржаўных Думах (1906-1917 гг.) // АРСНЕ пачатак. 2009. № 1-2. С. 43-217.

⁴ Циунчук Р.А. Имперское и национальное в думской модели парламентаризма // Kazan, Moscow, St.Petersburg: Multiple Faces of Russian Empire / Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов. М., 1997. С. 83-105; Зорин В.Ю., Кулешов С.В., Аманжолова Д.А. Национальный вопрос в Государственных думах России: опыт законотворчества. М., 1999; Дорская А.А. Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX века. СПб., 2001; Кудрина Т.А.

дующую локальный ракурс думской проблематики, необходимо заметить, что сегодня в России наиболее активно разрабатываются проблемы истории двух думских либеральных фракций – Мусульманской¹ и Казачьей² групп. Для энциклопедии «Государственная дума Российской империи»³ к столетнему юбилею первого российского парламента были подготовлены обобщающие статьи о Польском коло, о Мусульманской фракции, о Русской национальной фракции (В.А. Демин), о Фракции автономистов, о Группе западных окраин, об Украинской громаде, о Казачьей, Еврейской, Сибирской группах (Р.А. Циунчук). Локализация исследований думской тактики позволяет подробнее рассматривать как местные выборы, так и деятельность депутатов Думы от регионов. Проблемы национально-регионального представительства и участия депутатов от имперской периферии в национальных фракциях в последнее двадцатилетие изучаются в новых независимых государствах – в Литве⁴, Эстонии⁵, в Белоруссии¹, на Украине², в Казахстане³ и Азербайджане⁴.

Вероисповедальные реформы в России в начале XX века. М., 2003; Циунчук Р.А. Думская модель парламентаризма в Российской империи: этноконфессиональное и региональное измерения. Казань, 2004 и др.

¹ Циунчук Р.А. Развитие политической жизни мусульманских народов Российской империи и деятельность мусульманской фракции в Государственной думе России 1906–1917 гг. // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX века). М., 1997; Мусульманские депутаты Государственной думы России. 1906–1917 гг. Сб. документов и материалов. Сост. Л.А. Ямаева. Уфа, 1998; Усманова Д.М. Мусульманская фракция и проблема “свободы совести” в Государственной думе России (1906–1917). Казань, 1999; Усманова Д.М. Мусульманские представители в российском парламенте (1906-1916). Казань, 2005 и др.

² Галутво Л.М. Парламентская деятельность кубанских казаков: история и современность // Проблемы казачьего возрождения. Ростов-на-Дону, 1996; Карапетян Л.А. Кубанское казачество и Государственная дума четырех созывов начала XX в. // Кубанское казачество: три века исторического пути. Краснодар, 1996; Братолобова М.В., Перехов Я.А. Казачий вопрос в I и II Государственных думах России // Казачий сборник. Вып.3. Ростов-на-Дону, 2002; Сергеев В.Н. Шапсугов Д.Ю. Парламентская деятельность депутатов российского казачества (1906-1917). Ростов-на-Дону, 2003 и др.

³ Государственная дума России: Энциклопедия: в 2-х т. Т. I Государственная дума Российской империи (1906-1917 гг.). М., 2006; Государственная дума Российской империи: 1906-1917 гг.: Энциклопедия. М., 2008.

⁴ Staliūnas D. Rinkimai į Lietuvos Dūmą Lietuvoje // Lietuvos Istorijos Metraštis. 1992 metai. Vilnius, 1994. P. 45-65; Laūkaiytė R. Lietuviai Valstybės Dūmoje // Lietuvos Istorijos Metraštis. 1992 metai. Vilnius, 1994. P.31-44; Gaigalītė A. Lietuvos Atstovai Pirmojoje Rusijos Valstybės Dūmoje // Istorija. LIX-LX. 2004. P. 44-56.

⁵ Karjahärm T. The Political Organization of Estonian Society and the Political Parties in Estonia in the Years 1900-1914. // The Baltic Countries. 1900-1914: Proceeding from the 9-th Conference in Baltic Studies in Scandinavia. Stockholm, June 3-6, 1987. Ed. A. Loit. //

Однако специальных работ, посвященных историко-политическому анализу существовавших в Думе национальных фракций (как либеральных, так и революционистских) пока еще нет.

До первых выборов 1906 г. народы России не имели легальной возможности представлять на имперском уровне свои интересы. Будучи новым важнейшим политическим событием в жизни многонациональной страны, первоумская избирательная кампания проходила в условиях подъема политической активности нерусских народов и потребовала от национальных политических организаций выработки избирательной тактики и освоения выборных «технологий». Выборы продемонстрировали применение политическими партиями и объединениями разнообразных приемов агитационной работы – распространение программ национальных партий, использование национальной периодической печати и листовок, проведение собраний и лекций. Самой заметной политической силой на выборах в условиях падения авторитета традиционалистов и бойкотистской тактики левых оказались либералы, представленные как общероссийскими политическими партиями (кадеты, октябристы, демократических реформ и др.), так и национальными партиями и организациями (польские – Польская национально-демократическая партия, Партия реальной политики, Прогрессивно-демократический союз; Конституционно-католическая партия Литвы и Белоруссии, литовская – Литовская демократическая партия – Демократическая партия Литвы, латышские – Латышская демократическая партия, Латышская конституционно-демократическая партия, эстонская – Эстонская народная партия прогресса, немецкая – Балтийская конституционная партия, украин-

---

Acta Universitatis Stockholmiensis. Studia Baltica Stockholmiensia . 5. Uppsala, 1990. P.131-145.

¹ Забаўскі М.М., Пуцік У.С. Прадстаўніцтва ад Беларусі ў Дзяржаўнай думе Расіі (1906-1917 гг.). Мінск, 1998; Забаўскі М.М. Расійская Дзяржаўная Дума ў грамадско-палітычным жыцці Беларусі 1906-1917 гг. Мінск, 1999; Смалянчук А.Ф. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі Рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864-1917 гг. Гродна, 2001 и др.

² Киян М.Ш. Депутаты от украинских губерний в Государственной думе Российской империи I и II созывов (1906-1907 гг.). Харьков, 1997.

³ Озганбай О. Государственная дума России и Казахстан (1905-1917). Алма-Ата, 2000; Малтусынов С.Н. Аграрный вопрос в Казахстане и Государственная дума России 1906-1917 гг. (Социокультурный подход). Алма-Ата, 2006; см. также: Котюкова Т.В. Туркестанское направление думской политики России (1905-1917 гг.). М., 2008.

⁴ Саид-Заде С. Азербайджанские депутаты в Государственной думе. Баку, 1991.

ская – Украинская демократическо-радикальная партия, мусульманская – Иттифак аль-Муслимин (Союз мусульман), еврейская Союз за достижение полноправия еврейского народа в России и др.). Наиболее организованно и сплоченно прошли выборы в Польше, где абсолютную победу одержала либеральная Польская национально-демократическая партия (эндеки, лидеры – Р. Дмовски, В. Грабски). Практически во всех многонациональных регионах национальные партии и местные организации конституционно-демократической партии сумели консолидироваться, захватить выборную инициативу и мобилизовать национальный электорат. Складываясь в разной конфигурации блоки национальных партий и местных кадетов, также выступавших за этноконфессиональное равноправие, обеспечили им общий крупный успех в большинстве губерний Украины (союз кадетов с украинскими радикальными демократами, с Союзом за полноправие еврейского народа) Прибалтики (союз с Литовской демократической партией – Демократической партией Литвы, с Латышской демократической партией, Латышской конституционно-демократической партией, с Эстонской народной партией прогресса, с Союзом за полноправие еврейского народа), Белоруссии (блокирование кадетов с Союзом за полноправие еврейского народа, поддержка польских кандидатов), Поволжья и Приуралья (взаимная поддержка кадетов и Союза мусульман). В блоке с кадетами в Думу прошла значительная часть депутатов, представлявших мусульманские, украинский, еврейский, прибалтийские народы. Высокую активность в западных губерниях проявили также блокировавшиеся с кадетами еврейские политические организации, обеспечившие себе довольно заметное представительство. Выборы в I Думу позволили большинству народов России обрести первый политический электоральный опыт. Перводумская избирательная кампания позволила сформировать первый в истории страны депутатский корпус и довольно-таки адекватно отразить в нем этнополитические реалии российского общества. В противовес силовым способам противостояния с властью и разрешения межэтнических конфликтов первые выборы все же переводили эту борьбу в легальное мирное русло, побуждали выборщиков идти на компромиссы и предвыборные соглашения, особенно при определении партийных и национальных кандидатур на губернских и областных избирательных съездах. В I Думу прошли представи-

тели 24 народов империи, в ее составе было около двухсот нерусских депутатов. Среди них было 62 украинца, 51 поляк, 12 белорусов, 13 евреев, 10 литовцев, по 7 татар и грузин, по 6 азербайджанцев и латышей, по 5 армян, казахов и башкир, по 4 немца и эстонца и др. Значительная часть нерусских депутатов вошла в образовавшиеся в I Думе либеральные фракции.

Следует отметить, что формально ни Учреждение Государственной думы, ни принятый ею Наказ не содержали статей, регламентирующих создание фракций и групп (лишь Наказ Государственной думы допускал вступления по мотивам голосования от имени групп депутатов¹), однако размежевание (и одновременно объединение) депутатов произошло уже накануне открытия первой Думы 27 апреля 1906 г. и в первые дни ее заседаний. Наиболее активные политические партии и объединения (например, депутаты от кадетов, представители от Царства Польского), выступавшие организовано на выборах в I Государственную думу, уже в апреле 1906 г. провели совещания своих партийных лидеров и депутатов, где приняли решения о создании думских фракций. С открытием Думы в ходе первых парламентских дискуссий депутаты сразу стали использовать термины «думская фракция», «думская группа»², применительно как к партийным, так и к национально-региональным объединениям.

Для анализа думских объединений представляется целесообразным сформулировать несколько схем их группировки. Во-первых, депутатские объединения, сложившиеся в российской Думе, формально разделяются на *две категории*: на официально *зарегистрированные* (они подавали заявление о своем конституировании в Совещание Государственной думы, которое регистрировало эти заявления, а с 1907 г. помещало информацию об их составе в официальных думских изданиях, например, в указателях к стенографическим отчетам II-IV Дум) и на неофициальные – *нерегистрированные*, которые могли действовать в качестве совещательных. Во-вторых, и те и другие также можно разделить на *два типа*: *партийные фракции и группы* (Конституционно-

---

¹ Наказ Государственной думы. Принят к руководству Государственной думой 23 ноября 1912 г. // Государственная дума. IV созыв. I сессия. Справочник. 1913 г. Вып. 6. СПб., 1913. С. 266.

² Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 г. Сессия первая. СПб., 1906. Т. 1. С. 668, 753-755.

демократическая, Трудовая, Мирнообновленческая, Социал-демократическая фракции и т.д.) и *национально-региональные фракции (группы)*.

В-третьих, поскольку *национально-региональные* думские группы не были однородными и образовались по нескольким признакам и принципам, то можно предложить их соответствующую классификацию: этнотерриториальные (Польское коло, Украинская громада, Латышская, Литовская и Эстонская группы), этноконфессиональные (Мусульманская, Еврейская группы), конфессионально-региональные (Группа западных окраин – белорусско-литовско-польское коло), этносословные (Казачья группа), региональные (Сибирская группа). В I Думе действовало также межрегиональное объединение депутатов различных конфессий и национальностей – Фракция автономистов. Согласно источникам наибольшее число национальных фракций и групп (в том числе незарегистрированных) было в I Думе – это Польское коло, группа Западных окраин, Мусульманская группа, Украинская громада, Еврейская группа, Латышская, Литовская, Эстонская группы и Фракция автономистов. В следующих созывах в числе зарегистрированных фракций стабильно были три (по одной каждого типа), члены каждой из которых уже входили только в состав своей национальной фракции – это Польское коло (этнорегиональная), Группа западных окраин (Белорусско-литовско-польское коло) (конфессионально-региональная), Мусульманская фракция (этноконфессиональная). На принципах двойного членства существовала этносословная Казачья группа (без регистрации в III Думе и с регистрацией в IV Думе). Сибирская группа (региональная), хотя в списке зарегистрированных фракций не числилась, но от ее имени делались в III-IV Думах заявления и вносились предложения. Все эти группы ставили своей целью презентацию национальных и региональных интересов на общеимперской политической арене, выступали за демократизацию имперской национальной политики, требовали национального и конфессионального равенства, предлагали развитие местного самоуправления и проведение децентрализации. В противовес национально-региональным фракциям в I-II Думах выступала Группа правых, а в последующем действовала номинально организованная по национально-политическому, фактически, по конфессионально-политическому, принципу Русская национальная фракция. Эта

группа совместно с другими консервативными силами в Думе выступала за продолжение имперской политики и сохранение привилегированного положения великороссов и православной церкви.

Внутри национально-региональных фракций можно провести и традиционную классификацию: консервативно-традиционалистские (Группа правых), либерально-эволюционистские (Польское коло, Группа Западных окраин, Мусульманская фракция, Казачья группа, а также еврейская и др.), революционистские (Украинская думская громада и Мусульманская трудовая группа во II Думе).

Важно, что национальные депутаты I Государственной думы приняли участие не только в формулировании проблематики думских дискуссий, но и определили тенденции перводумского фракционного строительства. *Одна* группа национальных депутатов, прошедшая в Думу под четкими национальными партийными лозунгами, в соответствии с тактическими установками своей партии (Польская национально-демократическая партия – эндеки) конституировалась в отдельную национальную фракцию (Польское коло). *Вторая* часть национальных депутатов, которая в ходе думского политического процесса сформулировала национальные, религиозные, сословные и региональные требования, поначалу входила в состав фракций общероссийских политических партий (кадетов и трудовиков) или примыкала к ним, и лишь со временем образовывала собственные думские национальные (этноконфессиональные, этносословные) объединения, (Мусульманская фракция, Казачья группа), примыкавшие в своем большинстве при голосовании по общеполитическим вопросам к Кадетской фракции, частично – к Трудовой группе. *Третья* группа национальных депутатов, которая лишь временами выделяла этноконфессиональные и региональные вопросы в общем контексте политической борьбы и рассматривала их в качестве постоянно соподчиненных социально-политическим проблемам, входила в состав думских фракций крупных общероссийских партий (например, кавказские депутаты – в Социал-демократической фракции, прибалтийские немцы – во Фракции октябристов).

Общее количество национальных фракций и их численность, достигнув наивысших показателей в I и II Думе (до 8 национально-региональных групп, входивших в объединение Союза автономистов: Украинская громада, Мусульманская, Латышская, Литовская, Эстонская, Еврейская, Казачья, Западных окраин, а также Польское

коло), затем снизилось до 3-5 в III-IV Думах (Польское коло, Польско-литовско-белорусская, Мусульманская, Казачья и Сибирская группы).

В большинстве фракций не были четко прописаны вопросы членства и дисциплины, имелась возможность двойного членства, некоторые депутаты не входили, а «примыкали» к фракциям, практиковался переход депутатов из одной фракции в другую. Поэтому численность фракций, в том числе национальных, была непостоянной, на что обратил внимание еще депутат I Думы и один из ее первых историков Н.А. Бородин¹.

В I Думе кроме фракций общероссийских политических партий образовались национальные и региональные группы, в основном представлявшие народы Западной окраины, где более активно развивалась политическая жизнь, – Польское коло, Литовская группа, Украинская громада, Группа западных окраин (или Территориальное коло), Еврейская группа и др. С развитием думского политического процесса и с увеличением числа мусульманских представителей за счет прибывших депутатов от Кавказа и Степного края начался процесс консолидации мусульманских депутатов в особую Мусульманскую группу. Все эти фракции в I Думе придерживались либеральных позиций и блокировались по большинству вопросов с кадетами, во II Думе произошло размежевание украинских, мусульманских, латышских, литовских и эстонских депутатов, часть из которых примкнула к трудовикам и социал-демократам.

Самой первой национальной фракцией, организованной еще до открытия Думы, стало Польское коло, которое составили депутаты, избранные в Польше. К 30 мая 1906 г. Польское коло насчитывало 33 члена, председателем бюро стал врач Я. Гарусевич, а секретарем – адвокат Ф. Новодворски, в парламентскую комиссию вошло еще три депутата².

Если Польское коло имело строгую внутрифракционную дисциплину, обязательную при голосованиях, и принципиально возражало против вхождения своих членов в другие парламентские группы (схожие требования отличали близкую к Польскому коло по полити-

---

¹ Бородин Н.А. Личный состав первой Государственной думы, ее организация и статистические сведения о членах // Первая Государственная дума. Вып. I. Политическое значение Первой думы. Сборник статей. СПб., 1907. С. 23-27.

² Козбаненко В.А. Партийные фракции в I и II Государственных Думах России. 1906-1907. М., 1996. С. 71.

ческим и национальным позициям группу Западных окраин), то другие национальные группы принципиально не были против двойного членства.

Союз для достижения полноправия еврейского народа в России обязывал евреев-депутатов I Думы «совещаться и координировать свои действия по вопросам еврейского полноправия, не образуя, однако, особой парламентской фракции с обязательной дисциплиной, как того требовали сионисты и националисты»¹. В совещательной Еврейской группе было около 10 членов (лидеры М.М. Винавер, Ш.Х. Левин, Л.М. Брамсон).

Литовские депутаты Думы первого созыва входили в состав фракций общероссийских партий, оставляя за собой право на особую национально консолидированную позицию в литовском вопросе. Схожие позиции занимали также незарегистрированные Украинская громада (более 40 депутатов, лидеры – И. Шраг, В. Шемет, П. Чижевский и др.) и Мусульманская группа, члены которых примыкали частично к Кадетской фракции, частично к Трудовой группе.

В сословном отношении лишь Польское коло (34 члена) и Группа западных окраин (12 депутатов) имели дворянское большинство (и заметное число крупных землевладельцев), дворяне были также среди украинских депутатов. Заметным оказался дворянский сословный компонент среди мусульманских депутатов, составив в I Думе около половины всех мусульманских представителей. В составе Правой группы было немало помещиков и священников. В составе других национальных групп (латышская, литовская, эстонская, еврейская, казачья, сибирская) основную часть занимали представители непривилегированных сословий. Заметное место среди депутатов национальных окраин занимали лица свободных профессий – адвокаты, журналисты, врачи. Практически во всех национальных фракциях были представлены священнослужители.

Польское коло первым в Думе выступило с декларацией своей национальной программы. 30 апреля 1906 г. 27 польских депутатов выступили с предложением к Думе предоставить Я. Гарусевичу право вне очереди огласить их заявление и передать его в комиссию по составлению ответного адреса. Польские депутаты исторически и политико-юридически аргументировали необходимость восстановления автономии Царства Польского «как заветного требо-

---

¹ Дубнов С.М. Евреи в царствование Николая II (1894-1914). Пг., 1922. С. 67.

вания всего населения нашего края»¹.

По инициативе польских депутатов Думы от Северо-западных и Юго-западных губерний в начале мая 1906 г. было решено образовать Группу западных окраин (Территориальное коло), в которую могли войти все представители края независимо от национальности. Руководителями группы стали А. Ледницки, Ч. Янковски, князь И. Друцки-Любецки и Щ. Понятовски². Члены группы, с одной стороны, чувствовали близость к полякам Царства Польского, с другой стороны, ощущали принадлежность к Западному краю, с третьей стороны, разделяли многие идеологические установки российских либералов. По большинству общеполитических вопросов Группа западных окраин отстаивала демократические требования, но не смогла выработать единства по аграрному вопросу.

Национальные депутаты, стремясь консолидироваться для совместной презентации общих национальных, конфессиональных и региональных требований и рассчитывая на коллективную законодательную деятельность по установлению национального и религиозного равноправия и достижению национального самоуправления, создали в Государственной думе первого созыва особую фракцию – фракцию Союз автономистов. Это объединение представителей народов России опиралось на идеи съезда автономистов, прошедшего в Петербурге еще в ноябре 1905 г. под председательством профессора И.А. Бодуэна де Куртене с участием представителей 13 народов России. Группа насчитывала около 120 человек, из которых по свидетельству Бородина 63 были автономистами, не входившими одновременно и в другие фракции в Думе³. К середине мая 1906 г. Бородин насчитывал в составе Союза автономистов 62 члена: «Польское коло (польский кружок) – 31 депутат, группа Северо-западных и Юго-западных окраин – 12, Литовский кружок – 5, Украинские демократы – 5, Латышские национал-демократы – 5, Казачья группа – 1, мусульмане – 3»⁴.

Ведущим принципом образования Союза автономистов, в котором заметную роль играли поляки Западного края, было стремление к гражданскому равенству, децентрализации и автономному управ-

---

¹ Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия первая. Т.1. С. 51.

² Смальянчук А.Ф. Паляки Беларусі і Літвы ў рэвалюцыі 1905-1907 гг. Городня, 2000. С.136.

³ Бородин Н. Личный состав первой Государственной думы... С. 33.

⁴ Бородин Н.А. Государственная дума в цифрах. СПб., 1906. С. 39.

лению окраинами империи. Там, где «признак областной совпадал с признаком национальным, группа объединялась на начале территориально-национальном»¹. Идеи территориально-национальной автономии развивались применительно к Царству Польскому, а областной автономии – к Западному краю, Украине и т.д., среди еврейских депутатов были распространены идеи культурно-национальной экстерриториальной автономии. Мусульмане отстаивали требования культурной и конфессиональной автономии.

Руководителем думского объединения автономистов стал известнейший московский адвокат, один из организаторов польского Прогрессивно-демократического союза и член ЦК Конституционно-демократической партии, минский депутат А. Ледницки. Его выступление 3 мая 1906 г., в котором он горячо и образно говорил о положении в национальных регионах империи: о Царстве Польском, «задыхающемся в атмосфере пороха», о Грузии и Кавказе, «горы и долины которых увлажнены кровью и слезами», о «национально-обезличенной Украине, стремящейся к освобождению от национального гнета», о Лифляндии, Эстляндии и Литве, «изнемогающих в тисках карательных отрядов», о Мусульманском съезде, поднимающем свой голос в защиту политических прав народов Востока России можно считать программным политическим выступлением Группы автономистов. Ключевыми требованиями были названы либеральные идеи свободы в организации национального и областного быта «на началах автономии и автономного самоуправления», относящихся к числу «общечеловеческих требований»². В опубликованных 17 мая 1906 г. положениях для образования парламентской фракции «Союза автономистов» отмечалось, что она создается на областных или национально-территориальных началах для взаимной защиты и поддержки, а также для воплощения автономной идеи на демократических началах, за децентрализацию бюрократического управления³. Черниговский депутат, адвокат И.Л. Шраг (заместитель руководителя Группы автономистов), выступил также организатором Украинской думской громады⁴, которая не успела оформиться в I Думе.

---

¹ Цит по: Козбаненко В.А. Указ. соч. С. 69.

² Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия первая. Т. I. С. 102-103.

³ Козбаненко В.А. Указ. соч. С. 69-70.

⁴ Шраг И. О союзе автономистов // Украинский вестник. 1906. № 1. С. 66-67.

Своеобразной фракцией в Думе стала этноконфессиональная Мусульманская фракция (группа), организованная накануне роспуска Думы и включившая в себя практически всех думских представителей народов Поволжья, Приуралья, Казахстана и Кавказа, исповедовавших ислам (татары, азербайджанцы, башкиры, казахи и киргизы, чеченец и аджарец). По своей географии фракция представляла собой межрегиональное объединение депутатов. По своей политической сущности она была национально-демократической группой, консолидировавшей мусульманскую часть депутатов Думы вокруг демократических требований национального и религиозного равноправия. Накануне разгона I Думы в июле 1906 г. численность депутатов-мусульман достигла 25 человек, однако в официальном списке членов Думы числилось 23 депутата¹. Подавляющее большинство избранных членов фракции – это авторитетные представители национальной общественной и интеллектуальной элиты (земские деятели, отставные офицеры, адвокаты, публицисты и издатели, духовенство), а также купцы и промышленники. Поначалу прибывшие первыми на заседания депутаты-мусульмане из внутренних губерний числились либо в составе Фракции кадетов и примкнувших к ним, либо в Группе беспартийных депутатов, затем некоторая часть из них примкнула также к Союзу автономистов². По инициативе одного из идеологов Союза мусульман (Иттифак аль-муслимин) юриста и издателя бакинской газеты «Каспий» А.-М.А. Топчибашева 22 июня 1906 г. 22 мусульманских депутата провели первое собрание фракции³. В бюро фракции вошли семь депутатов, председателем стал Топчибашев, секретарем – С.-Г.С. Джантюрин, казначеем – М.М. Рамиев. На заседаниях подробно обсуждался аграрный вопрос и законопроект о свободе совести, о котором докладывал С.-Г.С.Алкин⁴. Однако процесс оформления Мусульманской фракции, которая с прибытием новых депутатов от национальных районов наверняка бы увеличилась, был прерван роспуском Думы⁵.

---

¹ Двое из избранных не вошли в официальные списки членов Думы (выборы Ш. Кошегулова были обжалованы, а Тайнов был избран накануне роспуска Думы).

² По свидетельству Н.А. Бородина (Государственная дума в цифрах... С. 39), в Союзе автономистов в середине мая 1906 г. было 3 мусульман.

³ Мусульманская парламентская фракция. (б.м.), (б.г.). С. 2.

⁴ Политическая жизнь русских мусульман до Февральской революции. Оксфорд, 1987. С. 49-50.

⁵ Фракция активно разворачивала работу, о ее формировании было известно Председателю Думы, в Таврическом дворце фракции «был отведен особый кабинет», но

За 72 дня существования первой Думы национальный вопрос многократно привлекал к себе внимание депутатов. Либеральные идеи автономии и самоуправления прозвучали в выступлениях депутатов-автономистов от западных губерний. 151 член Думы внес законопроект о гражданском равенстве, предлагавшем отменить все «ограничения в правах, обусловленные принадлежностью к той или иной национальности или вероисповеданию»¹. При обсуждении законопроекта уфимский депутат Ш.Ш. Сыртланов отстаивал национально-конфессиональные требования, заявляя, что «у нас в России нет равноправия по отношению к мусульманам»². Члены национальных фракций активно участвовали в обсуждении аграрного вопроса, предлагая при его решении учитывать национально-региональные особенности. Национальные фракции Думы стремились координировать деятельность сторонников проведения эволюционных преобразований политической и культурной жизни нерусских народов, способствовали нарастанию национального общественно-оппозиционного движения в России.

Правительство фактически проигнорировало поставленные депутатами I Думы этноконфессиональные и региональные вопросы. Вместе с другими оппозиционными депутатами многие деятели национальных фракций, подписавшие Выборгское воззвание, были лишены права избираться в Думу.

Складывание думских фракций осложнялось целым рядом факторов: во-первых, отсутствием парламентского партийно-политического опыта у членов Дум, во-вторых, отсутствием парламентской политической культуры и такого опыта в стране вообще, в-третьих, незавершившимся еще процессом складывания идейно-политических и размежевания взглядов и политическими колебаниями многих депутатов, в-четвертых, кратковременностью существования самой Думы. В развитии непродолжительной перводумской партийно-политической фракционной жизни проявилось несколько тенденций: с одной стороны, национальные депутаты стремились к образованию отдельных национальных групп, с другой – чувствовали потребность в консолидации с другими нерус-

---

«в самой Думе фракция еще не была т.-ск.(так в тексте – Р.Ц.) официально объявлена» (Мусульманская парламентская фракция... С. 1).

¹ Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 г. Сессия первая. СПб., 1906. Т.1. С. 379.

² Там же. Т.2. С. 1107.

скими депутатами, с третьей – понимали необходимость для проведения каких-либо думских решений политического блокирования с крупными общероссийскими фракциями. В дальнейшем эти три основные тенденции развития фракционной жизни Думы сохранились, национальные представители, приобретая в ходе парламентской работы опыт межфракционного и межэтнического взаимодействия, вырабатывали общие приемы противостояния нарастающему право-консервативному давлению и противодействия имперской политике.

3 июня 1907 г. была распущена II Дума и опубликован новый избирательный закон, который лишил избирательных прав мусульман Казахстана и Средней Азии, сократил представительство Польши, Сибири и Кавказа. Отказ от перводумской модели представительства и замена ее третьеиюньской позволял власти создать временную иллюзию управляемости империи, а на деле способствовал стагнации всей политической системы, особенно в этнорегиональном аспекте. Проводя имперскую политику, Дума (особенно, начиная с III созыва) из фактора консолидации демократического движения различных наций стала превращаться в фактор разъединения общества по национальному принципу, что приводило к катастрофическому углублению конфликта и кризиса сразу в нескольких политических и социокультурных системах: власть – общество, центр – регионы, Дума – правительство, русские – иноподданные, православные – иноверцы, коренные жители – переселенцы и др. В то же время, нахождение в Думе разнонаправленных политических и этнорегиональных сил способствовало кристаллизации противоборствующих общественных позиций, открывало новые возможности для их парламентской презентации национально-региональными фракциями, а также для овладения представителями новых политических элит навыками как парламентской борьбы, так и политического диалога.

Е.К. Золотухина (Орел)

БОРЬБА ЗА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА – КОНСТИТУЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ И ПАРТИЯ

ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ РЕФОРМ В ПЕРВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

Изучение политико-правовой практики российского либерализма начала XX в. и, прежде всего, его думского периода наглядно показывает, что он к этому времени уже прошел этап теоретического обсуждения целесообразности реализации института прав и свобод человека. Основные либеральные концепции нашли свое воплощение в либеральных конституционных проектах начала прошлого века («освобожденческий», «муромцевский», «герценштейновский») и получили новое качество уже в либеральном законотворчестве. Одновременно базовые компоненты либеральных концепций в области прав человека были переведены на язык партийной программатики основных либеральных партий России, ставшей основой для формирования партийной политико-правовой тактики.

В качестве отдельного этапа этого многогранного процесса представляется возможным выделить время работы Первой Государственной думы, когда политически активная часть российского общества проходила своеобразную проверку на зрелость уже не в теоретических дискуссиях интеллектуалов и не на страницах политических журналов, а в горниле практической парламентской процедуры. Дополнительные трудности для нормального протекания этого процесса создавало и неприятие Думы как со стороны исторической власти, видевшей в первом парламенте досадную уступку, вырванную революцией, так и со стороны левых радикалов, отрицавших ценности парламентского строя и, в лучшем случае, воспринимавших Думу, как разновидность агитационной трибуны.

В этих условиях российский либерализм, несмотря на системообразующую роль крупнейшей думской фракции конституционно-демократической партии, объективно нуждался в консолидации своих сил в Думе. В современной историко-правовой науке существует известная тенденция рассматривать либеральные партии в Государственной думе как едва ли не единую фракцию, выступавшую единым фронтом по основным вопросам либерального законотворчества. Однако обращение к истории либерального законотворчества в Первой Государственной думе, в том числе и по вопросам реализации в парламентском законотворчестве института

прав и свобод человека, позволяет усомниться в справедливости такого подхода.

Вместе с тем, нельзя пройти мимо того обстоятельства, что в либерально ориентированной части российского общества далеко не все безоговорочно разделяли взгляды кадетов, равно как нельзя не отметить у кадетов тенденцию не учитывать в партийной работе мнение своих потенциальных союзников. Собственно это обстоятельство во многом стало основой возникновения идеологически весьма близких к кадетам партий (демократических реформ и мирного обновления), считавших необходимым обеспечение в законодательном порядке прав политических меньшинств.

Партия мирного обновления вполне осознанно позиционировала свое отличие от иных либеральных политических организаций в области партийной тактики. Партия, как отмечалось в обращении к населению «От Партии мирного обновления»: «Будучи близка по своей программе к другим конституционным партиям ... отличается от них главным образом особенностями своей тактики: не допуская никаких соглашений с крайними, она является в то же время непримиримо оппозиционной по отношению ко всякому антиконституционному правительству... Превыше всего она дорожит чистотой нравственного облика освободительного движения»¹.

Однако по большинству принципиальных вопросов в сфере реализации института прав и свобод человека у либеральных партий было, конечно же, больше общего, чем отличного. Основания к этому дает, прежде всего, постатейный сравнительный анализ партийной программтики либеральных партий, показывающий исключительно высокую степень (вплоть до текстуального) совпадения.

Как уже отмечалось нами выше, следующим этапом реализации концепции прав и свобод человека становится период непосредственной парламентской деятельности либеральных партий. Наиболее изученной остается деятельность в этом направлении конституционно-демократической партии. Этому способствует как и наибольшее количество источников, что связано с ее наибольшей активностью, так и то значение, которое кадеты придавали думской

---

¹ Обращение к населению «От Партии мирного обновления» // Партия демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906-1916 гг. Документы и материалы. М., 2002. С. 82; Хайлова Н.Б. ПДР, "партия здравого смысла" // Полис. 1993. № 3. С. 181-184.

деятельности вообще и ее законотворческой составляющей в частности. Органом, непосредственно реализующим программу законотворческой деятельности, в этот период становится партийная парламентская фракция, которая, несмотря на достаточно высокую степень демократизма организационного строения партии, регулярно согласовывала тактическую линию с ЦК, взявшего на себя руководство организацией ее работы¹.

Участие Центрального Комитета в законодательной думской работе выразалось в двоякой форме: во-первых, в форме предварительной разработки самого плана работы думской фракции, определении в той или иной мере ее тактики (указанная роль ЦК может быть отмечена на всех этапах парламентской деятельности кадетов), в подготовке отдельных законопроектов и подборе различных информационных и справочных материалов для их обоснования; во-вторых, в форме непосредственного участия в работе парламентской фракции вне заседаний Думы². Однако эти формы деятельности были тесно связаны между собой, постоянно переплетаясь уже в силу того, что ряд членов ЦК входил в число депутатов Думы и, соответственно, фракции (в т.ч. и руководители партии).

Начиная с подготовки к III съезду партии, ЦК и образованные им комиссии начали предметно готовиться к законодательной думской работе. 8 апреля 1906 г. на пленарном заседании комитета был заслушан доклад М.М. Винавера о плане действий в Государственной Думе, дополненный идеями И.И. Петрункевича и В.М. Гессена. Этот доклад, как отмечал позднее А.А. Корнилов,³ лег в основу всей тактики конституционно-демократической партии в Первой Думе.

Здесь впервые в форме стройной схемы были указаны такие основные вехи будущей законотворческой деятельности кадетов в Думе, как необходимость ответного адреса на тронную речь и его примерное содержание программного характера, причем предусматривалось, что если тронной речи не будет, то необходимо начать свои действия в Думе особой декларацией такого же содер-

---

¹ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 336(1). Л. 1; Д. 27. Л. 57.

² Вестник Партии народной свободы. 1906. № 10. Стб. 677; 1906. № 11. Стб. 734-735.

³ Там же.

жания. Определялся список законопроектов, которые партия должна немедленно внести и проводить в Думе. В то же время в распоряжении ЦК были законопроекты «О всеобщем избирательном праве» и «О свободах» разной степени готовности.

На том же заседании было принято постановление о разработке еще ряда законопроектов: «Об отмене смертной казни», «Об отмене юрисдикции военных судов по общим преступлениям», «Об отмене положений об усиленной и чрезвычайной охране», «О некоторых неотложных изменениях в уголовном законодательстве», «О восстановлении в полной силе суда присяжных и об отмене некоторых уголовных новелл, изданных в течение последних 30 лет», законопроект «О гражданском равноправии». Для разработки этих законопроектов была образована особая, впоследствии получившая наименование «законодательной», комиссия, в состав которой вошли: С.А. Муромцев, В.Д. Набоков, М.М. Винавер, И.В. Гессен, В.М. Гессен и А.И. Каминка. Этой же комиссии было поручено подготовить окончательную редакцию текста законопроекта «О свободах».

На III съезде, собравшемся за пять дней до открытия Думы, первым был обсужден доклад о тактике в Думе, сделанный съезду от имени ЦК П.Н. Милюковым¹. Тезисы этого доклада, одобренные съездом после оживленных дебатов, в части реализации прав и свобод человека, заключались в следующем:

1. Целью деятельности партии в ближайшей сессии Думы съезд определил осуществление следующих основных задач, поставленных в программе партии: обеспечение законодательными нормами неприкосновенности личности, равенства всех граждан – без различия национальности, вероисповеданий, сословий и пола – и свобод; введение всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, без различия пола, как в народном представительстве, так и в местном самоуправлении; законодательное разрешение земельной реформы; принятие неотложных мер по рабочему вопросу и удовлетворение справедливых национальных требований.

2. В качестве дополнительного пункта законотворческой программы в целях достижения социальной стабильности, успокоения общественных страстей съезд посчитал необходимым внесение в самом начале работы Думы законопроекта о полной политической

---

¹ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х тт. Т. 1. 1905-1907 гг. М., 1997. С. 536.

амнистии и об отмене смертной казни с одновременным назначением парламентского расследования противозаконных действий представителей администрации, совершенных после 17 октября в борьбе с общественным движением.

Вслед за адресом фракцией Народной свободы в Думу был внесен ряд законопроектов, согласно тому плану работ, который был намечен ЦК и одобрен III съездом¹. От имени фракции в I Думу были внесены или подготовлены к внесению следующие законопроекты: 1) законопроект об отмене смертной казни – был рассмотрен и принят Государственной думой; 2) законопроект о неприкосновенности личности – внесен в Думу и доложен ей 12 мая 1906 г., после чего передан в специально образованную думскую комиссию, которая его окончательно разработала и внесла в повестку заседаний Думы 10 июля; 3) законопроект об основных положениях гражданского равенства – внесен в Думу и доложен 5 июня, после чего передан также в комиссию; 4) законопроект о свободе собраний – внесен в Думу и доложен ей 16 июня; 5) заявление 42 членов Думы об основных началах земельной реформы было внесено в Думу 8 мая 1906 г.; 6) проект изменения некоторых статей судебных уставов представлен 23 мая председателю Государственной думы; 7) законопроект об обществах и союзах, 8) о свободе совести и 9) о свободе печати. Все эти законопроекты были приняты фракцией и также представлены председателю Думы. Они несколько раз ставились на повестку думских заседаний, но доложить их Думе до ее роспуска кадеты не успели².

Своеобразным подведением итогов деятельности Партии народной свободы в I Думе стал доклад В.Д. Набокова IV партийному съезду в сентябре 1906 г.³ Оценивая работу фракции, он исходил, прежде всего, из решений III съезда партии, в которых главной целью ее деятельности в Думе считалось осуществление следующих основных задач, поставленных в программе партии: обеспечение законодательными нормами неприкосновенности личности, равенства всех граждан – без различия национальности, вероисповеданий, сословий, пола; введение всеобщего, равного, прямо-

---

¹ Вестник Партии народной свободы. 1906. № 29.

² Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х тт. Т. 1. С. 538.

³ Там же. С. 385-401.

го и тайного избирательного права, как в народном представительстве, так и в местном самоуправлении; законодательное урегулирование земельного вопроса; принятие неотложных мер по рабочему вопросу и удовлетворение справедливых национальных требований¹.

В качестве оптимального плана действий в Думе, как это и следовало из программы партии, фракции было предложено перейти к осуществлению законодательных мер, перечисленных выше, путем внесения соответствующих законопроектов и обсуждения их в Думе. Отдавая дань сложившейся в обществе напряженной ситуации, было признано целесообразным внести в самом начале законопроект о полной политической амнистии и об отмене смертной казни, одновременно назначив парламентское расследование противозаконных действий представителей администрации, совершенных после 17 октября в борьбе с общественным движением.

За все время своей работы Дума успела принять только закон об отмене смертной казни. Однако целый ряд законопроектов был подготовлен ее комиссиями, внесен фракцией на заседание Думы, частично работа над законопроектами была завершена, и они готовились к внесению в Думу. Неприкосновенность личности, свобода совести, свобода союзов и собраний, свобода печати, гражданское равноправие, судоустройство и судопроизводство, реформа земских учреждений, аграрная реформа на основе принудительного отчуждения – все это разрабатывалось Думой в рамках первого опыта парламентской законотворческой деятельности. Здесь впервые в российской истории были воплощены в форму законов те надежды, с которыми пришли в Думу представители либеральной части российского общества.

Практически на всех этапах реализации своей законотворческой программы конституционные демократы тесно взаимодействовали с той частью либерального сообщества, которая по различным соображениям не считала возможным организационно присоединиться к конституционным демократам. В их программатике, как и думской практике, несмотря на то, что она была значительно короче, чем у кадетов, реализации института прав человека уделялось исключительно большое внимание. В силу своей малочислен-

---

¹ Там же. С. 386.

ности либеральные союзники кадетов не претендовали на самостоятельную роль, активно блокируясь с кадетами.

Особое место в думской деятельности Партии демократических реформ занимал вопрос о гарантиях политических прав и свобод. Одним из эпизодов, отмеченных современниками, стало выступление в Думе М.М. Ковалевского 2 июня 1906 г. в связи с белостокским погромом. Неоднократно высказывались против смертной казни, за необходимость ее запрета в своих думских речах Ковалевский, В.Д. Кузьмин-Караваев, А.В. Федоровский, В.Н. Грамматчиков¹.

Однако это вовсе не означало отказа либеральных партий от обозначившихся еще на начальном этапе партийного строительства и выработки партийной программтики теоретических расхождений с кадетами. Так, например, в диссонанс с конституционными демократами по вопросу о приостановлении смертной казни в стране до принятия Думой соответствующего проекта вошла Партия демократических реформ. Ковалевский, в частности, указывал, что «к.-д. и трудовики почему-то сочли унижительной форму петиции», на чем настаивали его соратники и отказали им в поддержке по этому вопросу.

Следует также отметить, что докладчиком по данному законопроекту по поручению комиссии «15-ти» на заседании 19 июня 1906 г. был Кузьмин-Караваев, представлявший партию демократических реформ.

Представители партии Ковалевский и Урусов сыграли важную роль в работе комиссии «15-ти» при разработке законопроекта о неприкосновенности личности, где Ковалевский акцентировал внимание на таких институтах как обеспечение неприкосновенности жилища и частной корреспонденции, и в комиссии «33-х», где шла работа над законопроектом о гражданском равноправии. 3 мая 1906 г. Ковалевский предложил внести в проект ответного адреса свободу петиций, которую он толковал более широко, чем кадеты. Это подтверждают, в частности, результаты сравнительного анализа партийной программтики.

---

¹ Хайлова Н.Б. Партия демократических реформ. Дисс. ... к.и.н. М., 1994. С. 148; Ее же. Партия демократических реформ // Политические партии России: история и современность. М., 2000. С. 124.

Члены Партии демократических реформ – депутаты Государственной думы также выступали за законодательное обеспечение свободы слова, свободы печати. Так Ковалевский, будучи одним из признанных авторитетов в области права зарубежных стран, истории и социологии, предлагал внести в законопроекты исчерпывающий перечень наказуемых для органов печати деяний: «предательство интересов государства в пользу иностранных государств, оскорбление частных или должностных лиц, призыв к восстановлению одной части населения против другой»¹.

Партия демократических реформ вполне поддержала кадетов при обсуждении законопроекта о свободе собраний, как на страницах своих печатных органов, так и в выступлении Ковалевского, считавшего собрание важной формой развития политической культуры страны. На этом примере мы также можем видеть, насколько многоуровневым был механизм согласования мнения отдельных депутатов, партийных фракций и либерального блока в целом. Однако взгляды Ковалевского-ученого расходились с позицией его коллег по Думе. В своих трудах он писал: «Никакого особого права митингов не существует, а имеется только сочетание 2-х несомненных прав граждан – свободы передвижения и свободы слова. Отсюда – то последствие, что нет необходимости в предупредительных мерах и что вмешательство власти законно только тогда, когда на митинге раздаются речи, грозящие нарушению спокойствия и порядка, или, как говорят англичане, мира». Исходя из этого, нет никакого смысла в специальном указании государством на рассматриваемое право в соответствующих законодательных актах. Однако понимая, что парламент – это не научный диспут, в думской практике он отстаивает общелиберальную точку зрения.

Ковалевский-политик вполне солидаризировался с кадетами в части реализации прав и свобод человека. В прениях по обсуждению думского адреса часть своего выступления он посвятил именно межпартийному взаимодействию: «... я готов идти с вами рука об руку, – говорил он, обращаясь к кадетам, – вероятно, это повторится и на всех последующих заседаниях государственной думы. Я друг той партии, которая называется – партией народной свободы, но я в то же время сохраняю за собой свободу критики, свободу самостоятельного суждения. И с этой оговоркой вы только и можете

---

¹ Ковалевский М.М. Моя жизнь // История СССР. 1969. № 4. С. 74.

рассчитывать на мою поддержку»¹. Подобную эволюцию Ковалевского отмечают и исследователи его творчества².

Весьма любопытный момент, связанный с реализацией института прав и свобод человека в российском законодательстве при обсуждении ответного адреса отмечал тот же Ковалевский, фактический основной оратор партии по этому вопросу. В своем выступлении он указал на тесную взаимосвязь защиты прав и свобод человека с достижением важнейших целей российской внешней политики. В частности, речь шла об определении позиции страны к славянскому миру, на лидерство в котором в геополитическом отношении претендовала Россия. В этом вопросе, как вспоминал позднее Ковалевский, он также не нашел поддержки со стороны кадетов, которые сочли эту формулу взаимосвязи внутренней и внешней политики излишне смелой. Причем он приписывает это отношение даже таким кадетским «передовым бойцам» как Ф.И. Родичев³. Аналогичные расхождения были между коллегами по либеральному лагерю по аграрно-крестьянскому и рабочему вопросам. Достаточно известны разногласия и внутри кадетской партии по вопросам об оптимальной форме государственного устройства России, а также по распространению всеобщего избирательного права на все население страны. В этом случае либеральные союзники кадетов также не разделяли своеобразного «головокружения от успехов» у кадетов в части одномоментной реализации в российских условиях базового набора либеральных прав и свобод. Однако необходимость единства либералов в Думе в условиях первого опыта парламентской работы явно превалировала.

Опыт, накопленный в период Первой Думы, стал основой для будущей консолидации либеральных политических сил при создании Прогрессивного блока, когда либеральные партии вышли на новый уровень программного и организационного взаимодействия. Однако особые условия военного периода деятельности Четвертой Государственной думы, правительственный кризис, необходимость выработки новой тактики думской работы качественно отличают его от Первой Думы, что делает его предметом отдельного исследования.

---

¹ Собрание речей Гг. депутатов Государственной Думы I и II созыва. СПб., 1908. С. 55.

² Хайлова Н.Б. Максим Максимович Ковалевский // Российские либералы: Сб. статей. М., 2001. С. 369.

³ Ковалевский М.М. Моя жизнь // История СССР. 1969. № 4. С. 66.

Таки образом представляется возможным говорить о том, что, несмотря на известные разногласия как в области партийной программатики, так и в сфере практического думского законотворчества как элемента партийной политической практики, либеральные партии, представленные в Государственной думе, смогли найти общий язык и выработать соответствующие организационные формы взаимодействия.

Ф.А. Гайда (Москва)

КАДЕТЫ НА ПЕРЕЛОМЕ ТРЕТЬЕИЮНЬСКОЙ СИСТЕМЫ: ОЦЕНКА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЕРСПЕКТИВ (1910-1911 гг.)

В течение нескольких лет после завершения Первой русской революции конституционно-демократическая партия, потерявшая политическую инициативу, была озадачена вопросом самоопределения в новой политической реальности. Бурное обсуждение сборника «Вехи» в общественной среде по своей сути оказалось послереволюционным выяснением отношений внутри кадетской партии и радикально-либерального движения в целом. Трансформация третьеиюньской системы, обозначившаяся в 1910-1911 гг., подталкивала кадетов к более четкому формулированию своих партийных задач. А.В. Гоголевский отмечает, что анализ ситуации к концу столыпинского периода вел кадетов к мысли «о надвигающемся на империю невиданных масштабов социально-политическом кризисе»¹. О каком кризисе шла речь и что в этой связи предполагала делать партия, речь пойдет ниже.

Партийная организация кадетов в послереволюционный период находилась в состоянии глубокого кризиса: в 1907-1910 гг. количество местных комитетов сократилось с 37 до 26 (21 губернский и 5 уездных)². Партийные конференции вплоть до ноября 1911 г. носили лишь информационный характер. Основу тактики ЦК и фракции после провала «Выборгского манифеста» составляло ожидание

---

¹ Гоголевский А.В. Русский либерализм в последнее десятилетие империи. Очерки истории 1906-1912 гг. СПб., 2002. С. 228.

² Политические партии России: 1907-1917 гг. (количественный анализ). Сост. Н.Д. Постников. М., 2001. С. 14.

благоприятного изменения политической ситуации. Кадеты не стремились ни к сотрудничеству с думским большинством в законодательной сфере, ни к акциям, направленным на роспуск Думы. На июньской партийной конференции 1908 г. Ф.И. Родичев доходчиво объяснял местным делегатам позицию ЦК: «Если бы мы действовали без уступок, прямолинейно, мы устроили бы себе похороны, правда, по 1-му разряду. Желаете вы одобрения смертной казни – вносите в III Думу законопроект об ее отмене. То же относится и к высылкам, и к другим случаям. Если вы выберете этот путь, то безобразия, которые теперь совершаются администрацией за свой страх, будут совершаться с одобрения Государственной думы. <...> Мы знаем отлично, что мы одни – часовые на славном посту... И как таковые мы себя ведем. <...> Теперь мы идем над бездной и в азартную игру пускаться не должны на верный проигрыш. Помните стихотворение: "Дай отпор, страна родная... Но родина молчит..." Вот это-то положение мы теперь и переживаем. Но, может быть, дождемся и мы нашего времени». Но и сотрудничество с октябристами было практически не возможно и, в крайнем случае, могло носить лишь тактический характер: «Октябристов, по крайней мере некоторых из них, мы должны приучить не к соглашениям, а к единомыслию с нами по многим вопросам». Таким образом, Родичев рассчитывал на то, что лишь эволюция самих октябристов может стать основой сближения в достаточно отдаленном будущем. Взгляд партийного авторитета на законодательный процесс был фирменным, подлинно кадетским. По поводу законопроекта об аграрной реформе – главного в тот момент для Думы – и связанного с ней вопроса о крестьянских правах он утверждал: «Мы хотим НЕ РАСШИРЕНИЯ ПРАВ, А РАВНОПРАВИЯ [так в тексте – Ф.Г.]. Наше дело теперь: не портить будущего»¹.

Попытка сформулировать партийный курс в третьеиюньской ситуации была осуществлена кадетами на партийной конференции в ноябре 1909 г. Констатировав «по общему впечатлению» наличие в стране «длительного и затяжного кризиса», докладчик П.Н. Милюков выразил опасение, что «в настоящее время в стране не имеется достаточно организованных сил не только для сколько-нибудь активной борьбы с целью расширения приобретенных уступок, но

---

¹ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. Т. 2. М., 2000. С. 38-39.

даже и для сохранения уже достигнутого». Он отметил: «Нельзя скрывать от себя, что русские политические партии, все без исключения, не имеют глубоких корней в населении». Милюков классифицировал все значимые политические течения в России по трем направлениям: «демократический монархизм», «буржуазный конституционализм» и «демократический конституционализм». Социалисты в расчет не принимались в силу их утопизма и деструктивности. Первое направление, под которым понимались думские правые и националисты, должно было в ходе своей активной деятельности «дать серьезный толчок настоящему демократическому движению» и сойти с политической сцены. Второе направление – основная опора правительства – не имело устойчивой социальной опоры, поскольку дворянство в целом было правее, а буржуазия – левее октябристов. Расхождение этих двух сил в будущем рассматривалось Милюковым как размывание и без того зыбкой опоры октябристской партии, что создавало условия для ее раскола. Однако в ближайшей перспективе борьба между двумя лагерями шла в политической плоскости. Основной ее ареной была не Дума, а правительство. Победа правых и формирование нового – правого – правительства вместо столыпинского должно было спровоцировать кризис и роспуск палат, причем новые выборы могли пройти на основании вновь измененного избирательного закона. В противном случае политический курс Столыпина также эволюционировал бы в правом направлении, но медленнее, и при существующей Думе. В любом случае октябристы не могли стать союзниками кадетов – в силу конъюнктурности поведения «столыпинской партии». Кроме того, от поведения самих кадетов развитие ситуации не зависело. В результате кадетская партия должна была руководствоваться не думскими расчетами, а собственной программой. «Сохранение партийной физиономии» было главной задачей.

Суть «демократического конституционализма» виделась Милюкову «в соединении радикальной политической и радикальной социальной программы», при котором политическая программа была первоочередной. «На заре свободной политической жизни», которую, по мнению кадетского лидера, и переживала Россия, общественное сознание еще не могло осознать значения такого единства, стало жертвой социальной демагогии, что и вызвало поражение Первой революции. Однако, как отмечалось, «городская демо-

кратия» уже становилась основной социальной опорой кадетов (наряду с ней – также и национальные меньшинства). Революционная тактика на данный момент Милюковым категорически отвергалась. «Усматривая в новом политическом строе самое действенное средство охраны демократических интересов, мы, естественно, должны прежде всего стремиться, чтобы средство это оказалось в наших руках». Столь повышенное внимание Милюкова к вопросам социальной опоры не только самих кадетов, но и их противников, позволяет предположить, что, несмотря на прогнозы об обострении кризиса, он воспринимал существовавший порядок как относительно прочный и длительный. В мае 1910 г., на следующей партийной конференции, Милюков отмечал дальнейшее ослабление «личного влияния премьера», но признавал, что изменения происходили не слишком быстро. Правоцентристское большинство мыслилось как наиболее вероятная перспектива по сравнению с расколом Думы надвое или случайными соглашениями¹. В подконтрольной ему известной газете «Речь» кадетский лидер с сожалением писал: «Первая Дума кипела работой и жизнью. Она начала широко развернутой программой коренных преобразований, на которых сошлись все прогрессивные политические группы. Третья Дума живет идейными крохами, когда-то застрявшими в ее политическом рубище, как след великого общественного праздника. И эти крохи старательно разыскиваются и истребляются у сегодняшних победителей победителями завтрашнего дня. <...> Третья Дума со своей психологией запуганности, с инстинктами самосохранения, с манией подозрительности создает все новых и новых врагов из вчерашних друзей»².

Кадеты готовились к разложению как думского большинства, так и третьеиюньской системы в целом. В апреле 1909 г. П.Б. Струве предрекал: «Октябристы, поставленные, по существу дела, на положение "кадетов" или даже только "мирнообновленцев", А.И. Гучков хотя бы на положении Д.Н. Шипова, будут живым свидетельством полного краха системы П.А. Столыпина». Акт 3 июня, по мысли публициста, мог быть «оправдан» (кавычки самого Струве) только идеей постепенного упрочения конституционного

---

¹ Там же. С. 236-252, 264-265.

² Речь. 1910. 27 апреля.

строю, но этого не произошло¹. В марте 1910 г. Столыпин выступил инициатором избрания председателем Думы октябристского лидера А.И. Гучкова; премьер стремился к созданию прочного парламентского большинства в составе октябристов и националистов. Кадетская «Речь» писала: «Руководящая партия получила большой заказ на патриотизм и стремится изо всех сил выполнить его скоро и точно. Это – вопрос профессионального самолюбия, и вопрос острый, потому что у господствующей партии есть конкуренты. Конкурентами являются националисты». Но теперь, по мнению «Речи», при председательстве Гучкова опорой правительства стала «партия 6 августа, новая "самодержавно-конституционная" партия г. Шубинского». Речь шла о законосовещательной «булыгинской» Думе, проект которой вышел 6 августа 1905 г., и крайне правом октябристе Н.П. Шубинском. О Гучкове и Думе Милюков написал: «Передняя нашла своего барина»². Столь хлесткие фразы были адресованы левому крылу октябристов в расчете на их противодействие думскому правому центру.

Надежды на раскол октябристов пока не оправдывались, но вскоре заговорила улица. В октябре 1910 г. в Европе (Португалии, Франции) начались мощные политические волнения. В самой России значимой политической акцией стали похороны председателя I Думы С.А. Муромцева. Похороны Льва Толстого в ноябре вызвали ряд демонстраций с лозунгами отмены смертной казни³. Появились призывы к всероссийской студенческой забастовке⁴. В декабре под влиянием известий о самоубийстве террориста Е. Сазонова и нескольких бывших студентов в Вологодской и Ново-Зерентуйской тюрьмах начались масштабные студенческие беспорядки. Октябристы активно выступали против движения⁵, однако правительство с ответными мерами не торопилось. Только 6 декабря вышел циркуляр Министерства народного просвещения о мерах по борьбе с беспорядками. Радикально-либеральный «Вестник Европы» подгонял студентов: «На грани наступающего года что-то произошло. Что

---

¹ Струве П.Б. *Patriotica: Политика, культура, религия, социализм.* / Сост. В.Н. Жукова и А.П. Полякова. М., 1997. С. 131-132.

² Речь. 1910. 7 мая, 30 октября.

³ Кизеветтер А.А. *На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881-1914.* М., 1997. С. 349.

⁴ *Голос Москвы.* 1910. 12 ноября.

⁵ Локоть Т. *Студенчество и политика // Голос Москвы.* 1910. 24 декабря.

именно – с точностью формулировать пока невозможно. Но что в воздухе потянулись какие-то струи ветра, заколебавшие как будто атмосферу – это чувствуется достаточно определенно. <...> Быть может, новый год принесет с собою серьезный перелом, если не в ходе нашей общественной жизни, то в течениях общественного настроения»¹. Кадеты опасались связывать свое имя с беспорядками, но не могли не отметить их значимость и позитивный эффект. «Свежеет в России, свежеет», – говорил Родичев о ситуации после похорон Муромцева на лекции о А.И. Герцене в Политехническом музее 29 декабря. Он считал, что кадеты получат в следующей Думе «решающее значение»². Однако партийное руководство в целом выступать не торопилось, поскольку не чувствовало поддержку страны и опасалось репрессий³. Новогодние пожелания, как писали «Русские ведомости», могли состоять «лишь в том, чтобы новый строй получил у нас скорей надлежащее осуществление и чтобы при посредстве его наши прогрессивные движения могли идти открытым и законным путем к разрешению задач политической свободы, социальной справедливости, поднятия просвещения и благосостояния народных масс»⁴. 1 января 1911 г. номер «Речи» был арестован за передовицу в поддержку студенческого движения. Как полагал «Голос Москвы», кадетское поведение в отношении студентов было «в полном смысле слова отвратительно»⁵. Официозная «Россия» писала, что кадеты являются «проводниками революционного подполья» и «весьма небескорыстными комиссионерами воинствующего инородчества»⁶.

Все надежды и опасения на левый поворот развеялись очень быстро. 4 января Совет министров, наконец, обсудил вопрос о беспорядках: было решено временно запретить сходки, обязать полицию их пресекать и возложить на университетское начальство обязанность извещать о них полицию⁷. «Постановление Совета министров упраздняет университетское самоуправление», – писали

---

¹ Вопросы общественной жизни // Вестник Европы. 1911. № 1. С. 419.

² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 241. 1911. Ч. 46. Л. 2-Зоб.

³ Там же. Оп. 265. Д. 476. Л. 55. А.С. Петрункевич (супруга И.И. Петрункевича) – Н.Е. Вернадской (супруге В.И. Вернадского), февраль 1911 г.

⁴ Русские ведомости. 1911. 1 января.

⁵ Голос Москвы. 1911. 11 февраля..

⁶ Россия. 1911. 5 января.

⁷ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909-1917 гг. / 1911 год. М., 2002. С. 19-20.

«Русские ведомости» и предлагали в таком случае не возлагать ответственность за поддержание порядка на ректоров и советы университетов¹. 26 января началась Всероссийская забастовка студентов. Через 2 дня последовала демонстративная отставка профессоров и приват-доцентов Московского университета, которая неожиданно была принята. «Россия» назвала заявление московских профессоров «вторым Выборгским восстанием», а то, что приват-доценты примкнули к нему – комичным недоразумением, поскольку они не состояли на государственной службе². Изгоев на меры министерства отозвался статьей под названием «Небывалый разгром»³. Столыпинское правительство было наименовано «министерством политического переворота»⁴. Известный профессор-историк П.Г. Виноградов, только что вернувшийся из Британии, в связи с мерами Л.А. Кассо выразил желание уехать из России навсегда⁵. Протесты кадетов расценивались как начало предвыборной кампании. Думское большинство было недовольно попустительством полиции, которая раздражает студентов, но не предпринимает никаких реальных мер. Оценка Кассо была нелицеприятна: «лишь механический манекен, приводимый в движение властной рукой П.А. Столыпина»⁶.

Общественные настроения, между тем, продолжали эволюционировать в радикальном направлении. Кадеты добились значительного успеха на выборах в московскую думу, получив 41,5 % в I курии (II место после октябристов) и 60,5% – во II-ой⁷. «Речь» отмечала: «Нужно сказать правду – общество наше довольно индифферентно относилось к волнениям молодежи»; однако после профессорской отставки настроение поменялось⁸. 11 февраля в «Русских ведомостях» и газете П.П. Рябушинского «Утро России» было опубликовано письмо 66 московских предпринимателей (П.П.

---

¹ Русские ведомости. 1911. 16 января.

² Россия. 1911. 8 февраля.

³ Изгоев А. Кризис высшей школы // Русская мысль. 1911. № 3. II паг. С. 134.

⁴ Речь. 1911. 25 февраля.

⁵ Новое время. 1911. 6 февраля.

⁶ Из кулуаров Государственной думы: информационные листки «Осведомительного бюро» за 1911 год. Подготовка текста, вступительная статья и примечания И.В. Лукьянова // Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. № 7. Между двух революций 1905-1917. Источники, исследования, историография. СПб., 2005. С. 100-101.

⁷ Стамповский А. Московские выборы // Русская мысль. 1911. № 3. III паг., с. 10.

⁸ Речь. 1911. 15 февраля.

и В.П. Рябушинских, А.И. Коновалова, С.Н. Третьякова, С.И. Четверикова и др.): наряду с осуждением бунтующих студентов, в нем содержалась критика общественности, молчащей «в момент духовного разлада» правительства и общественности и дающей основание правительству думать, что за ним стоит «моральная поддержка страны». Правительство, националисты и октябристы отвергли подобное заявление. 11 февраля октябристский ЦК выступил с декларацией, в которой призвал бунтующую «часть русской молодежи» прекратить политиканство, которое «наносит <...> чрезвычайный вред развитию народившихся свободных государственных учреждений и содействует пробуждению реакционных стремлений в народе», а образованную общественность и весь народ – «оказать духовное влияние на учащуюся молодежь»¹. В начале марта, после профессорской отставки, студенческая забастовка стала стихать. В марте в Петербурге был арестован в полном составе студенческий коалиционный комитет². Студенты не были поддержаны рабочими. На окраинах отмечались политическая апатия и рост национализма среди русской общественности³.

Сразу после окончания студенческих волнений разразился министерский кризис, вызванный отклонением в Государственном совете важного для премьера законопроекта о западном земстве. Палата впервые столь открыто проявила свою независимость от правительства. Столыпин подал в отставку. «Речь» осторожно ликовала: «Дни нашего кабинета, может быть, еще не сочтены. Но прочность его положения во всяком случае окончательно поколеблена». Причины поражения Столыпина, по мнению Милюкова, крылись в самой его политической системе: «3-е июня есть причина и источник настоящего кризиса. <...> 3-е июня есть эра, от которой идет все, что не дает нам дышать»⁴. Ему вторили «Русские ведомости»: «Время идет и беспощадно вскрывает всю бессодержательность программы воинствующего национализма, которая была противо-

---

¹ Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. 1905-1915 гг. В 2 т. Т. 2. М., 2000. С. 317-318.

² Голос Москвы. 1911. 12 марта.

³ Жаботинский В. Письма о национальностях и областях. Еврейство и его настроения // Русская мысль. 1911. № 1. II паг., с. 95-96, 113-114; Польско-еврейская распря // Московские ведомости. 1910. 27 ноября.

⁴ Речь. 1911. 5, 8 марта.

поставлена общенародным стремлениям к праву и свободе»¹. Практически всеми политическими силами наиболее вероятной фигурой на смену Столыпину назывался министр финансов В.Н. Коковцов². А.И. Шингарев прогнозировал: «не будет национального шовинизма», «действия г. Коковцова будут больше согласованы с общественным мнением». Еще один «весьма осведомленный» депутат отметил, что Коковцов был единственным министром, выступившим против студенческих репрессий³. Кадеты считали Коковцова более приемлемым, поскольку в силу «международных симпатий» он будет настроен на «конституционную окраску русской государственности»⁴. «Речь» отмечала, что Коковцов, во всяком случае, не правее Столыпина⁵. Однако, подводя общий итог всем слухам о переменах в правительстве, «Русские ведомости» писали: «Во всех этих предположениях и слухах нет и намека на изменение правительственного курса»⁶.

Неожиданно для общественности кризис был разрешен в пользу Столыпина: палаты распускались на три дня, а законопроект проводился в чрезвычайно-указном порядке. Никто не оспаривал соответствия меры Основным государственным законам, размежевание носило чисто политический характер. «Вестник Европы» имел повод заключить, что бюрократия, взяв под контроль земство в 1905 г. и низведя политическое значение Государственного совета в 1911 г., стала совершенно всевластной⁷. Но, по мнению либералов, это вряд ли могло ей помочь. «Речь» отмечала: «Нельзя не признать, что лекарства, избранные для преодоления кризиса, гораздо опаснее самой болезни». Значение кризиса было признано не менее важным, чем события 3 июня 1907 г. Газета призывала полностью прекратить всякое общение с правительством. Сохранение Столыпиным своего поста воспринималось как «чрезвычайно печальный признак недостатка энергии выйти на широкий путь и, вместо национальной политики, <...> заняться <...> заботами об

---

¹ Русские ведомости. 1911. 6 марта.

² Новое время. 1911. 8 марта; Голос Москвы. 1911. 8 марта.

³ Голос Москвы. 1911. 9 марта.

⁴ Из кулуаров Государственной думы... С. 120.

⁵ Речь. 1911. 9 марта.

⁶ Русские ведомости. 1911. 10 марта.

⁷ Вестник Европы. 1912. № 2. С. 407-415.

улучшении положения России»¹. Милюков констатировал: «П.А. Столыпин уйдет или будет отпущен при тихой погоде и безоблачном небе, когда никто не мог бы сказать, что уход премьера знаменует собою и потрясение незыблемого догмата» о том, что «парламента у нас нет»². Однако оппозиция считала произошедшее политическим провалом правительства, а свои позиции накануне выборов – усилившимися³.

После роспуска палат Гучков подал в отставку с поста председателя Думы. «Речь» отмечала, что в противном случае поверить в неведение Гучкова в данной ситуации было бы невозможно⁴. «Русские ведомости» полагали, что октябристы после своих шагов должны теперь добиваться отставки Столыпина или роспуска Думы, что представлялось более вероятным. Роспуск, таким образом, «произойдет на основном вопросе всей русской государственной жизни: должны ли мы жить под режимом бюрократического абсолютизма или у нас существует хотя бы в самой элементарной форме конституционный строй?» Последствия кризиса были неочевидны, но он «по крайней мере окончательно разбивает иллюзии искренних и неискренних апологетов «обновленного строя» в истолковании Столыпина»⁵. При избрании нового председателя кадеты и и прогрессисты вообще не собирались поддерживать новых кандидатов. Единственной реальной кандидатурой оказался М.В. Родзянко. Кроме всего прочего, он был давним знакомым Столыпина⁶. «Речь» объявила избрание Родзянко капитуляцией октябристов перед Столыпиным⁷.

27 апреля Столыпин выступил с речью в Думе о применении 87 статьи Основных законов. Логику речи премьера кадеты комментировали следующим образом: «Это было бы почти возвращением к "совещательной" Думе времен Лорис-Меликова и Булыгина»⁸. Положение октябристов было незавидным. Перспективы партии в связи с предстоящими выборами были туманными, а партийная орга-

---

¹ Речь. 1911. 13, 15 марта, 4 апр.

² Русское слово. 1911. 17 марта.

³ Из кулуаров Государственной думы... С. 121-123.

⁴ Речь. 1911. 15 марта.

⁵ Русские ведомости. 1911. 15 марта.

⁶ РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 7. Л. 58 об.

⁷ Речь. 1911. 23 марта.

⁸ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 334.

низация и вовсе стала эфемерной. Настроение кадетов было прямо противоположным. В марте на довыборах в Думу по второй московской курии вместо выбывшего Ф.А. Головина был переизбран Н.В. Тесленко. Число проголосовавших за октябристов снизилось в 3,5 раза¹, поэтому В.С. Дякин посчитал этот факт свидетельством провала октябристов². Конечно, кадетский кандидат заведомо должен был здесь победить, что не могло не сказаться на активности сторонников октябристов, но сами по себе цифры также были красноречивы. 12 мая Дума по предложению кадетов инициировала изменение бюджетных правил 1906 г. с целью взять под контроль траты Собственной Его Императорского Величества канцелярии и 10-миллионного правительственного фонда «по неотложным надобностям», а также получить право бюджетной инициативы³. Затем эта инициатива, как и было понятно заранее, в июне 1912 г. провалилась в Государственном совете⁴, однако имела важный предвыборный декларативный эффект.

На кадетском совещании 16 апреля Родичев предложил начать борьбу с опорой на собрания и печать, но большинство опасалось ответных мер. Решено было готовиться к изменениям, поскольку положение Столыпина расценивалось как шаткое, а московские кадеты прочили в его преемники Гучкова⁵. На своей майской конференции кадеты по результатам мартовского кризиса вынуждены были констатировать рост недовольства в стране и снижение авторитета парламента. Неотложной задачей было признано «создание более нормальных условий для правильного функционирования конституционного строя в России». Однако для осознания этой задачи теми силами, от которых зависела ее реализация, по мнению кадетов, должно было пройти «вероятно, немало времени»⁶. Позиции самих кадетов, как свидетельствовали делегаты с мест, стали усиливаться. Все правые, включая правых октябристов, по кадет-

---

¹ Русские ведомости. 1911. 22 марта.

² Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907-1911 гг. Л., 1978. С. 184. 184.

³ Законотворчество думских фракций. 1906-1917 гг.: Документы и материалы. М., 2006. С. 483-486; Левая перестройка конституции // Московские ведомости. 1911. 9 августа.

⁴ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания (1903–1919 гг.). В 2 кн. М., 1992. Кн. 1. С. 397-398.

⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 241. 1911. Д. 27. т. 1. Л. 1-3.

⁶ Съезды и конференции... С. 327.

ским оценкам, могли взять «не более 10-12 %». Кроме того, партия рассчитывала на крестьянское (в связи с голодом), рабочее и студенческое движение уже осенью 1911 г. Однако Милюков полагал, что на успех на выборах надо было работать спокойно, чтобы не получить новый избирательный закон или репрессий¹.

Уже в последний год премьерства Столыпина, отмеченный началом общественного оживления и первым серьезным кризисом Третьеиюньской системы, кадеты испытали разочарование в революционных способностях улицы и оппозиционных настроениях умеренных либералов. Расчет на успех на думских выборах сопрягался с осознанием неспособности провести активную предвыборную кампанию в резко оппозиционных тонах; победа зависела в гораздо большей степени от тех или иных ошибок правительства. Ждать таких ошибок или провоцировать их по мере возможности становилось самой выгодной тактикой. Эта тактика и стала, в конечном счете, генеральной линией партии, выдерживавшейся вплоть до Февраля 1917 г. Однако ее признаки стали проявляться уже в 1910-1911 гг.

О.Л. Протасова (Тамбов)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА А.В. ПЕШЕХОНОВА В ЛИБЕРАЛЬНО- НАРОДНИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ (1907-1916 гг.)²

В последней четверти XIX–начале XX вв. одним из наиболее заметных журналов России был толстый ежемесячник «Русское богатство», детище писателей-публицистов либерально-народнического направления. В отечественной и зарубежной историографии отсутствуют труды, посвященные этому значительному явлению русской общественной и культурной жизни. Уже поэтому анализ, хотя бы частичный, некоторых сюжетов и страниц его истории, представляется новым и актуальным. В советские времена

---

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 241. 1911. Д. 27. т. 1. Л. 4-8, 13-13об.; ч. 46. Л. 6-6об.; ч. 46. л. Б. Л. 3-4об.; ч. 57. л. Б. Л. 4-4об.

² Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-01-00372а

творчество писателей-народников изучалось, но крайне однобоко, с точки зрения полезности их как «певцов народного горя». В постсоветское время народничество как научная проблема и вовсе уступает место другим – появилась возможность изучать ранее запретные темы. В данной статье мы рассмотрим публицистику одного из самых ярких представителей либерально-народнического направления в общественно-политической жизни России – Алексея Васильевича Пешехонова.

Пешехонов (1867-1933) – одна из ярчайших фигур «неонародничества». Выходец из многодетной семьи тверского сельского священника, в трехлетнем возрасте лишившийся отца и вскоре принявший на себя заботы о многочисленном семействе, этот типичный «разночинец» исключительно своим талантом, энергией, умом, страстным желанием быть полезным стране и народу добился многого в жизни. Не получив в юности систематического образования, Пешехонов, тем не менее, овладел многими профессиями и знаниями, особенно в области экономики. Зная природу и нравы деревни и крестьянства «изнутри», он был одним из наиболее авторитетных теоретиков-аграрников. Этим, однако, круг его интересов не ограничивался: Пешехонов был чрезвычайно активен и как общественный и политический деятель – он стоял у истоков народно-социалистической партии, а в 1917 г. три месяца был министром Временного правительства.

Позже, в эмиграции, он фактически стал зачинателем движения за возвращение в Россию, которое всколыхнуло русскоязычное население Европы, как цунами. Впрочем, эта тема заслуживает отдельного рассмотрения. В данной статье мы проанализируем публицистическую деятельность Пешехонова в самый, пожалуй, плодотворный для него период – между двумя революциями, когда рупором общественных и политических взглядов для многих в силу затишья на государственной арене стала журналистика. Революционные партии ушли в подполье; общественная мысль переключилась на изучение уроков недавнего катаклизма.

Основным содержанием работы Пешехонова в указанный период стало сотрудничество в «Русском богатстве», где он не первый уже год вел хронику внутренней жизни России, откликаясь на важнейшие события. Проблематика его статей существенно расширилась по сравнению с прошлым, чисто «политико-

хозяйственным», периодом. Теперь его интересы простирались и в области морали, эстетики, художественной литературы, не оставляя в тени и экономики вкупе с политическими событиями.

Писательскую школу Алексей Васильевич проходил у В.Г. Короленко, прозванного «совестью русской интеллигенции». Многие годы их связывала тесная и преданная дружба. Все, что делал Учитель, для Пешехонова являлось заповедями. Вот несколько уроков писательского мастерства по Пешехонову–Короленко.

Писатель не должен быть абстрактен, исходить из общих схем, дедуцировать. Нужно накапливать материал, записывая и систематизируя его, а затем стремиться к синтезу. Статья должна быть всегда как можно более сконцентрированной – хуже всего, когда в статье материал на три четверти листа, а она занимает целых три. «У меня, – говорил Пешехонов, – уже выработался нюх, и прочтя статью, я понимаю, в чем дело: был ли у автора материал, но его не использовал, либо и материала было мало – и легко могу указать, каков должен быть размер статьи»¹.

Пешехонов признавался, что к беллетристике он подходил с точки зрения занимательности: «Возьму рукопись на ночь – и если не засну, значит, автор даровит»². Помимо дарования, от автора, по его мнению, требовалось бережное и точное обращение с фактами. Сам Алексей Васильевич мог целыми днями сидеть за письменным столом, изучая материалы. Для того, чтобы начать писать, ему требовался какой-нибудь толчок. Обычно перед тем, как приступить к статье, он долго «раскачивался»: ходил хмурый, в дурном настроении... словом, лиха беда – начало. Зато стоило ему простудиться, недоспать, почувствовать себя несколько нездоровым, статья, как по мановению волшебной палочки, начинала писаться. Он признавал, что трудно сочинить первые полстраницы – куда труднее, чем статью в 2-3 листа, раз она уже начата. Писал он чаще всего набело, на полулисточках, с полями, четким, даже изящным почерком, практически без помарок. Работал Пешехонов аккуратно, но порывами, «запоем», разбивать свою работу на «порции» по две-три странички в день он не мог. Во время таких «запоев» публицист не спал до поздней ночи, неслышно расхаживая по своему кабинету в

---

¹ Лутохин Д.А. Зарубежные пастыри // Минувшее. Т. 22. М., 1997. С. 78.

² Там же. С. 59.

мягких тапочках и нещадно губя организм никотином – по свидетельству его жены, иногда он выкуривал по сто папирос в день.

По теплым воспоминаниям литератора Д.А. Лутохина, хорошо знавшего писательский бомонд, мы можем судить о том, сколь авторитетен был Пешехонов в писательской среде, несмотря на неоконченное образование. Помимо яркого и узнаваемого стиля, у него была смелость, точнее, бесстрашие – и ни преследование цензуры, ни критика оппонентов в печати его не обескураживали. «Запустить парфянскую стрелу в стан врагов и потом наблюдать смятение, вызванное в этом стане, – большое наслаждение», – говорил он. И в России, и позже, в изгнании, когда он оказался под настоящим обстрелом критики с самых разных сторон, он не без любопытства читал отклики писательских «собратий», собирал эти статейки и составил изрядный тук вырезок о себе самом. Он никогда не боялся остаться «один в поле не воин». Лутохин замечал: «Тогда как часто и большие люди плохо переваривают суд над собой, даже суд глупца, – нервничают, омрачаются – А.В. не без удовольствия знакомился с резкими выпадами против себя, ибо всегда бы уверен, что сумеет противнику воздать сторицей»¹.

Завершая портрет Пешехонова-публициста, нельзя не привести слова о нем того же Лутохина, мнение которого разделяли многие коллеги по перу: «Громадный ум, честный ум, ум, всегда доделывающий до конца логическую работу, побуждает А.В. не размечиваться на мелочи, а брать большие вопросы и подходить к ним с какой-нибудь новой стороны. По природе ума своего А.В. теоретик – и притом типа математического, если воспользоваться его собственным делением умственных работников на две основные группы – математиков и филологов. Вероятно, из Пешехонова вышел бы первоклассный ученый, если бы не отврат к теории и не жгучая потребность разрешения практических вопросов русской действительности. Но умение отвлечься от мелочей и способность объективно анализировать и ставить точные диагнозы пригодились ему и как публицисту»².

Будучи долгое время обозревателем внутренней жизни страны, Пешехонов определенно, без полутонов, высказывал свое отношение к власти, к обстановке в России. Цензура в то время, конечно,

---

¹ Там же. С. 80.

² Там же. С. 181.

существовала, но своим существованием лишь оттеняла его подчас резкие оценки, хотя автор и жаловался, что приходилось «обходить острые углы, закругляя трудные периоды и ставить в опасных местах знаки препинания»¹.

Это время в целом рисовалось ему в мрачных красках. Чего стоят, например, такие слова, повторенные неоднократно: «Как в темную ночь живем мы». Второе междудумье Пешехонов называл периодом жестокости, кризиса общественной психологии. Страх внушали не репрессии, а разложение в глубине народной жизни, которое могло начаться вследствие правительственной реакции.

Оставаясь в непримиримой оппозиции к царскому режиму, Пешехонов в своих статьях давал оперативную, часто детальную характеристику его действий. Намек на их одобрение можно усмотреть в них крайне редко, но легко проследить некую закономерность: каждое последующее правительство он считал хуже предыдущих, и с течением времени заслуги оппозиционных сил в его глазах соответственно росли, даже если поначалу Пешехонов видел в них мало ценности.

Российское правительство разных составов во все века и времена, по мнению Пешехонова, было занято тем, что обращало русский народ в «людскую пыль», в «бессвязные толпы», осуществляя принцип «разделяй и властвуй». Ни одного из современных ему государственных деятелей он не ставил достаточно высоко, чтобы сказать хотя бы изредка доброе слово. Так, С.Ю. Витте был для сурового критика не более чем честолюбивый чиновник, много лет мечтавший о премьерстве, дождавшийся нужных событий, которому до революции и конституции «нет никакого дела», потому что «карьера... всецело заслонила от него политику»². Народник обвинял Витте в том, что «в качестве министра финансов он разорил Россию; в качестве премьера он зальет ее кровью... для того только, чтобы спасти и увенчать свою карьеру»³.

Нелицеприятно и, добавив от себя, предвзято оценивал наш герой и П.А. Столыпина, изобразив его пособником хищников и черносотенцев, делавшим «ставку на сильных» и своей землеустроительной политикой раскидавшим по стране «семена хищничества»,

---

¹ Русское богатство. 1905. № 3. С. 164.

² Там же. № 10. С. 136-137.

³ Там же. С. 140.

всходами которых явились «ненависть и разорение»¹. Пешехонов отказывал Столыпину даже в праве считаться выдающейся личностью. Он утверждал, что не ум, воля и талант позволили достичь Петру Аркадьевичу высокого положения и некоторых успехов, а везение, удача на всем протяжении карьеры»². Полярная противоположность взглядов на будущее России и настоящее деревни мешали Пешехонову беспристрастно оценить масштаб деятельности и личности Столыпина. Даже статью на смерть Столыпина в 1911 г. он назвал, вопреки этическим нормам, «Не добром помянут».

Столь же сурово судил Пешехонов думский парламентаризм. От Думы к Думе нарастало в нем разочарование. В 1910 г. он заявляет, что самодержавие окончательно ожило и оправилось, а конституция может быть легко устранена, и если она существует, то лишь потому, что нужна правительству как средство «для наружного... употребления – в качестве декорации перед Европой»³, у которой придется занимать деньги. То, что правительство терпело парламент, Пешехонов объяснял намерением дать определенные гарантии европейским капиталистам в кредитоспособности России, где государственные расходы якобы контролируются народными представителями. «Полезность» Думы с точки зрения правительства Пешехонов усматривал в том, что она отвлекает основную массу населения от реальных проблем, создавая своим шумом видимость деятельности. С поражением революции общественно-политическая жизнь России, казалось, замерла, затихла. «Странная неподвижность и вместе с тем удивительная податливость – это сейчас наиболее характерные черты коллективной психологии»⁴, – замечал Пешехонов в 1908 г. Упадок в общественном настроении представлялся ему чрезвычайно глубоким, но естественным, неизбежным: истории всех времен и народов свойственна цикличность, чередование «спусков и подъемов». По его прогнозу, российская общественность находилась в тот момент в состоянии ожидания: кто же первый начнет выходить из спячки и выводить всех? Пешехонов считал, что первой должна «начинать» интеллигенция, ведь только под ее предводительством можно избежать опасных край-

---

¹ Там же. 1911. № 10. С. 135.

² Там же. № 9. С. 170.

³ Там же. 1910. № 4. С. 117.

⁴ Там же. 1908. № 9. С. 132.

ностей движения народных масс – мистического анархизма (стремления возложить всю тяжесть проблемы на изолированную личность) и мистического коллективизма, боготворящего безличную массу¹.

Вопрос об интеллигенции в связи с революцией обрел в то время широкий философско-этический смысл. Его квинтэссенция выражена была в знаменитых «Вехах» (1909). При всех различиях во взглядах авторов сборник в целом был воспринят левой частью политического спектра России как пасквиль. Пешехонов встретил «Вехи» с крайним негодованием как «поход против интеллигенции», уверяя читателей, что авторы нашумевшего сборника ставили перед собой задачу опорочить русскую интеллигенцию со всех сторон. Пылкий народник обвинил авторов «Вех» в ненависти к «народничеству», в которое они включили и марксизм. Со всей силой и присущей ему искренностью он винил их в «реакционизме», в том, что проблемы, поставленные ими, надуманы, что авторы, стараясь во что бы то ни стало очернить интеллигенцию, как бы зачеркивают написанное друг другом: то, что одному видится тяжким грехом, для другого добродетель. Главное же, по мнению строгого критика, заключалось в том, что авторы, разбранив интеллигенцию в пух и прах, не предложили пути, по которому она должна направить свое развитие. Поэтому истинной целью сборника он счел намерение «произвести скандал»². В данном случае Пешехонова нельзя назвать справедливым: каждый автор высказывал свое понимание российской жизни, свои наблюдения и прогнозы, многие из которых, как ни печально, в дальнейшем подтвердились опытом будущих социальных потрясений в стране и за ее пределами.

Поначалу Пешехонов, по его признанию, ожидал, что появление «Вех» принесет пользу «спящему» русскому обществу, главным образом интеллигенции: она-де проснется и вновь займется «настоящей борьбой», устыдясь своей бездеятельности. Но его ожидания не сбылись. Все вопросы, которые время от времени становились злободневными и обсуждались в обществе, возникали, как ему казалось, без причин и исчезали без следа, оставляя после себя лишь «нудное чувство» и «грязный осадок»³.

---

¹ Там же. С. 142.

² Там же. 1909. № 4. С. 126.

³ Там же. № 5. С. 125.

То, что Пешехонову, да и не ему одному, казалось безвременьем, спустя десятилетия видится вполне нормальной разносторонней общественной жизнью, которая не может пробавляться одной только политикой. Недостаток острых политических ощущений с лихвой компенсировался невиданным всплеском культурной активности. Это было время философских, художественных исканий, рождения новых путей в различных отраслях человеческого знания, переоценки ценностей в области морали, этики, чему события начала века дали обильную пищу. Большинство этих новых веяний отрицательно воспринимались мэтрами народнической мысли как проявления аморализма, упадка, обскурантизма. В них видели верных спутников столыпинской реакции. Имена А.М. Ремизова, М.П. Арцыбашева и других типичных представителей «серебряного века» были для Пешехонова и людей его духовного склада одиозными. Народники были воспитаны на реализме, сами выражали это художественное направление и воспринимали только реализм. Порой, не затрудняя себя тонкостями и различиями литературных течений и групп, Пешехонов в своих критических статьях ставил в один ряд совершенно разных писателей. Так, Леонид Андреев был оскорблен, увидев свое имя рядом с именами К. Чуковского и Арцыбашева. Об этом он заявил в своем письме самому Пешехонову.

«Да, надо заново грады строить, – жаловался Пешехонов в 1907 г. своему другу В.А. Розенбергу, редактору «Русских ведомостей». – А как – никто не знает. А публика зачитывается... Саниными, Кузьминым и приходит в неистовство от Айс. Дункан. Радикальные и толковые публицисты, живущие на гроши, по 15 рублей за билет платят! Это факт! Чепуха какая-то»¹.

Такое острое неприятие современной ему культурной жизни России теперь, наверное, мало у кого вызовет сочувствие. Но у Пешехонова были свои, весьма определенные эстетические вкусы, отражавшие его цельную натуру народника. По воспоминаниям его жены, Алексей Васильевич в художественной сфере тяготел ко всему народному, а классическое искусство не жаловал: «В оперу и концерты не ходил, уверяя, что ему доступны только русские народные песни»². В этом, несомненно, проявились особенности культурного формирования Пешехонова как человека, выросшего в

---

¹ Отдел рукописей (ОР) РГБ. Ф. 251. К. 18. Д. 34. Л. 6.

² Там же. Ф. 225. К. 1. Д. 64. Л. 7.

провинциальном захолустье. В целом же, с Пешехоновым произошла характерная для профессионального политика метаморфоза – сужение бескрайнего поля жизни до рамок политического измерения. Пешехонов выше всех русских поэтов ставил Н.А. Некрасова, коего постоянно цитировал, а из прозаиков особенно жаловал Глеба Успенского, в котором ценил не художественность (она для него была второстепенна), а гражданский пафос. Да и сама работа в журнале, исключая литературоведение, стала своеобразной разновидностью политики, причем политики определенной идеологии, что заведомо предполагает заданный, односторонний подход к явлениям литературы и жизни.

Впрочем, если общественной жизни России и был присущ в то время спад, то к самому Пешехонову это никак не относилось. В то время, когда другие радикалы, разочарованные неудачей революции, убывали в эмиграцию или ссылку, уходили в подполье или вообще от политики, увязали во внутрипартийных разборках, он переживал самый плодотворный момент своей творческой биографии, опубликовав бесчисленное множество статей, очерков, заметок на самые разнообразные темы.

Тематический диапазон его литературных трудов был необычайно широк – от злободневных политических комментариев до откликов на модные тогда религиозный и половой вопросы. Помимо журнальной работы Пешехонов был многие годы членом литературного фонда и его казначеем. Немало времени занимала также служебная переписка, редакторский труд. Выступал он и перед публикой с лекциями, преимущественно на темы аграрной реформы¹.

Книги и статьи Пешехонова, носившие в большинстве своем антиправительственный характер, постоянно навлекали на автора судебные санкции и часто конфисковывались. Сам Пешехонов за принадлежность к народно-социалистической партии и свои произведения многократно бывал под судом. До февральской революции он, по его подсчетам, провел в одном только здании судебных установлений от двух до трех месяцев. Адвокатом Пешехонова обычно был О.О. Грузенберг, который вел процессы, связанные с «Русским богатством», бесплатно. В 1912 г. Пешехонов был приговорен к годовичному заключению в Двинской крепости, где и отсидел, не переставая посылать свои материалы в журнал.

---

¹ Там же. Д. 20.

С началом Первой мировой войны Пешехонов, подобно многим публицистам, посвящал свое внимание ей. Как правило, его публикации носили скорее философский, аналитический, чем практический характер. Автор пытался осмыслить соотношение категорий «отечество» и «человечество», предсказать течение и результаты войны, представить масштабы бедствий... В одном отношении ожидания Пешехонова сбылись. Мировая война сделала то, чего не могли сделать все революционные и либеральные партии, вместе взятые – народная стихия поднялась и смела освященный многовековой историей самодержавный строй. В России сложилась принципиально новая политическая ситуация, открывшая простор широким демократическим процессам. В наступившем на политическом календаре 1917 г. должны были выдержать проверку и другие социальные и политические представления: о творческом потенциале масс и перспективах народовластия, о жизненности программных и тактических установок партий, включая народных социалистов. Самому Пешехонову судьба подарила шанс попытаться реализовать на практике важнейшие свои идеи. Этим шансом он не преминул воспользоваться.

В.Ю. Карнишин (Пенза)

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ЛИБЕРАЛ В РЕАЛИЯХ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА РАЗВИТИЯ РОССИИ НАЧАЛА XX в.

Исследование феномена российского либерализма, пережившего драматические испытания на протяжении многих десятилетий российской истории, по-прежнему представляет интерес с точки зрения осмысления его исторического опыта и определения перспектив эволюции либеральной общественно-политической мысли. В этой связи обратим внимание на вывод В.В. Шелохаева о том, что русский либерализм рассматривается ныне историками именно как становящееся сложносоставное явление, что, в свою очередь, предполагает изучение длительного процесса генезиса, формирования и эволюции либерализма в контексте трансформирующейся

исторической среды¹. Думается, обращение к особенностям формирования мировоззрения русских либералов позволяет основательно изучить особенности либеральной традиции в позднеимперской России, переживавшей достаточно противоречивый период модернизации. По-прежнему не теряет актуальности вопрос о жизнеспособности российской либеральной традиции в контексте трансформационных процессов. Речь идёт о том, что в начале XX и XXI вв. в нашей стране отсутствовали сложившийся «средний класс», доступный банковский кредит и эффективные общедоступные механизмы капитализации доходов.

Изучение адаптационных ресурсов перехода (транзита) к ценностям правового государства, идеологическому и информационному плюрализму, эффективной системе местного самоуправления приобретает значимость и сегодня, в условиях продолжающегося поиска рациональной модели экономики и государственности. Напомним сущностные черты переходного периода, определенного как периодически возникающий этап в момент перехода от старого к новому: экстерииоризация субъективного и интериоризация объективного содержат возможность для рождения множества новых вариантов развития общества; организационные формы переходного общества соединяют старые и новые качества или их элементы; способность государства брать на себя ослабленные функции социальных институтов и экономических структур².

Судьбы либералов российской провинции в начале XX в. отражали искания той части общества, которая, отрицая перспективность радикальных потрясений, стремилась активно влиять на переустройство жизни в российской глубинке, а, разочаровавшись в результатах своих надежд, приходила в большую политику. На этот выбор воздействовали и особенности развития пореформенной России, для которых, в частности, было свойственно иное понимание общественного долга частью дворянства и интеллигенции. Речь шла о целенаправленной гражданской деятельности в системе взаимоотношений «между царем и народом»³.

---

¹ Шелухаев В.В. Дискуссионные проблемы истории русского либерализма в новейшей отечественной литературе // Вопросы истории. 2007. № 5. С. 15.

² Лапкин В.В. Политическая история и современная политика России сквозь призму структурно-циклической парадигмы // Полис. 2008. № 1. С. 177.

³ Брэдли Дж. Гражданское общество и формы добровольных ассоциаций: опыт России в европейском контексте // Гражданская идентичность и сфера гражданской дея-

Нельзя не учитывать и воздействие на мировоззрение либералов университетской среды, определившей их политические предпочтения. Многие из них получили классическое образование в Москве и Петербурге, что имело особое значение и для установления личных контактов в общественно-политической деятельности. Вне сомнения, аудитории Императорского Московского университета, в стенах которых звучали лекции С.А. Муромцева, оставались в памяти не одного поколения бывших студентов: «Блестящий и могучий оратор, человек, умевший словом и жестом заставить повиноваться себе толпу, – на лекциях становился строгим и неумолимым учителем ни разу не снизошедшим до какого-либо агитаторского или даже публицистического приема воздействия на слушателей»¹. О настроениях части московского студенчества в 1881 г., свидетельствовал учившийся тогда здесь Д.И. Шаховской: «В жизни нашего высшего общества я вижу много нелепого. Это ужасная и никому, в сущности, не нужная роскошь, рядом с голодающими рабочими и мужиками, страшно неравномерное распределение богатств... Я не приверженец революции, но не знаю, чем кроме нее может это все кончиться, если будет продолжаться так же»².

Среди питомцев Московского университета был и сын коллежского асессора (впоследствии основателя популярных в России счетоводческих курсов) и урожденной княгини Гагариной – Николай Федорович Езерский, родившийся в Дрездене в 1870 г. После окончания элитного юридического факультета Московского университета он перешел на службу в ведомство Министерства народного просвещения и уже в 1898 г. был произведен в титулярные советники. В 1902 г. он принимает решение занять должность инспектора дирекции народных училищ по Мокшанскому и Городищенскому уездам Пензенской губернии³. Что же обусловило его желание покинуть Москву и уехать в черноземную глушь?

тельности в Российской империи. Вторая половина XIX-начало XX века / Отв.ред. Б. Пиетров-Эннкер, Г.Н. Ульянова. М., 2007. С. 63.

¹ Аронов Д.В. Первый спикер. Опыт научной биографии Сергея Андреевича Муромцева. М., 2006. С.52.

² Кузьмина И.В., Лубков А.В. Князь Шаховской: Путь русского либерала. М., 2008. С. 64.

³ Карнишин В.Ю. Николай Федорович Езерский: «Носитель власти, даже микроскопической, склонен забывать, что он член общества...» // Российский либерализм: идеи и люди / Под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М., 2004. С. 490.

Сохранившаяся переписка Езерского с его товарищем, выпускником юридического факультета, известным юристом П.И. Корженевским, позволяет понять настроения, надежды, разочарования москвича, оказавшегося в российской глубинке. Очевидно, на решение уехать в губернию повлияли обстоятельства частной жизни. В одном из писем Езерский признается: «Удивительное чувствую я успокоение в провинции после Москвы; обыкновенно человек стремится туда, где его нет, и попадая туда, разочаровывается; я могу сказать пока, что получил "исполнение всех желаний", как говорят при гадании на картах»¹. Следует признание в том, что у него «планов бесконечное множество» и что, подобно чеховскому интеллигенту, он пытается отдать все свои силы и помыслы настоящему делу. Однако при столкновении с действительностью пылкие мечтания вскоре сменяются разочарованием. Достаточно остро Езерский воспринимал то обстоятельство, что «у нас ни у кого нет политического воспитания», а «людей, интересующихся и понимающих общественные дела так мало и все мы так вялы, так неопытны, что разве только в крупных центрах можно подобрать себе группу людей, которые были бы способны к деятельности»².

Столкнувшись с отказом местных чиновников принять его предложения по совершенствованию работы учебных заведений, Езерский все чаще размышляет о причинах неэффективности деятельности государственного аппарата. «Общественный фон народной жизни так безотраден – беднота, невежество, пьянство. Глубоко учить крестьян географии или арифметике или пороть их за буйство в пьяном виде и закрывать глаза на общественные причины – это все равно, что лечить прыщи во время кори»,³ – констатирует Езерский.

Скептическое отношение к местной действительности, однако, не следует отождествлять с критиканством: Езерский входил в правление Пензенской общественной библиотеки им. М.Ю. Лермонтова, являлся секретарем правления общества им. А.С. Пушкина. Его перу принадлежали статьи в «Московском еженедельнике», «Русских ведомостях».

---

¹ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИО ОР РГБ) Ф. 436. Карт. 7, Д. 81. Л. Л. 1-1 об.

² Там же. Л. 3.

³ Там же. Л. 26 об.

Начавшаяся русско-японская война, пишет Н.Ф. Езерский, «встряхнула нас, объединила, поставила нам государственные вопросы в такой реальности и настоятельности, что от них теперь не отыграешься. Война – это день суда для страны, для правительства, для народа, а нам нужен этот суд, нужен молот»¹.

Революция 1905 г. нарушила привычный неспешный ритм жизни провинциальной Пензы, всколыхнула крестьян, переживших неурожайный год, вывела на улицы учащуюся молодежь. Насилия властей, отчаянный террор радикалов не могли не беспокоить Езерского. В статье памяти известного публициста, депутата I Государственной думы Г.Б. Иоллоса, он пришел к выводу о том, что «в обществе создается неясное, но глубокое убеждение, что все принципы условны, что каждый может нарушить их во имя того, что ему кажется для данной минуты важнее, и во всей общественной жизни водворяется такая нравственная анархия, которая во много раз страшнее политической, ибо при ней невозможен никакой общественный порядок, кроме основанного на грубой силе»².

В ноябре 1905 г. в Пензе было создано бюро конституционно-демократической партии. Во главе его стал Езерский. Среди его единомышленников – адвокат Б.К. Гуль (отец впоследствии известного писателя русской эмиграции Романа Гуля), купец второй гильдии, землевладелец, предприниматель-меценат В.Н. Умнов, купец из уездного города Мокшана, популярный публицист «Московского еженедельника» В.П. Быстренин.

С декабря 1905 г. под редакцией Езерского в Пензе стала издаваться газета «Перестрой», на сообщения которой часто ссылались столичные газеты и журналы. Николай Федорович стал душой «Перестроя». В своих статьях он призывал к достижению гражданского мира, борьбе, как против произвола администрации, так и против террора радикальных сил.

Осуждая Декабрьское восстание в Москве, Езерский акцентировал внимание на том, что «все нынешнее движение не результат интриги нескольких крамольников, а плод застоя народной и хозяйственной жизни, переустройства во всех областях ее и уже офици-

---

¹ Там же. Л. 26 об.

² Езерский Н.Ф. Проклятый вопрос (памяти Г.Б. Иоллоса) // Московский еженедельник. 1907. № 14. С. 10.

ально признано, что только коренные реформы, обещанные с высоты престола, могут вывести страну из переживаемых бедствий»¹.

Будучи избран депутатом I Государственной думы, Н.Ф. Езерский в своей деятельности исходил прежде всего из необходимости решения аграрного вопроса и приобщения к общественно-политической жизни широких слоев населения. Он представлял собой новый тип политика, отличного от традиционного бюрократа и политика-нелегала, для которого было свойственно стремление сформулировать социально значимую программу и ориентироваться в ее выполнении на общественную поддержку².

Распуск Думы стал трагедией для Николая Федоровича. Он не только подписал Выборгское воззвание, но и активно распространял его в уездах Пензенской губернии. Столкнувшись с волной аграрных выступлений в глубинке, Езерский осудил крайности радикализма: «Бюрократы думают, что вся революция от кучки злонамеренных людей, что стоит только перевешать агитаторов – водворится спокойствие; террористы тоже думают, что стоит перебить нескольких бюрократов, чтобы сделать страну свободной»³. Дело о Выборгском воззвании, которое рассматривалось 12-18 декабря 1907 г. Особым присутствием Санкт-Петербургской судебной палаты, вызвало общероссийский резонанс. 168 бывших депутатов, в том числе Муромцев и Езерский, были приговорены к трехмесячному заключению. Еще раньше было запрещено издание газеты «Перестрой» в Пензе.

Лишенный права быть избранным в Государственную думу и органы местного самоуправления, он не смог вернуться к прежней деятельности: должность инспектора народных училищ оказалась для него закрытой. Езерский устраивается помощником присяжного поверенного при Пензенском окружном суде («имущества в Пензе никакого не имеет»),⁴ организует общеобразовательные курсы в Москве, читает лекции.

Оказавшись в Пензе после февраля 1917 г., Езерский становится редактором новой газеты – «Пензенская речь». На ее страницах он размышляет о причинах, осложняющих демократическое

---

¹ Езерский Н.Ф. Что же дальше? // Перестрой. 1905. 22 декабря.

² Кирьянов И.К. Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве. Пермь, 2006. С.126.

³ Езерский Н.Ф. Что же дальше? // Перестрой. 1905. 26 августа.

⁴ Государственный архив Пензенской области. Ф. 5. Оп.1. Д. 7892. Л. 1.

развитие России (отсутствие единства в рядах демократов, дезинтеграция страны, неэффективная социальная политика властей в центре и на местах).

Приход к власти большевиков был встречен им крайне негативно. «Большевизм нынешний – это распутничество революции с такой же ложью, подкупом и предательством»¹. Однако попытки победить по спискам партии кадетов при выборах в Учредительное собрание были безуспешны. Призывы к постепенности преобразований оказались непонятны в губернии, население которой устало от военного лихолетья, полуголодного существования и ожидало быстрого решения проблем леворадикальными политиками, оперировавшими популистскими лозунгами.

Дальнейшая судьба Езерского была связана с борьбой против Советской власти на стороне Добровольческой армии (в Новороссии им были опубликованы две популярные брошюры о союзниках в этой борьбе). Далее – эмиграция в Сербию и Францию. Приняв сан священника, Николай Федорович служил в православных церквях Гренобля и Будапешта, где он скончался 14 января 1938 г.

О.В. Шевченко (Белгород)

АГРАРНЫЙ ВОПРОС В ЛИБЕРАЛЬНОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX вв. (по публицистическим материалам Центрально-Черноземных губерний)

В конце XIX–начале XX вв. российскую общественность волновал целый ряд социально-экономических вопросов, нерешенность которых стала одной из причин углубления системного кризиса в стране и, в некотором смысле, предопределила судьбу империи. Одним из наиболее актуальных был аграрно-крестьянский вопрос, заключающий в себе комплекс проблем, обусловленных неблагоприятным социально-экономическим положением русского крестьянства. Этот вопрос, так или иначе, осмысливался представителями

---

¹ Карнишин В.Ю. Н.Ф. Езерский // Государственная дума Российской империи. 1906–1917. Т. 1. М., 2006. С. 192.

практически всех существовавших на тот момент идейных течений, в том числе и либералами. В отечественной историографии уже уделялось внимание взглядам отечественных либералов на аграрный вопрос, а также аграрным проектам ведущих либеральных партий¹. В этой связи определенный научный интерес представляет изучение такого немаловажного компонента русской либеральной мысли, как воззрения провинциальных либералов, тем более, что они были ближе к реалиям русской жизни, поскольку имели возможность ознакомиться с положением дел в процессе конкретной деятельности (земской, общественной). В контексте обозначенной темы также представляется значимым тот факт, что исследование проводилось на материалах типичных аграрных губерний Российской империи – Курской, Орловской, Воронежской, Тамбовской.

Либералы обозначенных губерний обратились к осмыслению аграрного вопроса в конце XIX в. Наглядным проявлением этого процесса стал адрес курского земства к императору 1894 г. Здесь, наряду с конституционными заявлениями, содержалось указание на необходимость «разрешения коренных вопросов земледелия»². Но наибольшую интенсивность осмысление аграрно-крестьянского вопроса в российской провинции приобрело в начале XX столетия в связи с увеличением количества аграрных волнений. Удобный случай высказать свои взгляды предоставило само правительство, учредив 22 января 1902 г. «Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности». Для знакомства с местной спецификой были образованы губернские и уездные комитеты, работа

---

¹ См: Алафаев А.А. Аграрный вопрос в журнале «Вестник Европы» 1878-1882 гг. // Вторая революционная ситуация в России: отклики на страницах прессы. Сборник статей / Под ред. Б.С. Итенберга. М., 1981. С. 35-57; Он же. Русский либерализм на рубеже 70-х-80-х гг. XIX в.: из истории журнала «Вестник Европы». М., 1991. С. 59-64; Балашова Н.А. Российский либерализм начала XX века: банкротство идей «Московского еженедельника». М., 1981; Дудзинская Е.А. Эволюция славянофильских взглядов на пореформенную общину // История СССР. 1990. №3. С. 41-54; Карасева Е.А. «Русские ведомости» об аграрно-крестьянском вопросе в конце XIX-начале XX веков: Автореф. ... канд. ист. наук. М., 1987; Попов И.П. «Соображения» А.М. Унковского и либеральное движение в период подготовки крестьянской реформы // Революционная ситуация в России в середине XIX века: деятели и историки. М., 1986. С. 137-146; Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996; Эвенчик С.Л. Крестьянство и крестьянский вопрос в журнале «Русская мысль». 1880-1881 гг. // Вторая революционная ситуация в России: отклики на страницах прессы: Сборник статей. М., 1981. С. 58-65 и др.

² См.: Шаховский Д.И. (Мирный С.) Адресы земств 1894-1895 и их политическая программа. 2-е изд. Женева, 1896. С. 4.

которых вышла за рамки правительственной программы и показала отношение провинциальной общественности ко многим проблемам России начала XX в., в том числе и аграрным. Наибольшей радикальностью отличались выступления в воронежском уездном комитете, либерально настроенные представители которого видели причины сельскохозяйственного кризиса в неудовлетворительности всего общественно-политического строя страны. Так, известный педагог, человек либеральных убеждений Н.Ф. Бунаков связывал «...упадок сельскохозяйственной промышленности в России...» с «общим неудовлетворительным строем государственной и народной жизни»¹. Либеральный деятель воронежского земства С.В. Мартынов в своем докладе также отмечал, что «...причины сегодняшнего сельскохозяйственного кризиса лежат глубоко в основе современного политико-экономического строя страны... и не могут быть устранены местными случайными мероприятиями»². Понятно, что при такой постановке проблемы, для решения аграрного вопроса провинциальные либералы предлагали целый комплекс политических, экономических, культурных мер. Например, тот же Бунаков считал, что разрешение крестьянского вопроса возможно только при «освобождении личности, слова, печати, школы, суда промышленности от всякой административной опеки и всякого полицейского надзора, в смысле возбуждения чистой инициативы и привлечения к государственному управлению свободных общественных сил», развития действительного самоуправления³. Мартынов, критикуя стесненность условий, в которых проходила деятельность сельскохозяйственных комитетов, предложил передать этот вопрос «...на обсуждение законного всероссийского и всеобщего представительного учреждения...»⁴. Похожую мысль высказал Ю.А. Новосильцев (в последствии – член тамбовского отделения кадетской партии), представлявший Тамбовскую губернию на совещании земских деятелей по аграрному вопросу 27-29 апреля 1905 г. в Москве: «...коренная аграрная реформа и даже всякое... улучшение в сфере аграрного строя непременно должны основыв-

---

¹ Бунаков Н.Ф. Моя жизнь в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной 1837-1905. СПб., 1909. С. 354.

² Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). Ф. И-1. Оп.1. Д. 25. Л. 1об.

³ Бунаков Н.Ф. Указ. соч. С. 356.

⁴ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 25. Л. 2.

ваться на общей политической, экономической и податной реформах, причем политическая реформа должна предшествовать всем остальным, которые должны проводиться уже народным представительством»¹. Такого же мнения в первые годы XX в. придерживались: известный либеральный деятель, один из организаторов и член курского комитета партии кадетов Петр Д. Долгоруков; представитель Орловской губернии на либеральных земских съездах начала XX в. А.Д. Поленов². Таким образом, большинство представителей провинциальной либеральной общественности исходным моментом решения социально-экономических проблем считало политическую реформу, а именно – введение конституции.

Если обратиться к более подробному рассмотрению аграрной программы провинциальных либералов, то в качестве одной из важнейших мер они предлагали «поднятие» личности крестьянина, поскольку именно личная инициатива признавалась ими важнейшим фактором прогресса. Первоочередной задачей здесь должно было стать улучшение правового положения крестьянства. Так, Новосильцев, возглавивший в 1902 г. Темниковский уездный комитет сельскохозяйственной промышленности, в своем докладе подчеркивал: «...прежде всего, следует поднять личность русского крестьянина и обеспечить развитие его самостоятельности, а для этого необходимо уравнивать его с лицами других сословий в правах личных и гражданских, подчинить общей администрации и общим судебным установлениям...»³. За уравнивание прав крестьян выступили и другие сельскохозяйственные комитеты: три уездных комитета Курской губернии, в том числе и губернский; четыре – Орловской, в том числе – губернский; шесть комитетов в Тамбовской губернии⁴. Эту идею отстаивали и делегаты от черноземных губерний на земских съездах⁵. Председатель тамбовского отделения «Союза 17 октября» В.М. Петрово-Соловово в своей речи на собрании 30 декабря 1905 г. подчеркивал: «Первая задача русского конституционного

---

¹ Либеральное движение в России 1902-1905 гг. / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2001. С. 181.

² См.: Долгоруков П.Д. Аграрный вопрос с точки зрения крупного землевладения // Аграрный вопрос: сборник статей / издание П.Д. Долгорукова, И.И. Петрункевича. М., 1905. С. 3; Поленов А.Д. Объяснение к программе «Союза 17 октября» по крестьянскому и земельному вопросу. М., 1907. С. 23-24.

³ Белоконский И.П. Земское движение. 2-е изд. испр. и доп. М., 1914. С. 118-119.

⁴ Прокопович С.Н. Местные люди о нуждах России. СПб., 1904. С. 92.

⁵ Либеральное движение в России.... С. 89.

правительства в разрешении крестьянского вопроса должна быть в приобщении крестьян к полноте гражданских прав наравне со всеми прочими гражданами русского государства...»¹

Прежде всего, либералы провинции неоднократно настаивали на отмене телесных наказаний, само существование которых было грубейшим нарушением принципа свободы и достоинства личности. Подобные требования звучали на земских и общественных собраниях, заседаниях все тех же сельскохозяйственных комитетов, в отдельных работах².

Кроме того, либеральные деятели Центрального Черноземья видели необходимость ограничения административного контроля над крестьянством³. Председатель брянского отдела октябристов В.В. Тенишев, посвятивший административному положению крестьянства отдельную работу, отмечал распространенность «бесправия в крестьянском административном строе». В этой связи он писал о неотложности реформы местного и крестьянского управления в смысле ограничения деятельности сельских сходов только хозяйственными функциями⁴.

В целом, представления провинциальной общественности о мерах по улучшению правового положения крестьян наиболее полно отражает доклад Д.А. Перелешина (в будущем – члена воронежского отделения кадетов), подготовленный для Воронежского уездного сельскохозяйственного комитета: «...прежде всего, следует поднять личность русского крестьянина и обеспечить развитие его самостоятельности, а для этого нужно обеспечить правовое поло-

---

¹ «Союз 17 октября», его задачи и цели, его положение среди других политических партий: речь В.М. Петрово-Соловова, произнесенная 30 декабря 1905 года на общем собрании Тамбовского отделения «Союза 17 октября». М., 1906. С. 26

² См.: Журнал заседаний XXXI очередного грайворонского уездного земского собрания за 1895 г. Курск, 1896. С. 186-187; Веселовский Б.Б. История земства за 40 лет: в 4 т. Т. 4. СПб., 1911. С. 336, 353; Бунаков Н.Ф. Указ соч. С. 238, 249; Комиссия по народному образованию при Курском губернском земстве за 1902 год. Курск, 1903. С. 37; Исследование экономического положения Центрально-Черноземных губерний. Труды особого совещания 1899-1901 / Сост. А.Д. Поленов. М., 1901. С. 68; Прокопович С.Н. Указ соч. С. 91-92; Тенишев В.В. Правосудие в русском крестьянском быту. Свод данных, добытых этнографическими материалами покойного князя В.Н. Тенишева. Брянск, 1907. С. 189.

³ См.: Бунаков Н.Ф. Указ. соч. С. 245; Прокопович С.Н. Указ соч. С. 99; «Союз 17 октября», его задачи и цели... С. 26.

⁴ Тенишев В.В. Административное положение русского крестьянства. Свод данных, добытых этнографическими материалами покойного кн. В.Н. Тенишева. СПб., 1908. С. 164.

жение крестьян... Необходимо: 1) уравнивать личные права крестьян с лицами других сословий, 2) освободить крестьян от административной опеки, 3) оградить права крестьян правильной формой суда, 4) отменить позорное телесное наказание»¹. Вместе с тем стоит заметить, что, ратуя за «поднятие» личности крестьянина, либералы заботились не только о прогрессе сельского хозяйства, но и надеялись, что «постоянная совместная работа в общественных бессловных организациях» сгладит «классовые недоразумения» и предотвратит аграрные беспорядки².

Большое значение в деле решения крестьянского вопроса либералы придавали развитию т.н. «самодеятельности» крестьян. Например, в постановлениях Орловского уездного сельскохозяйственного комитета говорилось: «...в настоящее время задача сводится почти исключительно к тому, чтобы поставить население в такие условия, чтобы, во-первых, поднять и развить в населении его самодеятельность, его инициативу, а затем, конечно, уничтожить все препятствия к развитию этой самодеятельности». В подобном ключе высказывался крестьянин И.Т. Волков в Суджанском комитете: «самодеятельность, почин, широкий кругозор, смелая инициатива и уверенность в своих силах – все эти условия, столь необходимые для развития хозяйственной деятельности не могут иметь места при современном состоянии вещей, благодаря чему деревня стоит на пути положительного обнищания и разорения»³.

Пожалуй, наиболее болезненной, особенно в Центрально-Черноземных губерниях составляющей аграрного вопроса была проблема малоземелья крестьян, поскольку именно она порождала их восстания. В провинциальной либеральной среде существовали различные оценки серьезности этой проблемы. Умеренные либералы, такие как упомянутый Петрово-Соловово, видный октябрист, землевладелец Валуйского уезда Воронежской губернии С.И. Шидловский, либерально настроенный орловский землевладелец С.С. Бехтеев считали ее несколько преувеличенной, «раздутой революционерами»⁴. Более радикально мыслящие (Долгоруков,

---

¹ ГАВО. Ф. И 1. Оп. 2. Д. 112. Лл. 12-13.

² Долгоруков. П.Д. Указ соч. С. 10.

³ Цит. по: Прокопович С.Н. Указ соч. С. 84-85.

⁴ См.: Петрово-Соловово В.М. Личная земельная собственность по аграрной программе партии «Мирного обновления». Тамбов, 1906. С. 12; Шидловский С.И. Воспоминания: в 2 ч. Берлин, 1923, Ч. 1. С. 143-145; Хозяйственные итоги истекшего со-

А.И. Шингарев), напротив, характеризовали вопрос о крестьянском малоземелье как «острый» и видели в этом главную причину «бедственного» положения крестьян¹.

Также неоднозначно либералы указанных губерний подходили и к поиску путей решения проблемы малоземелья. С одной стороны, они признавали, что она не устраняется простым увеличением количества земли, так как это не способствует культурному прогрессу, поэтому оптимальный выход либералы видели в интенсификации крестьянского хозяйства. Но эта мера могла принести плоды только в долгосрочной перспективе, тогда как вопрос малоземелья, в связи с волнениями крестьянства, требовал немедленного разрешения. Поэтому провинциальные либералы в начале XX столетия вынуждены были признать необходимость дополнительного наделения крестьян землей². Даже наиболее консервативно мыслящие из них (Петрово-Соловово, член тамбовского отделения октябристов Н.Л. Марков, лидер Партии мирного обновления, орловский земский деятель, организатор комитета октябристов в Орле М.А. Стахович-младший) согласились с этой мерой, считая ее «вопросом государственной важности»³.

Для решения проблемы малоземелья либеральная общественность Центрально-Черноземных губерний предлагала целый комплекс мероприятий. Наиболее распространенными среди них были организация переселений и расселений, выдача мелиоративных кредитов, оптимизации деятельности Крестьянского банка и др. Например, за «правильную и широкую постановку переселенческого дела в целях борьбы с крестьянским малоземельем» высказалось восемнадцать уездных и четыре губернских сельскохозяи-

---

рокапятилетия и меры к хозяйственному подъему С.С. Бехтеева: в 3 т. Т. 1. СПб., 1902. С. 343.

¹ Долгоруков П.Д. Указ. соч. С. 1; Шингарев А.И. Вымирающая деревня // Старая и новая деревня. Материалы исследования с. Ново-Животинного и дер. Моховатки Березовского района, Воронежской области за 1901-1907, 1927, 1937 гг. М., 1937. С. 344.

² См.: Поленов А.Д. Указ. соч. С. 26; Новосильцев Ю.А. К аграрному вопросу. М., 1906, С. 4; Долгоруков П.Д. Указ. соч. С. 3; Либеральное движение в России... С. 181; Прокопович С.Н. Указ соч. С. 185, 196.

³ См.: Марков Н.Л. Несколько слов по вопросу предлагаемого правительством изменения форм и характера выдачи расчетов за земли, покупаемые Крестьянским банком, и ссуд, выдаваемых Дворянским банком. М., 1906. С. 3; Сборник речей Депутатов Государственной Думы I и II созыва: Кн. II. / отв. ред. В.А. Максимов. СПб., 1908. С. 229; Петрово-Соловово В.М. Личная земельная собственность... С. 3.

ственных комитета Центрального Черноземья. Показательно одно из выступлений в Борисоглебском комитете (Тамбовская губерния): «Переселение должно стать делом государства, совершаться по его инициативе; разумеется, по ходатайству или с согласия переселяющихся. Выселяться должны ...самые малоземельные неимущие семьи, всецело за счет государства, которое должно давать все нужные средства, как на самое переселение, так и на устройство и обзаведение на новых местах»¹. На общем собрании воронежских октябристов 25 февраля 1906 г. также шла речь и о необходимости наделения крестьян землей, переселения их в малонаселенные местности России за казенный счет, расширения функций Крестьянского банка, использования внешних займов². Любопытное решение предложил Бехтеев – переселять крестьян на территории, граничащие с Японией и Китаем, в виду опасности их захвата, причем коренное население Приморской и Амурской областей также должно было бы перейти к земледелию, отказавшись от традиционного скотоводства³. Сторонниками указанных мер были также Долгоруков, Марков, Поленов⁴. Последний предлагал также ликвидировать чересполосицу, образовывать хутора и отруба. По его мнению, крестьянин, «...сидя среди своей земли... и оберегая свое, сам приучается к уважению чужой собственности и даже личности...». Важным Поленов считал и содействие распространению кустарных промыслов, которые должны были обеспечить крестьянам «промысловый заработок», а также способствовать повышению инициативности крестьян⁵.

Вместе с тем, большинство провинциальных либералов считали перечисленные меры недостаточными для устранения малоземелья и снятия социального напряжения. Выход они видели в дополнительном наделении крестьян землей за счет казенных, удельных, монастырских владений. Камнем преткновения в данном случае оказался вопрос о целесообразности принудительного отчуждения помещичьей земли. Здесь представители одного политического спектра высказывали порой противоположные точки зре-

---

¹ Прокопович С.Н. Указ соч. С. 192, 195.

² ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 284. Л. 4-4об.

³ Хозяйственные итоги истекшего сорокапятилетия... С. 343.

⁴ Долгоруков П.Д. Указ. соч. С. 5; Марков Н.Л. Указ соч. С. 10-11; Поленов. А.Д. Указ соч. С. 36-47.

⁵ Поленов А.Д. Указ соч. С. 33-34, 40, 48-51.

ния. Петрово-Соловово, в упомянутой речи (1905 г.) признавал, что «Союз 17 октября» допускает принудительное отчуждение частной земельной собственности только в крайних случаях как совершенно исключительную меру, указанную государственной необходимостью. Но, год спустя, анализируя аграрную программу партии мирного обновления, автор пытался развенчать приведенный в ней проект отчуждения частных земель¹.

Долгоруков, Поленов, Новосильцев более терпимо относились к идее принудительного выкупа частновладельческих земель (при условии «справедливого» вознаграждения помещиков). Но и они предполагали возможность такой меры только в случае крайней необходимости². За принудительный выкуп отрезков высказались в 1902 г. и некоторые сельскохозяйственные комитеты (Елецкий, часть Курского)³. На общественном собрании в здании Борисовского кредитного товарищества (Валуйский уезд, Воронежская губерния) 13 февраля 1906 г. будущий член воронежского губернского комитета кадетов Р.Ю. Будберг тоже отмечал, что самым верным решением аграрного вопроса будет решение его путем принудительного отчуждения земли «в количестве, которое по силам обработать семье»⁴.

Признание провинциальными либералами целесообразности принудительного выкупа помещичьих земель, по сути, противоречило одному из основных принципов классического либерализма – неприкосновенности частной собственности. Но такая позиция во многом была обусловлена тем, что провинциальная либеральная общественность опасалась социальных потрясений. К примеру, Новосильцев полагал, что неприкосновенностью частной собственности можно пожертвовать ради более важной цели – «установления социального мира»⁵. Поленов также допускал возможность нарушения указанного принципа в случае государственной необходимости, которую он усматривал в том, что современное ему положение крестьянского дела грозит «опасностями и бедствиями госу-

---

¹ См.: «Союз 17 октября», его задачи и цели... С. 7; Петрово-Соловово В.М. Личная земельная собственность... С. 5-17

² Долгоруков П.Д. Указ. соч. С. 8-9; Поленов А.Д. Указ соч. С. 26-30; Новосильцев Ю.А. Указ соч. С. 7-8.

³ Прокопович С.Н. Указ. соч. С. 25, 204.

⁴ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 3. Д. 128. Л. 2 об.

⁵ Новосильцев Ю.А. Указ соч. С. 3.

дарству»¹. В этом же смысле высказывался и Ф.В. Татаринов (впоследствии – председатель орловского губернского комитета кадетов) на совещании земских деятелей по аграрному вопросу 27-29 апреля 1905 г. в Москве². Даже умеренно настроенный Шидловский полагал, что право собственности «...не составляет такого права, которое должно стоять во главе угла в смысле неприкосновенности со стороны государства... правда при условии справедливого вознаграждения»³. Но вместе с тем, либералы Центрально-Черноземных губерний продолжали считать частную собственность «одним из основных институтов гражданского строя», «великой созидательной экономической силой», сильным двигателем⁴.

Другой актуальной на тот момент составляющей аграрно-крестьянского вопроса была проблема сохранения общины. Большое значение ее устранению придавали в основном умеренно настроенные либеральные деятели изучаемых губерний. Так, по мнению Петрово-Соловова, высказанному им в 1906 г., наилучшим вариантом решения аграрной проблемы могло быть «...устранение препятствий к переходу от общинного землевладения к личному... Пора русскому крестьянину стать союзом полноправных русских граждан, вооруженных всеми правами свободных людей, не исключая и самого драгоценного из них – права личной и наследственной собственности. Тогда и только тогда можно будет ожидать от них личной инициативы, пробуждения духа предприимчивости и самодеятельности, столь необходимых для культурного и экономического роста нашего государства». Кроме того, ликвидация общины должна была в конечном итоге привести к тому, что в России образуется «...политически консервативно настроенное большинство населения, крепко хранящее принцип частной собственности...» и потому способное стать «оплотом государственного спокойствия»⁵. Сторонником устранения общины как средства развития в крестьянах уважения к собственности показал себя и Марков⁶. Бехтеев полагал, что необходимо не только признать право выхода крестья-

---

¹ Поленов А.Д. Указ соч. С. 27, 29.

² См.: Либеральное движение в России... С. 198.

³ Шидловский С.И. Указ соч. Ч. 1. – С. 176-178.

⁴ См.: Поленов А.Д. Указ соч. С. 24; «Союз 17 октября», его задачи и цели... С. 28; Сборник речей депутатов Государственной Думы I и II созыва. Кн. II. С. 229.

⁵ Петрово-Соловова В.М. Личная земельная собственность... С. 24-26.

⁶ Марков Н.Л. Указ. соч. С. 10

ян из общины, но и «сделать его привлекательным», в частности – оставить за крестьянами право полной собственности на выкупленную ими землю¹.

Более гибкую позицию занимал Поленов, который полагал, что «община и мир должны стать не насильственным учреждением, а добровольным союзом...» при упразднении права общины на переделы земли и «предоставление каждому домохозяину права собственности на то количество земли, которое в настоящее время находится в его пользовании в силу последнего передела»². Еще с большей осторожностью высказывался активный деятель тамбовского земства, либеральный публицист Л.В. Дашкевич. С одной стороны, он отмечал, что «выход из общины желателен, местами даже необходим...», но последствием такой насильственной ломки «народного быта», по мнению Дашкевича, могло стать понижение нравственного и правового уровня крестьянства. Поэтому он критиковал спешность издания указа 9 ноября 1907 г., разрешившего крестьянам выход из общины. По мнению автора, этому указу должен был предшествовать «пересмотр всего крестьянского законодательства»³. Шидловский, напротив, полностью поддержал столыпинскую аграрную политику, ибо полагал, «...что общинное распоряжение землею является самым крупным тормозом для улучшения земельной культуры... А в улучшении культуры все спасение крестьянства и русского хозяйства»⁴.

Как видим, в среде провинциальных либералов имели место небольшие разногласия по вопросу об общине, но в целом они были сторонниками ее ликвидации. Такая позиция была свойственна российской либеральной общественности в целом, т.к. община с ее переделами и круговой порукой, по мнению российских либералов, сковывала развитие частной инициативы, которую они рассматривали как основной элемент прогресса.

Что касается реализации аграрной реформы, то главную роль в этом деле либералы отводили государству, а на местах – специально созданным общественным органам. Некоторые из них (Долгоруков, Петрово-Соловово) считали, что ответственность за решение

---

¹ Хозяйственные итоги истекшего сорокапятилетия... С. 336.

² Поленов А.Д. Указ. соч. С. 21-22.

³ Дашкевич Л.В. Государственные избирательные законы. Аграрный переворот. Сельский суд. М., 1909. С. 29-31.

⁴ Шидловский С.И. Указ соч. Ч.1. С. 37.

столь сложных вопросов должно было взять на себя именно народное представительство¹. Расходы на реформу также должно было взять на себя государство². Марков видел возможным установление временного налога под названием «сборов на государственное землеустройство», облагая таковым все виды денежных капиталов, кредитных операций, наследства, доходы с землевладений, домов, фабрик, заводов, промышленных и торговых заведений³.

Важную роль в решении крестьянского вопроса провинциальные либералы отводили повышению культурного уровня русского крестьянства. Эта мера, с одной стороны, должна была содействовать приобщению крестьянина к более прогрессивным формам ведения хозяйства и развитию его личности в целом. С другой стороны, либеральная общественность надеялась, что культурный крестьянин не будет решать своих проблем «некультурными» методами. Так, Долгоруков в своем выступлении на совещании земцев в Петербурге весной 1903 г. говорил: «...крамола существует и будет... развиваться, пока народная масса будет некультурна и потому падка на смуту. Надо сделать народ культурным и экономически сильным...»⁴ В ноябре этого же года в письме к В.Г. Короленко, Долгоруков, опасаясь массовых кровопролитий, замечал: «Страшно нужна хорошая, живая народная газета, проводящая в сознании народа правовой строй и знакомящая его с мирными способами его добиваться, а также возможность удовлетворения при ее помощи народных культурных и экономических чаяний. По моему на это дело надо теперь сосредоточить крупные материальные и духовные средства... И, главное, надо действовать поскорее, потому что каждый день промедления может иметь роковые последствия»⁵. Марков также рассматривал разгромы и поджоги имений как следствие «некультурности крестьянской массы», поэтому он полагал, что «нельзя и не должно ограничиваться... одним только увеличением площади крестьянского землевладения, без одновременного с этим подъема этого сословия в культурном отношении», более того, «...

---

¹ Долгоруков П.Д. Указ. соч. С. 9; Петрово-Соловово В.М. Личная земельная собственность... С. 35.

² См.: Поленов А.Д. Указ соч. С. 31.

³ Марков Н.Л. Указ соч. С. 11.

⁴ Белоконский И.П. Указ. соч. С. 156-157.

⁵ Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки. Ф. 135. Разд. II. Карт. 23. Ед. хр. 4. Лл. 1об-4.

доведение крестьянского землевладения до высшей степени культурного состояния для России является вопросом быть или не быть ей Великим Государством?» Для повышения культуры крестьян Марков предлагал распространить сельскохозяйственные знания и ввести обязательное всеобщее бесплатное начальное обучение¹. Подобные мысли звучали и на заседаниях сельскохозяйственных и земельных комитетов, а также в местной либеральной печати².

В общей сложности, для провинциальных либералов крестьянский вопрос оказался одним из наиболее актуальных, что вполне объясняется спецификой изучаемых губерний. Если обратиться к сравнению воззрений провинциальных либералов с представлениями столичной либеральной элиты, то, первые могли притязать скорее на субъективность, нежели на оригинальность. При этом суждения либеральных деятелей Центрального Черноземья отличались прагматизмом. Большая часть из них обдумывала варианты решения аграрного вопроса в соответствии со своим жизненным опытом. Характерной чертой взглядов провинциальных либералов на аграрный вопрос было понимание необходимости его решения путем реализации системы политических, правовых, экономических, культурных мер. Кроме того, либералы провинции в этом деле отводили большую (если не главную) роль государству, проявляя себя приверженцами принципа государственной необходимости и справедливости (порой даже в ущерб принципу неприкосновенности частной собственности). Все это характеризует исследуемый контингент как адептов социального либерализма. В подтверждение приведем мысль Петрово-Соловово, высказанную им как бы вскользь, но в то же время отражающую глубокие размышления автора: «...нас могут спросить: объявляем ли мы себя сторонниками принципа: *laissez faire, laissez passer* и противниками всякого вмешательства государства в сферу экономических отношений частных лиц. На этот вопрос можем ответить, безусловно, отрицательно. Мы глубоко убеждены в том, что прямая обязанность государства заключается как раз в подчинении этих отношений общим для всех, в равной мере *справедливым* (выделено мной – О.Ш.) законам»³.

---

¹ Марков Н.Л. Указ соч. С. 10-12.

² См.: Прокопович С.Н. Указ соч. С. 27; Земельные захваты и межевое дело. С. 26; Родная страна. 1908. 23 ноября; Воронежский телеграф. 1912. 9 марта.

³ Петрово-Соловово В.М. Личная земельная собственность... С. 21- 22.

Таким образом, попытки части провинциального общества осмыслить проблемы российской жизни и предложить собственные пути их решения в контексте либеральной идеологии свидетельствуют о востребованности либеральных идей в российской провинции. Созвучность некоторых социально-экономических взглядов провинциальных либералов воззрениям российских либералов в целом, свидетельствует о том, что, с одной стороны, генезис либеральных идей в русской провинции был частью аналогичного процесса в масштабах всей страны; а с другой – что либералами провинции был внесен самостоятельный (пускай и малооригинальный) вклад в духовное наследие российского либерализма в целом.

С.В. Пудовкин (Тамбов)

ТАМБОВСКИЕ ЛИБЕРАЛЫ 1880-Х гг. ГЛАЗАМИ ЖАНДАРМОВ¹

Развитие либеральных идей и внедрение либеральных ценностно-мировоззренческих установок в российском обществе происходило достаточно неравномерно. Мощным толчком к формированию либеральной идеологии в российском социуме стали Великие реформы 1860-70-х гг. Однако они привели и к появлению протестных движений, на долгие годы ставших главной «занозой» в теле российского самодержавия. 1870-е гг. были временем господства народничества в общественном движении. Народничество, по сути, было продуктом набиравшей силу модернизации всех сфер российского общественно-государственного организма. Развитие либерализма шло одновременно с развитием народничества, часто соприкасаясь друг с другом. В 1880-е гг. народничество переживало серьезный кризис, уже не являясь монолитным и сплоченным. Либерализм же в это время постепенно набирал силу, пытаясь найти ответы на все те же вопросы, что ставили перед собой народники, но опираясь на либеральные ценности и способы действия.

---

¹ Статья подготовлена в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (грант П358)

В провинции развитие либеральной идеологии происходило еще более неравномерно, чем в столицах. Причиной тому во многом была традиционность, патриархальность населения. Но именно исследование генезиса либеральных ценностей в провинциальной среде дает возможность проследить особенности формирования российского либерализма и влияние его идеологии на жизнь пореформенного общества.

1880-е гг. были определенным рубежом в развитии либерализма в России. Именно в этот период заметно активизируется деятельность земств, которые становятся оплотом либеральных идей. Можно говорить, что в провинции именно в 1880-е гг. либеральное движение перешло из зачаточного состояния в фазу усиленного развития. В указанное десятилетие постепенно сложились необходимые для этого условия. Это объясняется, в частности, неудачами народнического пути преобразования страны, разочарованностью части общества радикальными методами действий, а также ростом количества земских служащих.

Изучение деятельности тамбовских либералов в настоящей статье опирается на многочисленные материалы жандармов, представленные в форме отчетов, донесений, наблюдений¹. Данный вид источников очень важен для понимания отношения властей к либеральным идеям и конкретным деятелям, но он и предполагает трудности анализа источников, которые нередко содержали в себе намеренное искажение реальности в угоду интересам самих жандармов.

Прежде всего отметим некоторые характерные тенденции в общественной жизни 1880-х гг. Во-первых, народники, либералы, большинство представителей демократической интеллигенции считали это десятилетие временем упадка сил, подавленности и неудовлетворенности, слабости общественного движения. В.М. Чернов писал о конце 1880-х: «Это было необыкновенно тусклое время. Кругом себя мы не видели никаких ярких фактов политической борьбы. Общество в революционном смысле было совершенно обескровлено»². Современники отмечали подобные настроения и в либеральных кругах. По словам Л. Фрейфельда, «время было мрачное; реакция глубоко въелась во все стороны жизни... крайний

---

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. 3 дел-во. 1884. Д. 88. Ч. 51; 1887. Д. 9. Ч. 31; 1888. Д. 89. Ч. 3; 1889. Д. 81.

² Чернов В.М. Записки социалиста-революционера. Берлин, 1922. С. 16.

упадок настроения отмечался даже среди наиболее либеральной части общества»¹. Вторая тенденция касается состава и направленности различных оппозиционных правительству групп и объединений. В 1880-е-начале 1890-х гг. особенно заметно было смешение целей, задач, идеологических установок кружков, синтез, казалось бы, несовместимых идей и теорий. Н.А. Головина-Юргенсон, описывая середину 1880-х гг., указывает на «полное смешение» в пензенских кружках, где сосуществовали толстовцы, революционеры, умеренные офицеры². Схожее впечатление сложилось у С.Я. Елпатьевского о Нижнем Новгороде, оппозиционное сообщество которого состояло из политических ссыльных, студентов и либеральных земцев³. В-третьих, на арену борьбы в 1880-е гг. постепенно выходят марксисты, что меняет расстановку сил в антиправительственном лагере и косвенно влияет на либералов. В-четвертых, главным оплотом либерального движения в провинции становится земство. Вокруг него группируется не только местная интеллигенция, но, что особенно беспокоило власти, наиболее прогрессивно настроенная часть дворянства.

Интересно рассмотреть отношение тамбовских жандармов к непосредственному предмету своей службы, а именно: контролю за состоянием общества. В 1870-е гг. их взоры были всецело обращены на проявления народнической пропаганды. При этом блюстители государственного порядка особо не задумывались об идеологической направленности народнических групп, ставя на представителях разных социалистических течений клеймо «революционера». В 1880-е гг. контроль народнических деятелей проходит уже по хорошо накатанной схеме. В этой связи становится особенно заметным повышенное внимание жандармов к либеральному движению. В середине и конце 1880-х гг. как отдельные представители, так и целые группы либерально настроенных дворян становятся главным объектом жандармского внимания при надзоре за состоянием тамбовского общества. Это, в первую очередь, обусловлено большой опасностью для властей вовлечения в либеральный лагерь представителей дворянства, некогда считавшегося главной опорой самодержавия.

---

¹ Фрейфельд Л. Из жизни народовольческих организаций конца 1880-х гг. // Народовольцы 80-х-90-х гг. М., 1929. С. 143.

² Головина-Юргенсон Н.А. Мои воспоминания // Каторга и ссылка. 1924. № 8. С. 107.

³ Елпатьевский С.Я. Воспоминания за 50 лет. Л., 1929. С. 220-221.

Так, в отчете начальника Тамбовского губернского жандармского управления (ТГЖУ) за 1887 г. основное внимание сосредоточено не на деятельности «сочувствующих революционным идеям», а на борьбе между двумя группами губернского дворянства¹. Первой группе, состоявшей из консерваторов, противостояли дворяне-земцы. Главный тамбовский жандарм был явно обеспокоен наличием оппозиции в самом «благонадежном сословии» и, указывая на малочисленность дворян-либералов, отмечал их энергичность в борьбе за выборное место губернского предводителя дворянства².

Деятельность «земской партии» считалась властями нежелательной в «спокойной» Тамбовской губернии, хотя земцы не предлагали каких-либо кардинальных изменений, сосредоточиваясь на упрочении позиций выборной местной власти. Так, речь отличавшегося умеренными либеральными взглядами тамбовского уездного предводителя дворянства В.М. Петрово-Соловова, в которой он отстаивал права земств и выступал против выделения средств на строительство храма на месте крушения царского поезда в октябре 1888 г., жандармами воспринималась как неблагонадежная³. Дворяне-земцы, как и рядовые сотрудники земства, в 1890-е гг. нередко рассматривались властями как «самая неблагонадежная часть населения».

Самыми ценными для исследователя являются представления жандармов о том, кто такие либералы и кого считать либералом. На наш взгляд, большинство тамбовских деятелей, причисляемых жандармами к либералам, таковыми не являлись. Они лишь в какой-то момент смогли проявить себя сторонниками тех или иных либеральных принципов. И если в отчете жандармов против фамилии некоего общественного деятеля указывалась его принадлежность к либералам, то это могло означать не более чем склонность к новациям в поле его деятельности и прогрессивность мышления. В 1880-е гг. к проявлениям неблагонадежности (а приверженность к либеральным взглядам как раз и выступала одной из ее форм) могли отнести малейшее отклонение от устоявшихся норм, что особенно бросалось в глаза в провинциальном обществе, построенном на принципах традиционного менталитета. Показательно, что даже

---

¹ ГАРФ. Ф. 102. 3-е дел-во. 1888. Д. 89. Ч. 3. Л. 1об.

² Там же. Л. 3-4.

³ Там же. 3-е дел-во. 1889. Д. 81. Л. 11.

тамбовский губернатор в 1879-1889 гг. барон А.А. Фредерикс в жандармских документах проходил как «сочувствующий земцам»¹.

Еще одним сюжетом в истории тамбовского либерализма выступает наметившаяся тенденция общественного сочувствия и поддержки радикальным элементам. В середине 1880-х гг. жандармы были особенно обеспокоены проявлениями симпатий к народникам со стороны ряда видных тамбовских деятелей. Все они имели отношение к выборному городскому самоуправлению, были гласными и даже председателями городских дум и земских управ, занимались разнообразной общественной деятельностью.

В отчете Тамбовского губернского жандармского управления за 1883 г. к «партии неблагонадежных и сочувствующих социалистам» причисляются местные общественные активисты: городской голова Д.И. Тимофеев, присяжный поверенный Н.В. Шатов², мировой судья Тамбовского уезда В.И. Комсин³, гласный городской думы, директор ремесленного училища П.И. Слесарев⁴. По оценке жандармов, Тимофеев считался в среде неблагонадежных «своим человеком», а Комсин, Слесарев и Шатов были его единомышленниками⁵. Последний подозревался к тому же в посредничестве при переписке тамбовских народников с харьковскими⁶. Городской голова, по сводкам жандармов, также имел контакты с рядом тамбовских социалистов. Но едва ли не самым опасным в деятельности Тимофеева и Комсина начальник ТГЖУ считал помощь «неблагонадежным» на выборах в члены городской управы и другие выборные органы⁷.

В итоге причисление либеральных деятелей к сторонникам и помощникам народников выглядит несколько надуманным и преувеличенным. Конкретных фактов у блюстителей государственного и общественного порядка не было. Такое усердие было вызвано

---

¹ Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 272. Оп. 1. Д. 30. Л. 197.

² Подробнее см.: Канищев В.В., Канищев Вл.В., Шлеин М.В. Тамбовская городская дума. Исторический очерк. Тамбов, 2009. С. 65, 67, 71, 121, 152.

³ В.И. Комсин – родной брат тамбовского общественного деятеля, председателя городской думы, депутата III Государственной думы С.И. Комсина. Как и брат, Виктор Иванович был избран в III Государственную думу, примыкал к фракции прогрессистов (Тамбовская энциклопедия. Тамбов, 2004. С. 256).

⁴ ГАРФ. Ф. 102. 3-е дел-во. 1884. Д. 88. Ч. 51. Л. 23об-24; 27об, 32, 33, 34.

⁵ Там же. Л. 23об, 33.

⁶ Там же. Л. 34.

⁷ Муж известной тамбовской народницы О.Г. Алексеевой (Лукьяненко) Н.Я. Лукьяненко неудачно пытался стать членом городской управы, а неблагонадежный В.Маслов – мировым судьей. Там же. Л. 24.

разными факторами, среди которых и обеспокоенность властей, и желание выслужиться перед начальством, и, возможно, политические интриги.

Подводя некоторые итоги, отметим, что при всей своей субъективности жандармские материалы вполне адекватно отражали состояние либерального движения в Тамбовской губернии. В 1880-е гг. оно только формировалось и не представляло собой реальную политическую силу. Оно не было консолидировано, идеологически и концептуально оформлено, группируясь, в основном, вокруг земства и реализуя себя скорее в проявлении сочувствия к более радикальному, чем оно само, народничеству, нежели в самостоятельных действиях. Показательно и другое: у местных властей, послушно следовавших консервативным курсом правления Александра III, тем более в «силовом» жандармском ведомстве, явно отсутствовало четкое представление о либералах, либерализме и его ценностях и, следовательно, трезвое понимание ближайших задач и перспектив развития общества.

**Научное издание
Сборник научных статей**

***СЕРГЕЙ АНДРЕЕВИЧ МУРОМЦЕВ – ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
ПЕРВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ: ПОЛИТИК, УЧЕНЫЙ,
ПЕДАГОГ***